ШКОЛА ОПРИЧНИКОВ

Исповедь энкаведиста

Александр Бражнев

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга является воспоминаниями бывшего сотрудника НКВД Александра Бражнева, впоследствии осужденного военным трибуналом за связь с «контрреволюционным элементом». Свидетель и поневоле участник сталинской политики террора в Украине в 1937–1941 гг., автор пытается очиститься от гнетущих воспоминаний прошлого через откровенный разговор с читателем. Массовые аресты в Харькове, Киеве, зверствования НКВД на Западной Украине, жестокие пытки невинных людей — это лишь отдельные фрагменты той страшной картины сталинизма, которая так детально нарисована Бражневым в его автобиографической повести «Школа опричников».

Для широкого круга читателей.

- Александр Бражнев
  -
  - От редакции
  - МАРШРУТ ВЕДЕТ В ЧЕКА
  - ЭКЗАМЕН. МАНДАТНАЯ КОМИССИЯ
  - ПЕРВЫЕ ДНИ
  - ПРАКТИЧЕСКИЕ ЗАНЯТИЯ
  - ПРОДОЛЖАЕМ ПРАКТИКОВАТЬСЯ
  - НА СТРАЖЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ
  - ТАЙНЫЕ, ПРЯМЫЕ, НЕБЕЗОПАСНЫЕ
  - ВЫБОРЫ. СТОПРОЦЕНТНОЕ «ЗА»
  - БЕГ НА МЕСТЕ
  - ПРИЕЗД ТЕСТЯ. СНОВА ВВЕРХ И ВПЕРЕД
  - КИЕВСКИЕ АРЕСТЫ В ИЮЛЕ 1938 ГОДА
  - В ПЫТОЧНЫХ КАМЕРАХ. КОНЕЦ «ЖЕЛЕЗНОГО НАРКОМА»
  - ПАПАНИНСКАЯ КЛОУНАДА
  - НА СТАРШЕМ КУРСЕ
  - УЧИМСЯ ДОБИВАТЬ
  - ВЫПУСК
  - ДОЛЖНОСТЬ И НАГРУЗКА
  - СПЕЦИАЛЬНАЯ КОМАНДИРОВКА В ЗАПАДНУЮ УКРАИНУ И БЕЛОРУССИЮ
  - ПАСПОРТИЗАЦИЯ ПО-СОВЕТСКИ
  - СРЫВ
  - ПОД СЛЕДСТВИЕМ
  - ВОЕННЫЙ ТРИБУНАЛ
- notes

- ○ 1
- ○ 2
- ○ 3
- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18

Александр Бражнев
Школа опричников

Исповедь энкаведиста

Издательство благодарит за помощь в подготовке издания повести «Школа опричников» журнал «Посев» (г. Москва), особая благодарность Б. С. Пушкареву, А. Н. Моренко и М. В. Славинскому.

От редакции

Повесть «Школа опричников» впервые печатается отдельным изданием, хотя прошло более пятидесяти лет со времени ее первой публикации в российском эмигрантском журнале «Посев» (г. Франкфурт-на-Майне). Полный вариант повести не сохранился — утеряны первые главы о юности автора до его поступления в школу НКВД. Также не известно настоящее имя Александра Глебовича Бражнева, поскольку он был вынужден изменить его, скрывая свое «кулацкое» происхождение. Коротко сообщаем сохранившиеся биографические данные автора, которые, по сути, являются началом его автобиографической повести «Школа опричников».

Автор родился 10 июня 1914 года в Екатеринославской губернии (сейчас — Днепропетровская область Украины). В 1924–1925 годах его семья из восьми человек переезжает на хутор около города Чугуева Харьковской области, который купил отец. Но в 1931 году семья Бражнева была подвергнута печально известному «раскулачиванию» — отец был расстрелян, мать арестована. Мальчик успел бежать в Екатеринослав, где его приютила крестная мать, передав ему метрическую выписку своего покойного сына Александра. Так появился Александр Глебович Бражнев. Для безопасности он уезжает из Екатеринослава в Харьков, там устраивается на работу на завод «Южномонтажстрой». Становится комсомольцем, его призывают в армию, где он женится на дочери комиссара части. Благодаря этому Александр продвигается по службе. Но вскоре тесть узнает о «кулацком» происхождении зятя, и Бражнева демобилизуют. Он снова отправляется работать на тот же завод в Харьков, становится активистом, кандидатом в члены партии. Вся последующая жизнь этого многострадального, но типичного для той эпохи человека, изложена им самим на страницах повести «Школа опричников».

Исповедь раскаявшегося энкаведиста или крик покалеченной тоталитарной системой души — судить вам…

МАРШРУТ ВЕДЕТ В ЧЕКА

В конце лета, вызванный в партбюро, я застал там человека в форме НКВД. Поздоровался.

— Коммунист? — срыву спросил меня новый знакомый.

— Кандидат, — ответил я и испугался: «Что ему от меня надо?»

— Служили в армии?

— Да, младший командир.

— С какого года в комсомоле?

— С 1932. Теперь, как видите, в партии.

— Хотели бы учиться?

— Конечно, но где?…

Чекист начал стальным голосом, с лицом почему-то недовольным, как мне показалось:

— По решению партии и правительства идет набор в школу госбезопасности. Принимаются партийцы, с производства. По характеристике вот вашего секретаря, вы — подходите вполне. Срок обучения — два года, 425 рублей стипендии. Обмундирование, питание и, понятно, жилищные условия — бесплатны.

Не взглянув на меня, чекист, после минутной паузы, продолжал:

— Я думаю, вас это устроит. Вас выделяет партия и, значит, разговаривать особенно не о чем. Сегодня отдадут приказ по заводу. Занятия начинаются через две недели. К десятому числу сдайте документы мандатной комиссии школы. Вы попадаете в почетное положение. Всего хорошего.

И чекист протянул мне руку. Вечером я встретился с секретарем парткома:

— Ах, вот хорошо! — воскликнул он. — Я заготовил вам характеристику, позвонил и в райком.

— Вам? — удивился я. — Что это ты величать меня на «вы» вздумал?

Слегка смутившись, секретарь парткома сказал:

— Да, видишь ли… ты теперь высоко залетел. Помни, что от нас ты видел только хорошее. Разное, брат, случается. Друзья все-таки мы, а?…

Я пожал ему руку и подтвердил, что друзьями были, друзьями и останемся. Мне было неловко — еще примут ли в школу, а я уж важничаю. Мне хотелось, чтобы не приняли — страшно! В этом «почетном органе», пожалуй, не сдобровать. Но нужно идти на все, ва-банк. Все равно, иного выхода нет. И уже

взлетели мечты: может быть, найду следы своих? Может быть, еще жив кто-нибудь?

Сообщил жене. Назавтра, как положено, устроены были проводы. Куда меня провожали? Совсем недалеко, в Межкраевую школу НКВД в Харькове. Мне казалось, — еду, а не иду, и не поблизости, а в жуткую неизвестность.

Когда (дня через два-три) я шел по харьковским улицам к знакомому зданию, проходя мимо которого люди невольно дышат иначе, чем всегда, и смотрят — тоже иначе, — на этом несложном пути мне все представлялось как бы угрожающим: улицы и перекрестки, дома и заборы… Еще бы! — я шел в НКВД…

Вот передо мною шестиэтажное серое здание. На главном входе вывеска: «НКВД СССР. Харьковская межкраевая школа». Справа и слева от дверей дощечки с надписью: «Вход строго воспрещается» — одна по-русски, другая по-украински.

Конечно, это — только школа, но… И я испугался двух маленьких табличек, перешел на противоположную сторону улицы. А что, если меня заманили сюда, не хотели арестовывать на заводе или на квартире?

Мне понадобилось, по крайней мере, полчаса, пока я преодолел страх и заставил себя подойти к главному входу здания.

— Что вам угодно? — спросил меня чекист в форме без каких-либо знаков различия званий.

Сбивчиво и буквально трепеща, я сказал ему, в чем дело. Он ввел меня в коридор и передал сидевшему там чекисту. Тот потребовал мои документы, после чего повел меня на четвертый этаж, оставил у входа в одну из комнат и велел ждать. Ко мне подошел дневальный по коридору (они были во всех этажах) и стал возле. Мысли мои переплетались — то я думал о себе, о том, что меня сейчас ожидает, то вдруг пытался постигнуть: «Зачем у всех дневальных по коридорам за спиной болтаются противогазы? Если это — форма обмундирования для несения нарядов, то почему именно противогаз? А, может быть, здесь применяются газы?»

Мысли мои прервал мой провожатый, который, вернувшись, повел меня дальше. Мы остановились у двери с таблицей: «Начальник учебной части». Провожатый постучал, и, услышав «да», мы вошли. За громадным письменным столом в красном бархатном кресле сидел чекист. Он указал мне на стул около стола и отпустил провожатого. Перебирая мои бумажки, он то и дело искоса поглядывал на меня, и я всякий раз пугался: «Спросит о чем-нибудь, а я сразу не отвечу… Покажется ему подозрительным…»

Но он ни о чем не спрашивал. Собрав бумажки одну на другую, он сказал: «Хорошо» — и взял телефонную трубку. По его вызову тотчас вошел человек в штатском.

— Пойдите с товарищем, — сказал мне начальник учебной части.

Штатский провел меня в большую, похожую на аудиторию, комнату этажом ниже. Тут стояли ряды столов и около каждого по два стула.

— Вот здесь вы можете сесть. Ждите дальнейших распоряжений.

Чекист в штатском ушел, я остался один. Через несколько минут он вернулся — принес мне бумаги, чернил и ручку.

— Пишите заявление на имя начальника школы.

Я принялся писать, отгоняя докучные мысли: «Пишу заявление — значит, сам прошусь…» Дорого дал бы я за отказ — вот если бы мне сказали теперь: «Мест нет. Принять не можем».

— Ну, готово?

— Да, — отвечаю я, поднимаюсь и вижу, что в комнате еще двое, и спрашивает меня один из этих двоих.

— А почерк у вас хороший! — улыбнулся спрашивавший.

— Работал писарем штаба дивизии.

— Так. Ну, посидите минут пятнадцать, мы скоро вернемся.

Снова я один. Хочется курить — боюсь. Выйти бы? — нет, я не смею тронуться с места. Я чувствовал себя заключенным.

Вернувшиеся «хозяева» сказали мне, чтобы я зашел через два дня. Выйдя — как бы вырвавшись — из школы, я видел улицы, перекрестки, дома и заборы в их обычном, мирном освещении. Пока — я свободен! Пока…

Выслушав мой рассказ, Григорий Федорович Корнеев[1] сказал:

— Всеми силами старайся удержаться в школе.

ЭКЗАМЕН. МАНДАТНАЯ КОМИССИЯ

Через два дня я пришел в школу, и снова меня ввели в аудиторию, где сидело еще 14 поступающих. Одни прибыли, как я, по командировкам от производства, другие — из младших командиров Красной Армии, еще носившие форму с треугольничками в петлицах. Я вздохнул о своих капитанских «шпалах». Оказалось, что мы должны держать экзамен для проверки общеобразовательных познаний. Нас экзаменовали, примерно, в пределах программы шестого класса неполной средней школы: математика, русский и украинский языки — все в один день. Потом нам дали пропуска на завтра, к 9 часам утра.

На следующий день был экзамен по политической подготовленности. Вызывали по очереди. Мне было задано несколько вопросов по учебнику Ярославского.[2] Отвечал я, как мне казалось, удовлетворительно, рискнул даже сослаться на «труды тов. Сталина» и вызвал одобрительную улыбку экзаменатора, что-то в тетради отметившего. Экзамен закончился около 12 часов. Нас построили в коридоре и повели в огромную, человек на двести, столовую. Столы на четверых. Белоснежные скатерти. Вазы с цветами. Официанты расставили перед нами приборы в определенном размещении ножей и вилок. В корзинах принесли белый, нарезанный тонкими ломтиками хлеб — в изобилии. Борщ был подан в суповых мисках, наливал себе каждый, сколько хотел. Свиная отбивная, с гречневой кашей, была подана тоже в особых тарелках для жаркого. На третье — фруктовый кисель и мороженое.

Надо полагать, что у всех у нас были одни мысли, — и у тех, что из армии, и у тех, что с производства: таких обедов мы не видывали, про такие обеды рассказывали нам старики, и мы к таким рассказам относились недоверчиво.

Был в столовой и буфет. Кое-кто, в том числе и я, двинулись к буфету.

— Дайте, пожалуйста, папирос «Новый Харьков», — попросил я возможно независимей.

Буфетчица подала мне пачку, я вручил ей три рубля. Так как эти папиросы стоили тогда 2 р. 75 коп., я был удивлен, получив сдачу в 1 р. 65 копеек.

— Вы ошиблись, — сказал я.

— Нет, — улыбнулась буфетчица, — у нас такая цена: 1 р. 35 копеек.

Все цены в буфете были значительно ниже цен советского рынка, и каждый из нас что-нибудь купил.

Затем мы получили пропуска на завтра и разошлись по домам.

Дома меня ждало письмо. Жена писала, как обычно: приветствия, разные несложные факты из быта, но чувствовалась встревоженность — моя школа пугала ее, представлялась ей преддверием ада. Открыто писать о своих опасениях она, конечно, не могла. Тесть приписал к ее письму, что сожалеет о сделанной им глупости, хвалил меня за выбор нового жизненного пути, обещал помощь и покровительство.

Это письмо и завтрашняя мандатная комиссия взволновали меня настолько, что я почти и не спал в ту ночь. Теперь я уже боялся провала на мандатной комиссии — провал означал бы конец моему как-никак свободному существованию.

В указанный на пропуске срок — 13 часов 45 минут — я прибыл в школу. Меня направили опять в ту же аудиторию, но вскоре я был вызван. Вызывавший отвел меня в другую комнату, по тому же коридору. Там сидел чекист в чине младшего лейтенанта, предложивший мне расположиться на стуле напротив. Он спросил фамилию, имя и начал задавать вопросы, касающиеся моего происхождения. Потом вынул из папки мою анкету и расспрашивал уже по ней. Предупредил:

— За дачу ложных ответов подлежите уголовной ответственности по статье…

Я уже забыл, по какой статье. Я знал одно: отступать поздно.

— Кроме того, — продолжал мой истязатель, — вы можете не торопиться с ответами, старайтесь хорошенько припомнить.

Вероятно, это была ловушка. Я не попал в нее потому, что сто — сто двадцать вопросов анкеты были мною зазубрены давно. Опрос длился два часа, и чекист нашел нужным объяснить мне, почему только два часа, а не дольше: я был пролетарского происхождения, мои родители под судом и следствием не были, — одним словом, мое дело было «чистым». Однако я должен был приписать к анкете, что все записанное в ней — сущая правда. Подписали анкету оба — я и он.

Младший лейтенант дал мне 10 минут на передышку, после чего дежурный по школе повел меня на пятый этаж, приоткрыл дверь одной из комнат и пропустил меня вперед. Комната оказалась такой, каких я и никто вообще видеть раньше не могли бы. Стены целиком обтянуты красной материей, по стенам — портреты вождей, самый крупный, занявший простенок между двумя окнами, — портрет «железного наркома» Н. И. Ежова. Посреди комнаты — массивный круглый стол, за столом три откормленных чекиста: старший лейтенант государственной безопасности, лейтенант и младший лейтенант. У обоих окон

сидели чекисты без командирский отличий, секретари-стенографисты. Меня усадили за стол — лицом к лицу с тройкой бугаев.

— Курите? — любезно обращается ко мне старший лейтенант, протягивая коробку.

Благодарю и закуриваю.

— Ваша фамилия?

Отвечаю.

— Анкету заполняли?

— Да, товарищ начальник.

— Правдиво?

— А как же иначе? — разыгрываю я наивность.

— Можете отвечать по вопросам?

Говорю, что готов, и старший лейтенант что-то сказал шепотом своему соседу справа, лейтенанту. Тот зачем-то поднялся и зачем-то объяснил мне, что комиссия намеревается меня опрашивать, а я должен отвечать — четко и без запинки.

— Вполне готов! — снова выражаю я свою готовность врать.

— Сколько вам лет?

Отвечаю, как сорвавшись с цепи.

— В каком году работали там-то?… Где работал ваш отец в 1918 году?…

Вопросы догоняют один другой, падают, как камни. Отвечаю быстро.

— За что ваш отец подвергался аресту в 1931 году?

От неожиданности я чуть не обезъязычел, но справился и с этим, хорошо рассчитанным, ударом.

— Отец не был арестован ни разу, — с деланным удивлением отвечаю я и чувствую, что вот-вот мог бы и ляпнуть правду — правду о родном отце, не о легендарном. Скосил глаза на стенографистов: строчат.

После получасового состязания мне предложили выйти в коридор.

— Выйдите минут на пять — на десять. Мы вас позовем.

И ровно через 10 минут меня вызвали, чтобы объявить, что я зачислен в школу и обязан явиться 17 сентября. Старший лейтенант коротко осведомил меня об условиях обучения.

— Курсанты состоят на полном иждивении — питание, обмундирование, даже проезд. Курсанты находятся на казарменном положении, выходят в город по отпускам, с субботы на воскресенье дается отпуск с ночевкой. Но, — добавил он строго, — если будете хорошо заниматься, а плохие отметки влекут за собой лишение отпуска. Успешно работая, можете рассчитывать на поощрение в виде — внеочередного отпуска в

город, денежной премии, посещения театров и т. п. Само собой разумеется, что и дисциплина должна быть на высоте. Можете идти.

Испытание нервов выдержано, и я бегу домой в безотчетно радостном состоянии духа.

ПЕРВЫЕ ДНИ

17 сентября 1937 года я перешагнул порог Харьковской межрайонной школы НКВД, чтобы готовиться к карьере чекиста. Сомнения, опасения, вечная настороженность — позади. Все интересы — здесь, в этом здании, вывеска которого отпугивает харьковчан, как всякая с этими вот четырьмя буквами…

Явился к дежурному по школе. Он, справившись у командования о том, принят ли я действительно, сдал меня дневальному, а дневальный отвел в клуб, где и собралось 50 человек новых курсантов.

— Встать! — раздается команда, и в зал входит лейтенант государственной безопасности. Вскоре я знал, что это — товарищ Максименко, начальник-комиссар школы.

Максименко, разрешивший нам снова сесть, ведет беседу на тему — как мы будем жить и учиться. Срок обучения — два года, дисциплина — воинская, положение — казарменное. Обмундирование то же, что у комсостава внутренних войск НКВД, на петлицах трафарет: «Х. Ш.» (Харьковская школа). При школе кружки: музыкальный, хоровой, спортивный, есть и кружок танцев, с платным преподаванием. Раз или два в неделю организуются культпоходы в театры, за счет школы. Два-три раза в неделю демонстрируются фильмы — общие и специальные, согласно учебной программе. Раз в неделю — доклад или лекция на темы политического характера. Курсанты составляют две группы, два курса по сто человек. Ежегодно один курс оканчивает школу, а на его место производится прием. До прошлого года набирали только из работников НКВД, а теперь, по решению партии и правительства и согласно указаниям товарища Сталина, набор произведен из числа партийцев и комсомольцев с производства и демобилизованных младших командиров Красной Армии. Имеется библиотека — большой выбор художественной литературы и учебников. Питание не ограничено никакими нормами, оклад 425 рублей.

Начальник-комиссар не забыл ни одной подробности, упомянул даже о том, что курсантам полагается пятидесятипроцентная скидка со стоимости трамвайных билетов. Сделав паузу, он вдруг спросил:

— Кто не желает быть в нашей школе?…

Мертвая тишина.

— Значит, согласны остаться все? — бросает нам Максименко и сходит с трибуны, а затем покидает зал под команду дежурного «встать!».

Дежурный объявляет нам порядок на сегодня. Во-первых, стрижка наголо. Курсант Пришвин взволновался:

— Как же это, товарищ дежурный? Мне 34 года. Мне секретарь парткома говорил, что ничего такого не будет, что не призывники… Да меня жена и дети не узнают!

Дежурный строго посмотрел на Пришвина.

— Помните, товарищ, — сказал он раздельно, — вы уже курсант и приказ начальника школы должны исполнить беспрекословно. Кроме того, разводить вшей мы не собираемся. Видите — я тоже подстрижен? А вы только что поступили в школу и уже разлагаете дисциплину. Ваша фамилия?

Записав фамилию смельчака, дежурный скомандовал построение в коридоре. Построение заняло некоторое время, так как люди или вовсе не были на военной службе, или отвыкли от нее.

К двум часам нас оболванили. Четыре парикмахера посмеивались, а мы готовы были выть: жалко было шевелюр! Помалкивали, однако, — пример Пришвина был свеж.

После стрижки опять построение. На этот раз речь держал «наблюдающий по школе» — особое лицо, назначаемое из комсостава школы, главным образом из командиров взводов и дивизионов.

— Сейчас пойдем в город. Смотрите: дисциплина, строй и голов не вешать! Прямо перед собой — шагом марш!

Стриженые и в наполовину штатском одеянии, мы представляли собой объект всеобщего внимания. Люди останавливались, из трамваев высовывались любопытные. Одни смеялись, другие смотрели со сдерживаемым состраданием, думая, вероятно, что мы — арестованы и нас перегоняют из тюрьмы в тюрьму.

Мы недоумевали, боялись встретить знакомых.

— Стой!

Оказалось, что нас вели в баню. Это тоже казалось странным: в школе НКВД нет своей собственной бани, и нужно было маршировать через весь город километров восемь. Около часа мы ждали очереди перед баней, не имея права выйти из строя. Войдя, строем же, в баню, посмотрели на себя в зеркало: да! вид довольно-таки не того!.. Мыться входили тоже строем и, вымывшись, должны были ждать задержавшихся, чтобы строем выйти в раздевалку. Нам подали продезинфицированную одежду. Мы узнали, что карманы были очищены, ремни и портмоне охранялись двумя курсантами. Это была бдительность, проявленная неожиданно и под видом сбережения содержимого наших карманов от порчи при дезинфекции.

По возвращении из бани мы должны были расстаться с нашей одеждой: нас повели обмундировывать. Это заняло три часа времени. Выдали: по две пары белья, коверкотовую[3] гимнастерку с темно-краповыми петлицами, коверкотовые же галифе, фуражку, поясной комсоставский ремень без портупеи, хромовые сапоги, по две пары носков (шерстяных) и по паре носовых платков.

Но накормить нас позабыли. После бани разыгрался аппетит. Деньги были у каждого, но — где купить? Вечер ушел на размещение по комнатам, получение постельных принадлежностей и т. п. Разместили нас по комнатам — по пять, по шесть человек на комнату. Пружинные кровати, два одеяла, две простыни, пуховая подушка, тумбочка, коврик. Полы паркетные, идеальная чистота, прислуживают наемные уборщики, проверенные НКВД. На стенах, конечно, Сталин и Ежов.

Наконец-то, в 23 часа, нас повели на ужин. День кончен.

Наутро нас подняли ровно в 6 часов. Разбили по отделениям и взводам, выдали винтовки, принадлежности для их чистки (патронов не дали), противогазы.

Семерым оружия не дали — в том числе Пришвину.

Нормальная жизнь началась с четвертого дня, 21 числа. Вечером 26-го было общешкольное собрание с участием курсантов старшего курса. Как всегда на собраниях в Советском Союзе, много было ораторов и через край самокритики. Первым выступил начальник-комиссар, обрушившийся на Пришвина и на всю семерку, оставленную невооруженной.

— К нам хотели пробраться люди с прошлым, — говорил он с возмущением, а про Пришвина сказал, — он хотел разложить, пошатнуть нашу железную дисциплину, но это ему не удалось. Глаз чекиста зорок, мы раскрываем и не таких преступников!

В чем — точней — была вина остальных из злополучной семерки, мы так и не узнали.

Ретивые ораторы, кричавшие, что НКВД, руководимое Сталиным и Ежовым, разглядело в Пришвине неблагонадежного человека, тем самым выдали себя: было ясно — вот они, сексоты НКВД или будущие сексоты.

Было вынесено решение — откомандировать всех семерых, а о Пришвине возбудить дело через партийную организацию завода, его рекомендовавшую. По-видимому, вина остальных была в том, что в их анкетах не все концы сходились с концами: «люди с прошлым»!..

Собрание было для нас полезно в том отношении, что мы лишний раз вспомнили о полной невозможности для советского человека не только протестовать, но и признаваться в том, что

какой-нибудь пустяк ему не по душе. Если этот «пустяк» — действие властей предержащих.

Я сделал для себя вывод: легенду надо повторять в уме почаще, и не ошибся, потому что кое-кто из нас жестоко поплатился за легкомысленное отношение к подробностям своей «биографии».

Всякого рода занятиями — класс, лекция, строй, собрание, самоподготовка — мы были загружены до отказа. Но долгое время мы, изголодавшиеся от недоедания, утешались обильным и вкусным рационом школы. Вот примерный дневной рацион. Первый завтрак — пол-литра какао или сладкого кипяченого молока с куском торта. Второй завтрак — тарелка поджаренной гречневой каши или залитой сливочным маслом лапши, отбивная или рубленая котлета, кружка сладкого чая. Хлеб всегда свежий, только белый и в неограниченном количестве. Обед из трех-четырех блюд: суп, щи или борщ, с большим количеством мяса, можно было есть, сколько хочешь; жаркое с гарниром, кисель, компот, мороженое. Первый ужин: гречневая каша, картошка с мясом, вареные фрукты. Второй ужин: сладкий чай, 50 граммов сливочного масла, торт или печенье, свежие фрукты. Чувствовалось, что наше питание продумано и научно обосновано. Буфет при столовой имел все, что можно найти в лучшем гастрономическом магазине, но — по половинной цене.

Трудно сказать, почему курсанты выглядели все-таки неважно: может быть, нервное напряжение?…

Наш — младший — курс был разбит на два взвода, каждый взвод — на две учебные группы по 25 человек. Старший курс числился за первым дивизионом, младший — за вторым. Я попал в 6-ю группу.

Деление на группы производилось по степени подготовленности курсанта. Например, на младшем курсе наиболее сильной была 5 группа (приравнена к семи классам семилетки), за нею шла 6 (шесть классов семилетки), затем — на уровне низшей школы или пяти классов семилетки — шли 7 и 8 группы. По окончании школы выдавалось свидетельство-аттестат с указанием только общеобразовательных дисциплин, но каждый получал звание (чин) сержанта госбезопасности, или, в переводе на армейские чины, лейтенанта.

Занятия шли своим чередом, и наша жизнь приобрела тот тон однообразия, какой свойственен всякой военной школе. Однажды ночью в эту по часам рассчитанную жизнь внесено было нечто неожиданное — тревога. Ударил гонг. Я проснулся и вскочил. «Боевая тревога!» — мелькнуло в моем сознании бывшего командира Красной Армии. Я быстро оделся, схватил с вешалки

шинель и, застегиваясь на бегу, снял с пирамиды винтовку и противогаз. Выбежал в коридор и стал в строй первым. Командир взвода немедленно отметил время моей явки. Быстро подбегали и становились другие, явка которых тоже отмечалась. В общем же первый опыт тревоги был, по выражению командира взвода, «ни к черту», — последний курсант стал в строй только через 12 минут, а некоторые не успели захватить ремней или же забыли закрыть затворы винтовок. После этой пробы тревоги стали делать через сутки, приучая нас к более «веселому» быту. Иной раз поднимали и дважды за ночь. В результате мы стали укладываться в 5 минут, привыкнув к установленному способу укладки одежды так, чтобы ее было удобней брать и надевать на себя. Но, конечно, это постоянное ожидание подъема лишало сна.

Мы уже не могли жаловаться на скуку, но с каждым днем наша подготовка становилась все серьезней, начальство все требовательней. Как-то был отменен послеобеденный отдых, всех курсантов собрали в клубе, как и всех командиров также. После некоторого ожидания в полной тишине мы вытянулись по команде «встать, смирно!» — и в дверях появился начальник-комиссар в сопровождении незнакомого нам лейтенанта госбезопасности, человека грузного, с вросшей в плечи головой и с шеей, складкой нависшей над воротом.

Первым выступил начальник школы. Он сообщил нам, что вводятся дополнительные, за счет свободного времени, занятия по изучению сталинской конституции.

— В недалеком будущем, — говорил он, — мы будем участвовать в выборах в Верховный Совет. Мы должны твердо знать сталинскую конституцию. Оценка должна быть для всех и каждого одна — отлично. А сейчас, — добавил он, — товарищ из харьковского отдела НКВД расскажет нам о значении конституции и о том, как мы должны вести себя во время избирательной кампании, помня о капиталистическом окружении, которое определяет характер и условия выборов.

Незнакомец говорил хриплым, астматическим голосом. Конституция СССР — самая демократическая в мире. Почти целиком процитировав речь Сталина на предвыборном собрании в Москве, докладчик, смакуя, подчеркнул сталинскую фразу о том, что, мол, если кто сойдет с правильного пути, того мы прокатим на вороных. Тут докладчик сделал паузу для аплодисментов, как это всегда в нужном месте делают все советские ораторы — от вождя до комсорга. Зааплодировал начальник школы, а за ним, разумеется, все присутствовавшие. Клакеры[4] из числа сексотов начали выкрикивать «ура». Докладчик довольно ухмылялся.

Затем докладчик перешел к теме о капиталистическом окружении. Германия — фашисты, Гестапо, безработица, пролетариев выбрасывают на улицу, лучших сынов народа — коммунистов — уничтожают, рабочий день 14–16 часов, голод и нищета. Англия — почти то же, но пока там нет Гестапо; Франция, Италия и т. д. — все одна и та же картина: капиталисты поедом едят рабочих, пауперизм,[5] бесправие, эксплуатация, гнет и ужас.

Упомянул забытое уже имя Тельмана и пообещал скоро-скоро вырвать этого «вождя» из рук фашистов.[6]

Вечером нам показали антинемецкий фильм «Профессор Мамлок», послуживший иллюстрацией к филиппикам нашего оратора по адресу Германии.

Коснулся он и «дальневосточной проблемы», как он выразился. Обругав самураев, докладчик переплыл Тихий океан и начал честить плутократов США, особенно нажимая на то, будто с Америкой нам справиться не слишком трудно: там 15 миллионов безработных, которые нас поддержат. По части готовности к распаду впереди США только Англия. Мы быстро приберем к рукам ее колонии, где порабощенные народы чуть ли не молятся на Ленина и Сталина.

Когда докладчик решил, что вполне убедил нас в том, будто только народы СССР живут вольно и весело, он дал нам урок, предостерегающий от почивания на лаврах.

— Капиталисты и мелкие буржуа Запада и Америки чуют свою обреченность и отчаянно ищут случая подорвать мощь Советского Союза. Вы, товарищи, — дети Октября, вы — курсанты славного органа защиты социалистического отечества. Будьте бдительны, с честью носите высокое и почетное звание чекиста!.. Наш долг — крепко поработать во время избирательной кампании, зорко приглядываться к происходящему вокруг и не давать агентам международной контрреволюции подорвать основы нашего государства. Вы будете прикреплены к участковым уполномоченным.

Последняя фраза означала, что на период выборов мы обеспечены, как говорится, конкретным заданием, что доклад сделан не ради того только, чтобы мобилизовать наше сознание, но и для того, чтобы целиком мобилизовать нас на работу, неминуемо грязную и, может быть, кровавую. Было над чем задуматься!

Вскоре занятия по конституции начались. Странное дело, но проработка текста конституции едва ли не приводит к результату, обратному тому, которого хотели бы достигнуть большевики. Проходя статью за статьей, мы невольно вдумываемся в те

противоречия, какие существуют в СССР между законами и действительностью. Если написано что-то про свободу собраний, то помним, что речь идет о собраниях, организуемых с разрешения властей и под их контролем. Свобода слова означает концлагерь на 5-10 лет. Свободные выборы и тайное голосование — это «выборы» одного, впечатанного в бюллетень и чекистами проверенного кандидата, а, кроме того, списки, на которых помечается фамилия выборщика под определенным номером, дают в результате 99,9 % голосовавших «за». Мы пытались представить себе, в каком ужасном положении находятся трудящиеся Запада и Америки, если положение советских граждан было столь бесправным, что большего бесправия и придумать было уже невозможно. Лезли в голову примеры… Вот, в день смерти члена Политбюро ЦК ВКП(б) Серго Орджоникидзе один из рабочих нашего завода посетовал в заводской столовой:

— Ну что это за суп? Это же баланда, которой кормят заключенных! Или вы это к смерти товарища Орджоникидзе приготовили?

«Пришили» неосторожному человеку агитацию против советской власти и «припаяли» 10 лет концентрационного лагеря.

Дрессировка продолжалась и усиливалась. В начале декабря, в два часа ночи, была подана команда «в ружье!». Построились в течение пяти минут. Явился сам начальник школы и зачитал приказ: мы должны были немедленно отправиться в клуб УНКВД для инструктирования нас о работе на эту ночь. Через полчаса мы были в клубе, где застали полторы тысячи чекистов. Начальник харьковского округа УНКВД майор госбезопасности Кувшинов инструктирует нас. Подготовка к выборам в Верховный Совет проведена, в целом, блестяще, но некоторые работают из рук вон плохо. Мы должны равняться на сталинского наркома Н. И. Ежова. Сегодня курсанты будут проверены на практической работе, и тогда будет видно, кто на что способен. Работа серьезная.

— Товарищ Сталин, партия и правительство ждут от нас доброкачественной продукции. Мы имеем от верного соратника товарища Сталина, нашего наркома Ежова, разверстку на арест по области до 5 тысяч врагов народа. Выполним задание с честью и дадим, сверх разверстки, 10–15 процентов. Наши работники знают, как проводить эту работу, а вы, курсанты, получите практический, весьма ценный, опыт. Оперуполномоченные представят мне рапорты с отзывом о работе каждого из вас. Эта ночь покажет, на что способны наши молодые кадры.

— Ну, а если… — Кувшинов сделал паузу, медленно обвел собрание холодным взглядом и закончил. — Посчитаемся, как

надо!

После второй короткой паузы деловым тоном добавил:

— Адреса известны, ордера на арест выписаны, транспорт заготовлен. По местам!

Не хватало только, чтобы он сказал «с Богом!».

ПРАКТИЧЕСКИЕ ЗАНЯТИЯ

Перед тем, как покинуть клуб, мы были разгруппированы по своим оперуполномоченным. Высыпали во двор, где нас ждали машины.

Под командой нашего оперуполномоченного мы подъехали к дому на улице Свердлова. Это — центр города. Здесь, в этом доме, парадные двери которого растворены настежь, живет нужный нам человек — инженер, специалист по авиамоторам, орденоносец Лаврин. В дверях парадного входа стоит комендант дома, и я решаю с первого взгляда: «Сексот НКВД!» Иначе — чего бы он дожидался на пороге дома, порученного его ведению?

Комендант ведет нас на второй этаж и указывает дверь. Оперуполномоченный звонит — ответа нет. Звонок, должно быть, испорчен, приходится стучать. Ответа нет.

— Смотрите, курсант, — говорит мне оперуполномоченный, — я буду стучать сильней, а вы, в случае чего, стреляйте сразу.

— А чем? — спрашиваю я.

— Да вот же! — тычет он мне в пустую кобуру на поясе.

Оперуполномоченный бранится:

— Посылают на операцию! Извольте видеть — даже пистолета нет!

Обозлившийся мастер своего дела стал бить ногой в дверь.

— Кто там?

— Оперуполномоченный НКВД, — напрямик заявил мой новый командир.

Дверь раскрылась, и на пороге застыл удивленный старик, лет семидесяти, с хорошими светлыми глазами, в пенсне и с седой бородой.

— Руки вверх! — и вот старика, окончательно ошеломленного, уже поставили лицом к стене. Оставив меня для наблюдения за ним, оперуполномоченный двинулся внутрь квартиры. Через пять минут он вывел жену и двоих детей (сын — лет четырнадцати и дочь — семнадцати) инженера, приткнул их к той же стенке, тоже лицом в нее. Все трое в нижнем белье.

— Если кто повернется, оглянется или сделает шаг в сторону, будет тотчас пристрелен! — объявил оперуполномоченный.

Жертвы застыли с поднятыми вверх руками и уткнувшись лицом в стенку. Входит комендант дома.

— Ага, хорошо… Вы комендант? — обращается к нему оперуполномоченный, будто видит его в первый раз.

— Да.

— Будете понятым. Я произведу обыск у гражданина Лаврина. Ордер предъявлю вам. Идемте.

Погром начался с кухни. Если бы Лаврины не стояли лицом к стене, они видели бы, как выбрасывалась из шкафов посуда, продукты, как сыпались битые тарелки и стекла дверок шкафа, как вытаскивались даже перегородки шкафа и полки. Поломаны были табуретки и стол. Искалеченные, они отодвигались ногой в угол после тщательного осмотра. Перед уходом я мельком видел, что и в других комнатах было все поставлено вверх дном: это была та картина, какую я видел в нашей квартире в тот день, когда жизнь моя оборвалась, чтобы начаться заново. Да… заново.

Поработав со всем усердием, оперуполномоченный вернулся и скомандовал:

— Кру-гом!

Лаврины повернулись, конечно, без достаточного искусства, почти падая от усталости, за что и были обруганы:

— Контра чертова! Повернуться не умеете… Ну, научим скоро!

Оперуполномоченный сообщил Лавриным, что изъял бумаги всех видов, часть книг, чертежи. Не составив описи изъятого, он велел Лаврину подписать бумажку, на которой значилось, что при обыске ничего не было украдено.

— Опустить руки, вытянуть перед собой! — скомандовал он остальным членам семьи инженера. Посмеявшись над старухой по поводу обручального кольца («В церкви изволили венчаться, или иностранная разведка подарила?»), он снял кольцо и положил в карман.

Возвращая подписанную бумажку, инженер спросил:

— Кто уплатит мне за убытки?

— Товарищ Ежов, — со смехом ответил оперуполномоченный и бросил старику. — Собирайтесь. Вот ордер на обыск, а вот — на арест.

Я не берусь описывать прощания — это неописуемо, да и сам я был вне себя и старался оставаться равнодушным хоть с виду. Через пять-десять минут мы ехали по новому адресу, на новый разбой. По дороге завернули в управление и сдали инженера Лаврина в кучу других несчастных, нагнанных туда в большом количестве.

Машина вынесла нас на окраину.

— Кто же другой? — осмелился я спросить чекиста.

— Другой? Да такой же контра. Живет загадочно, не по-пролетарски. Семья у него огромная — шестеро, а работает один он и дом себе выстроил. Я наводил справки, не ворует ли на производстве. Нет, говорят, с этой стороны чист. Откуда же

средства? Осведомитель донес, что бывают подозрительные лица, на дом, то есть, к этому типу ходят. Ладно! Нынче выясним. И про средства, и про друзей его. Подъезжаем, кажется.

Машина замедлила ход и ткнулась в переулок, еще минута, и мы остановились у дома, более похожего на халупу: глинобитные стены продырявлены, и это, по-видимому, считается окнами, крыша недостроена — часть под кровельным железом, а часть под соломой; солома же торчала из-под оконных рам. Крыльца или какого-нибудь подобия его не было, и поэтому дом казался оголенным.

Но все же этот дом был убежищем для шестерых и, может быть, прикрывал их наготу, их незащищенность от случайностей советского бытия. Имя владельца было начертано на покоробившейся и уже облезлой дощечке: «№… Ворошиловский переулок. Владелец Сизов».

Мертвая тишина, слабый лунный свет. Мы выходим из машины. Следуя за чекистом, я горестно думаю: «Можно ли упрекнуть этих людей в том, что они имеют столь жалкое собственное жилище? У нас был все-таки хутор. Чему позавидовала власть?»

Оперуполномоченный высвободил наган из кобуры и постучал в дверь. За дверью кто-то ответил: «Кого нелегкая несет в такой час!» — и дверь тотчас распахнулась со всею доверчивостью, без вопроса: «Кто там?» или «Что надо?».

— Руки вверх! — скомандовал оперуполномоченный и направил в дверь наган и электрофонарик.

Команду пришлось повторить, так как открывший нам мужчина от неожиданности остолбенел.

— Кругом!

Человек повернулся спиной к нам, держа над головой дрожавшие руки.

— Обыщите, — приказал мне чекист, но я ничего не нашел в карманах этого злосчастного «капиталиста». — Опустите руки!

Вошли в дом, состоявший из двух маленьких комнат (одна не закончена) и кухоньки. На столе первой комнаты горела керосиновая лампа. На утрамбованном земляном полу спали, под рухлядью, четверо детей. Жена Сизова, обернувшись одеялом, как ковровой шалью, молча смотрела на нас, слегка и не часто вздрагивая. Чекист велел ей поднять ребятишек, после чего всю семью поставили лицом к стене, но на этот раз поднимать руки приказания не последовало, что несколько облегчило мне душу — жаль было заспанных детей, из которых старшему было лет тринадцать-четырнадцать, а младшему, должно быть, около шести. Эту «милость» я объяснил себе удручающим впечатлением

от всей обстановки, в которой жил инженер Сизов, — мой чекист, и тот слегка сдал тон.

Бить и ломать тут было нечего — мебель соответствовала дому и «загадочным» средствам Сизовых: стол с врытыми в пол ножками, самодельные табуретки, два столетних стула, деревянный сундук, двухспальная кровать, тоже «своей работы». В недостроенной комнате валялись дрова. Обыск закончился быстро, и оперуполномоченный сам разрешил Сизовой укладывать детей. Инженера, однако, мы повезли в УНКВД, что на Совнаркомовской 7.

Хочется описать этот дом — после сизовского «особняка» он вызвал во мне несколько мыслей о советских контрастах.

Квадратное семиэтажное здание занимает 200 т. кв. м. С Совнаркомовской — два главных подъезда: входы в УНКВД и УРКМ (управление рабоче-крестьянской милиции). Посредине железные ворота — въезд во двор. На противоположной, западной, стороне дома — улица Иванова. Нижний этаж приспособлен для гаража, седьмой — склады закрытого распределителя для работников НКВД. С южной стороны (ул. Дзержинского) — подъезды для входа в следственные отделы УГБ (управление государственной безопасности). С северной — центральное бюро пропусков, магазин закрытого распределителя и школа милиции. Во дворе этого гиганта — внутренняя тюрьма, в три этажа, огражденная цементированной стеной 6–7 метров высоты. Окна главного здания, обращенные во двор, всегда завешаны шторами, и подходить к ним не разрешается даже работникам НКВД, причем в закрытом распределителе, в бюро пропусков, в УРКМ и школе окна забелены и забиты наглухо.

Мы въехали во двор. Подошел дежурный по двору и, ткнув в спину вылезшего из машины Сизова, крикнул ему:

— Сюда становись, гадюка!

Сизов притиснулся к большой толпе арестованных, стоявших лицом к стене, с заложенными за спину руками. Охрана, с автоматами наперевес, следила, чтоб никто не оглянулся, хотя ничего позади арестантов не происходило. Арестованные были предупреждены, что, если кто спросит что-нибудь у охранников, в ответ получит пулю.

Оперуполномоченный подозвал меня и, сказав, что больше я не еду с ним, вывел меня на Совнаркомовскую, где ждал грузовик, собиравший курсантов.

Было 6 часов утра, когда мы тронулись домой. Позавтракали — и на занятия. После обеда снова зубрили конституцию: права гражданина СССР, неприкосновенность жилища…

Еще через двое суток нас снова привели в тот же клуб, к 8

часам вечера. Начальник УНКВД подвел итоги нашей «операции», был оживлен, весел и со смакованием назвал цифру арестованных за ночь «классово чуждого элемента» — целых 5 тысяч.

— Город очищен, — говорил он, — район, прилегающий к городу, — тоже. Безопасность трудящихся на время выборов полностью обеспечена.

— Но мы не должны останавливаться на достигнутом, — возвысил он голос, — товарищ Сталин учит нас работать с массами.

Что он хотел этим сказать? Не углубляясь в сталинскую теорию управления народом, массами, начальник перешел к разбору нашей «работы», — курсантской. Лицо его выражало искреннее огорчение и, в то же время, строгость.

— Курсанты нового набора, — сказал он, — работали плоховато. Это значит, что у них нет еще сердца чекиста. Надо отвыкнуть от навыков, усвоенных в армии и на производствах. У нас — свое производство, свои задачи и стиль работы. Если вы сами не добьетесь перелома в своем характере, мы излечим вас без помощи врачей — учтите! Сегодня я не хочу останавливаться на отдельных лицах. Скажу только, что из младших хорошо работали всего двое-трое. Мы решили с начальником вашей школы закрепить курсантов младшего курса за оперуполномоченными на весь период выборов в Верхсовет. Тогда мы и сделаем общую и персональную оценку — выводы о каждом.

Последние слова он подчеркнул.

— Сделаем перерыв. Младшие курсанты свободны.

Уже на следующее утро нам объявили, что теоретические занятия заменяются практикой, и прочли нам список — кто к какому уполномоченному прикрепляется. Я попал в число шести курсантов, прикрепленных к сержанту государственной безопасности Яневичу. В 10 часов мы прибыли в управление и назвали указанный нам номер комнаты. Часовой направил нас в бюро пропусков. Получив пропуск, вернулись, и часовой, нажав кнопку электрического звонка, вызвал из коридора второго часового. В коридоре — та же процедура: второй часовой, тоже посредством электрического звонка, вызвал третьего, который и провел нас в комнату 214.

Вслед за нами вошел чекист лет 26–28, жгучий брюнет, с черными глазами, и представился:

— Сержант госбезопасности Яневич.

Затем упрекнул:

— Уже 11 часов 10 минут, а вы, товарищи курсанты, должны быть здесь ровно в 10. Дисциплины не вижу. Наверно, и задания будете выполнять таким же образом?

— Мы прибыли вовремя, — оправдывались мы. — Пока до вас дойдешь, товарищ начальник, надо потратить полтора часа.

— А если бы к нам можно было запросто заходить, здесь набралось бы врагов народа полно, и дело свое они сделали бы. К нам забраться трудно, но вырваться от нас еще трудней, пожалуй. На то мы — чекисты.

Один из наших сказал глупость:

— Разве мы, товарищ начальник, пробирались к вам?

Сержант глянул на нас злобно, и его лицо приняло каменное выражение.

— Давайте лучше перейдем к делу.

Он раскрыл папку с бумагами, вынул листок и стал что-то писать. Потом поднял голову, еще раз внимательно осмотрел нас и начал:

— Товарищи! Я не задержу вас долгим разговором. Я полагаю, что вы политически подкованы достаточно хорошо. Что же касается спецработы, то вы плаваете. Я не думаю хвастаться, но укажу на то, что свое звание сержанта госбезопасности я получил без прохождения школы. Это не с каждым случается и не каждому дается. Кроме того, — он указал на свою грудь, — вот знак почетного чекиста, правительственная награда!

— Так вот, значит… Теперь вы сами видите, — продолжал он, — по поручению начальника УНКВД я должен научить вас будущей работе. С этого и начну. До выборов в Верховный Совет осталась одна неделя. Трудящиеся будут голосовать за кандидатов блока коммунистов и беспартийных. Под моим руководством мы вместе с вами должны обеспечить безопасность нашего избирательного участка. К нам же прикреплены еще курсанты школы милиции. Им вверена охрана и наблюдение вне помещения, а наша задача — вести работу среди членов избирательной комиссии и внутри помещения, где будут голосовать. Я постараюсь каждому из вас дать индивидуальное задание.

Передохнув и все окидывая нас испытующим взглядом, Яневич продолжал:

— Вам известно, что в последние дни мы арестовали около пяти тысяч вредного элемента, но не думайте, что это — все. Нет, таких субъектов кругом полно. Чтобы вы убедились в этом лично, я буду вызывать арестованных к себе, при вас, и вы услышите их собственные признания. Это же будет для вас практикой по части ведения допросов. Завтра придете сюда ровно в 8 часов. Ждать не станете — я дам на вас заказ в бюро пропусков. Возьмите вот — пропуск на выход отсюда и — до завтра!..

ПРОДОЛЖАЕМ ПРАКТИКОВАТЬСЯ

На следующее утро, ровно в 8 часов, мы были снова здесь. Наш «инструктор» встретил нас у подъезда с готовым пропуском. В комнате своей он еще минут пять втолковывал нам необходимость быть бдительными, а потом надел шинель, затянулся ремнем с висевшей на нем кобурой и, не глядя на нас, потупив голову, как бы подчеркнуто секретно, открыл ящик письменного стола и вынул револьвер. Уложив его в кобуру, усмехнулся.

— От этакой штуки ни один гад живым не уйдет…

Он явно рисовался перед нами, то выпячивая грудь, то гибко поворачиваясь. Затем все вышли, чтобы ехать на избирательный участок. По совпадению, в этом участке находился и дом, где квартировал мой Григорий Федорович Корнеев, а помещение для голосования было неподалеку от этого дома.

Сначала мы были подробно ознакомлены с помещением. По левую сторону — подмостки, как бы сцена. За нею, вдоль стены, были сооружены кабинки. Посреди комнаты стояла урна. Начался общий предварительный инструктаж, с предварительной «расстановкой сил». Мне было поручено наблюдение за избирающими в их пути к кабинкам с бюллетенями в руках.

— Разрешите доложить, товарищ начальник!

— Да.

— Я, до поступления в школу, жил тут рядом, и многие мои знакомые знают, что я учусь в школе НКВД. Удобно ли будет показываться им здесь в гражданском платье, да еще и стоять без видимого дела?

— Вы правы, товарищ Бражнев, — ответил Яневич. — Я подумаю, а завтра скажу вам, чем занять вас.

Часть курсантов была рассажена за столом и практиковалась в выдаче бюллетеней. Это — те, кому поручалось наблюдение за самой комиссией. Другие курсанты (их задача — кабины) изображали собою избирателей. Когда «избиратель» подходил к столу, «член комиссии» вежливо спрашивал: фамилию, имя, отчество, адрес, избирательный номер, документ. Тут требовалось — пристально смотреть в глаза. Вручив бюллетень, «избирателя» провожали до кабины, услужливо предлагая карандаш (в кабинах карандаши имелись), а по выходе из кабины он не сопровождался до урны — ему на нее показывали, а стоявшие около урны перенимали «избирателя» глазами и следили до момента, когда бюллетень будет опущен.

После репетиции, прошедшей в общем, как по маслу, мы

были отпущены до следующего дня. Дней пять такие репетиции продолжались с все более точным инструктажем. Вдруг однажды, часов в 10 вечера, нашу группу вызвали к начальнику школы: ровно в 24.00 мы должны явиться к тому же сержанту Яневичу.

Яневич был весел, слегка под хмельком.

— Ну, вот и прибыли! — встретил он нас. — Сегодня покажу вам кое-что новенькое. Будете присутствовать на допросах. На первый раз — допрашиваю я, а вы учитесь. Будьте внимательны — следующий раз допрашивать будете сами. Начальник управления приказал, чтобы каждый курсант научился технике ведения допроса.

Взяв телефонную трубку, Яневич распорядился, чтобы арестанта привели.

— Доставьте-ка мне того старого обалдуя, — сказал он в трубку, — да, того самого… Я ему слегка ребра прощупаю.

Смеясь, Яневич положил трубку и сказал нам:

— Пошли!

Пройдя коридорами и лестницами, мы спустились в подвал и вошли в камеру № 276. Включили свет. Камера была, приблизительно, шесть на шесть метров, без окон, стены и дверь обиты войлоком, слегка побеленным. В левом дальнем углу — стол, по обе стороны которого были расставлены стулья. На двери, с внутренней ее стороны, висел лист бумаги, размером метр на восемьдесят сантиметров, забрызганный чернильными точками в огромном количестве.

Я недоуменно глянул на эту «картину».

— Удивлены? — весело спросил Яневич. — Сейчас увидите…

Открылась дверь, на пороге застыл чекист с двумя треугольниками в петлицах.

— Можно заводить, товарищ начальник?

— Да, — коротко бросил в ответ Яневич и кинулся к двери.

В камеру ввели человека, которого мы не успели разглядеть — так быстро Яневич повернул его лицом к двери.

— Стой, как я тебя учил! — приказал Яневич и сунул арестанту спичку. Тот, не оборачиваясь, стал отмеривать спичкой расстояние от двери — 16 спичек — после чего остановился.

— Голову вперед, руки по сторонам, задницу назад! Забыл, что ли?! — заорал чекист во всю глотку. Сбавив тон до нормального, Яневич приказал. — Теперь считай! Да громче, громче! Посмотрю, сколько за полчаса насчитаешь…

Оказывается, считать надо было чернильные точки на том листе, что висел на двери.

Я посмотрел на курсантов: на их лицах отражалась ненависть к Яневичу и его подручному. Такого «допроса» мы, конечно, не

ожидали. Яневич же, развалившись на стуле, превесело и предовольно ухмылялся. Несчастный считал, считал, считал… Вот он начал сбиваться, и тут же дверь распахнулась, ударив арестанта в лицо. Он упал, обливаясь кровью. Яневич встал, взял графин с водой и начал поливать голову жертвы. Когда тот пришел в себя, его подняли, я узнал в нем инженера авиамоторов Лаврина. Встреча!

Узнать-то я его узнал, но — с трудом и ужасом: на месте лица, кровавая масса, синяки и рваные раны на щеках, глаза — еле заметные отверстия, оправленные сплошной опухолью. Было жутко не только видеть его, но и заговорить с ним.

— Будешь признаваться? — крикнул садист.

— Я ни в чем не виноват, — тихо ответил Лаврин.

— Ага, не виноват?.. Раз, раз, раз, — Яневич бил инженера по лицу крепко сжатым кулаком, по этой опухоли, по этим ранам.

Устоять голодный и измученный человек не мог — через минуту он уже снова лежал на полу, а мерзавцы стали бить его ногами.

Курсанты, как по команде, вскочили и оттеснили садистов. По их лицам было видно, что они почти готовы убить Яневича, но — только почти: страх привит всей советской действительностью, еще там — «на воле», «на гражданке».

Мгновенно растворилась дверь, и вошли двое вооруженных рядовых — должно быть, они наблюдали каким-то образом происходящее в камере. Они унесли избитого. Мы же, немедленно получив обратный пропуск, отправились домой. На следующий день «практики» не было, не было и классных занятий. Курсанты сходились группами, делясь недавними впечатлениями. Каждый имел что-нибудь такое, что взбудоражило его душу и сознание.

Виденное лично мною было «пустяком» в сравнении с тем, что пришлось видеть и пережить многим другим курсантам.

Курсант Майсюк рассказывал:

— Я попал к старшему оперуполномоченному, младшему лейтенанту госбезопасности Фридману. Принял прекрасно и папиросами угостил. Потом повел по закоулкам НКВД в темноту, где понадобился электрический фонарик. Добрались до одной комнаты. Комната как комната, столы и стулья. Но сразу видно, что тут и приспособления для пыток. У одной из стен — мраморная доска и перед нею стул, с наглухо прикрепленными к полу ножками. Над стулом свисало множество проводов. Фридман подмигнул нам:

— Вот аппаратик! А?

Подошел к столу, нажал какую-то кнопку, появился рядовой

чекист. Фридман подмигнул и ему. Тот вышел и вскоре привел арестанта лет сорока, должно быть, но измученного так, что и семьдесят лет дашь ему: скелет, кожа да кости, небритый, грязный, чуть на ногах держится.

Майсюк вздохнул и, прервав рассказ, обратился к нам — взволнованно и почти плача:

— Неужели и мы станем так «работать»?.. Я заявлю начальнику школы. Так нельзя же!

Оправившись, рассказчик продолжал:

— Будешь признаваться? — спросил младший лейтенант.

— В чем?

— Не знаешь разве?

— Нет.

— Сколько ты получал от английской разведки? Какое они дали тебе задание?

— О чем вы говорите? — воскликнул арестант и заплакал.

— Не реветь! Москва слезам не верит. Не признаешься, я покажу тебе кузькину мать — вот, при курсантах. Это будущие чекисты. Ну?

— Делайте, что хотите, гражданин начальник. Я ни в чем не замешан. Был рабочим, хорошо выполнял нормы, на 150 процентов даже. На вас я, конечно, не в обиде — написал донос кто-нибудь. Как только не стыдно врать и губить людей!

— Молчать! Агитировать меня вздумал? Или их, что ли, они тебе помогут, курсанты? Я тебя научу, сволочь!

По знаку младшего лейтенанта стоявший у дверей рядовой подошел к заключенному и потащил его к стулу, что напротив мраморной доски. Вдвоем с Фридманом они усадили арестованного, надели ему на голову железный обруч и стали сжимать голову этим обручем.

— Признаешься?

— Нет. Делайте, что хотите.

Фридман включил обруч посредством провода, и обруч начал сжиматься сам по себе. После некоторой паузы спросил:

— Будешь признаваться?..

Ответа не последовало. Выключили и ослабили обруч. Арестованный сидел, уставив глаза в одну точку. Подали воды. Он очнулся. Фридман дал ему дымящуюся папиросу, но после второй затяжки вырвал ее, закричав:

— Признаешься, гадина, спрашиваю?

— Нет.

— Включить! И поставте браслеты.

Обруч сжимался, помощник Фридмана начал возиться около пыточной машины.

Из пола торчали два крючка на расстоянии в полметра один от другого. Посредине ввинчено кольцо. Ступни истязаемого туго прикрепили ремнями к крючкам, — ноги приросли к полу.

— Привязать зад к стулу! Так. Протянуть шнур.

На стене — ролик с намотанным на него шнуром, конец которого проткнули сквозь кольцо в полу и прикрепили к обручу.

— Включить! — и ролик начал вращаться, стягивая на себя шнур, голова арестованного пригибалась к полу.

Курсант Кошкин не выдержал. Он подбежал к Фридману и с размаху ударил его по физиономии. Поднялся шум. Арестанта освободили. Трое вбежавших в комнату чекистов увели его. Нас отправили домой…

Майсюк говорил горячо, порою — со злобой и заметно не владея собой. Поднявшись с места, он крикнул:

— Нет! Я все-таки иду к начальнику школы, — и вышел из комнаты.

Едва Майсюк вышел, как появился курсант Кошкин, о котором мы знали, что он был взят под арест сразу по возвращении с «практики».

— Ну, как? — бросились мы к нему.

— Хорошо, товарищи. Мне бояться нечего, мое социальное положение ясное и чистое. На «губе» (так называлась у нас гауптвахта) был у меня сам начальник школы. Я все ему рассказал. Он выслушал меня и велел освободить. С Фридманом он еще потолкует — так это дело мерзавцу не пройдет.

Едва ли кто из нас мог предполагать такие последствия нашей первой практики «допросов». Во всяком случае, мы были отчасти рады, что сумели показать «я» и что с нами, как будто, считаются — освободили же Кошкина!

Не только теперь, когда минувшее может казаться не столь ужасным, каким оно было в действительности, но и тогда я сделал вывод: люди остаются людьми, пока всею тяжестью социалистического государства не выдавит из них человечное тоталитарная система, продуманная и жестокая. Ведь большинство курсантов было потрясено «практическими занятиями» и негодовало!

Есть, однако, и как бы готовые экземпляры, есть люди-звери, легко вступающие в ряды палачей. С ними нет особой необходимости долго возиться профессорам и тренерам НКВД — они обучены уже советской действительностью, усвоили самую суть и впитали весь яд большевизма.

Вот рассказ курсанта Гончарука. Мы слушали этого «героя» в тот же день, что и Майсюка, но — после обеда. Я знал о нем только то, что он вырос в рабочей среде и командирован с

производства. Вглядываясь в его лицо, вы не сказали бы, что перед вами какой-то особенный человек. Человек как человек, без особых примет, как говорится. Он рассказывал, захлебываясь:

— Не знаю, чего это меня от вас оторвали, ни в одну группу не попал. Прикрепили меня к Вишневскому. Оперуполномоченный, сержант он. Долго не разговаривал он со мной и повел в подвал. Ладно. Входим в одну комнату, там, в подвале. Тут же привели одного субчика. Здоровенный такой, подлюга! И контрой он него так и разит. Ну, сначала, конечно, культурили с ним — без ничего, этак спросили о том, о сем. Ни в зуб ногой — молчит или нет и нет, мол, не виноват. А Вишневский еще наверху коротко сказал мне, что и как делать. Разозлились мы — чего, сволочь, молчит? Подошел я к нему и резанул в ухо. Другой раз стукнул — свалился, черт, хоть и здоровяк. Дежурный поднял. Дали очухаться.

— Будешь теперь признаваться? — спрашивает его Вишневский.

Молчит, зараза.

— Сажай! — велит Вишневский дежурному, и усадили гада посреди комнаты на стул. Велели вытянуть руки вперед, а голову — кверху задрать. Я подошел да и вышиб стул из-под него. Он — бах на пол, башкой как раз. Доски инда загудели, а он как заорет!

Вишневский ему:

— До горячего, говорит, добрали? Теперь скажешь? Молчишь? А ну, ребятки! — это он нам, мне и дежурному…

Ребра мы ему, наверно, поломали кое-которые. И вдруг — кровь изо рта как хлынет. Я чуть отскочил, а то замарал бы, гадюка… Так и не признался! Вот терпение у сволочей! Я бы не выдержал — признался бы. Прямо, можно сказать, изуродовали, как Бог черепаху. Сегодня опять поеду — дошибем!

— В чем его обвиняют? — спросил кто-то из курсантов.

— Черт его знает! Вишневский говорит, что крупная сволочь.

— И ты его, значит, уродовал, не зная за что?

— А чего мне знать?.. Арестовали — значит, за дело. Меня это не касается. А чего ты защищаешь гада?

— А он гад? Ты в этом уверен, убедился?..

Курсанты насупились. Видя неодобрение, которого не ожидал, Гончарук быстро вышел, будто куда-то ему понадобилось.

И по всем комнатам общежития, по коридорам распространилось злобное уныние — инстинктивное выражение нашего бессилия и нашего плена. Сначала «обменивались опытом», затем — пошептались, а потом умолкли.

Начальство суетилось. Как бы остерегаясь заговаривать с

курсантами, наши командиры шныряли по коридорам с папками под мышкой. Искали какое-то решение, и мы чувствовали, что эта суетня связана с нашим настроением.

Наконец, команда строиться. Оба курса примаршировали в клуб. Начальник-комиссар школы объявил совещание открытым. Уселись. Слово было предоставлено гостю — высокой персоне из УНКВД, — кажется, начальнику какого-то отдела. Мы быстро оценили обстановку: по-видимому, отдать приказом по школе прекратить наше шептание и явные протесты начальство не находит возможным, и вообще — нужен авторитет УНКВД.

Оратор начал с того, что вот, мол, товарищ Сталин хочет усилить ряды чекистов людьми с производства и из армии. Не связывая этой мысли с последующим, оратор заговорил с деланной задумчивостью.

Он как бы анализировал наш практический опыт с большой снисходительностью: еще не освоились и натолкнулись на примеры того, как работает враг народа в среде самих чекистов. Он осторожно нападал на оперуполномоченных, которые вольно или невольно играют на руку контрреволюции. Не все, конечно, но некоторые. Применяя насилие к подследственным, некоторые чекисты допускают политические ошибки (он говорил: «ляпсусы»).

— Мы их за это по головке не погладим, — говорил он, — мы, товарищи, не можем допустить насилие как систему. Но в то же время, товарищи, встречаются случаи, когда вовсе без принуждения обойтись нельзя. Ваша малоопытность еще мешает вам различать, когда насилие необходимо (он подчеркнул это слово) и когда оно — преступление. Наш железный сталинский нарком, товарищ Ежов, учит нас уметь различать злостных и упорных от невинных. Злостных и упорных мы должны выводить на чистую воду именно потому и затем, чтобы спасать невинных, запутавшихся.

Все, что он говорил, было довольно-таки туманно, и мы прекрасно осознавали и фальшивый тон, и фальшивую логику ораторствования представителя НКВД.

— Я думаю, товарищи, — закончил он, — что все должно остаться в строжайшей тайне. Хоть одно слово за стены школы, и виновному не поздоровится.

Этот тон и смысл этой фразы были нам более понятны, и начальнику школы было уже легче говорить о происходящем в нашей среде тоном приказа. Он требовал «прекращения разговоров», а кроме того, предложил нам докладывать лично ему или его заместителям обо всем, что мы встретим предосудительного, с нашей точки зрения. Обещан был

подробный разбор и быстрое реагирование.

— Мы виноваты во всем, — разводил он самокритику, — мы не предупредили вас, не проинструктировали как надо. До сих пор ничего подобного не было. Вы — новый материал в школе, очень разношерстный, пестроватый.

Сделав ряд ничего хорошего не обещающих намеков по адресу младшего курса, начальник школы сказал, что практика прекращается, так как мы, вместе со всей страной, должны будем включиться в кампанию по выборам в Верховный Совет. Затем собрание было закрыто. Курсанты полностью восприняли главное в речах обоих ораторов: надо помалкивать. Разговоры помаленьку сошли на нет, но и тема была, собственно говоря, исчерпана — мы пересказали друг другу все, чему были свидетелями в дни «практики». Возбуждение улеглось, но отрава гнездилась где-то в глубине сознания и не могла не отразиться на самом складе нашего быта.

До этого урока мы немало мальчишествовали, ведя себя, как ученики младших классов обычной школы. У нас не было страха, подавляющего волю. Иной раз мы близко подходили к запретной черте, но ничего серьезного не случалось. Поясню примером. Был у нас курсант Мирошниченко. На одном из вечеров «самодеятельности» он читал стихи казахского певца Джамбула, [7] что-то вроде:

> Джамбул, ты орден получил,
> Тебя народ им наградил.

Все в СССР знают, что Джамбул — безграмотный, от природы пустой человек, но он нужен советской власти для показа популярности Сталина в толще народных масс. Архизахолустный Джамбул выдвинут, «стихи» его переводят на русский язык более или менее талантливые поэты, и получается что-то похожее на поэзию, условно-народную, условно-экзотическую. Мирошниченко был забавен на подмостках, и курсанты стали его именовать Джамбулом, никогда не называя его подлинной фамилии.

Мирошниченко обижался, ябедничал взводному и вышестоящим командирам то на одного, то на другого из нас.

— Как вы смеете называть курсанта Мирошниченко Джамбулом? Вы понимаете, что вы делаете? — распекал взводный кого-нибудь.

— Виноват, товарищ командир взвода. Разрешите доложить: что же обидного Мирошниченко, если его по-дружески называют Джамбулом?

— Да ведь Джамбул член правительства, его сам товарищ Сталин уважает. Я запрещаю вам трепать имя знатного народного поэта. Партия и правительство… и т. д.

Курсант щелкал каблуками, печатал подошвами сапог, будучи, наконец, отпущен взводным, и на вопрос встреченного в трех шагах от взводного курсанта, заинтересовавшегося причиной нагоняя, отвечал:

— Да из-за Джамбула…

После «бунта» никто уже не рисковал шутить даже и таким образом — с НКВД шутки плохи, это мы видели на убеждающих примерах там, в подвалах.

НА СТРАЖЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ

Итак, нам предстояло заняться «обеспечением государственной безопасности». До сих пор мы как-то не вникали в это понятие, и наименования чекистских чинов (по-советски — званий — сержант госбезопасности, лейтенант госбезопасности и т. п.) — эти наименования звучали, ну, как если бы к армейскому чину добавлялось: «сыска» или «палачества». Лейтенант сыска, майор палачества — это звучало бы грубовато, а «госбезопасности» — куда ни шло! Теперь, перед выборами, понятие государственной безопасности было раскрыто: каждое наше движение может стать необдуманным и небезопасным, надо обеспечить безопасность пролетарского государства, — наша профессия (сыска и палачества) — совершеннейше необходимая функция в государстве.

До дня выборов оставались одни сутки. Наша группа была вверена руководству сержанта госбезопасности Герасименко. Надо было полагать, что орденоносный Яневич был куда-то переброшен. Что ему солоно пришлось за усердие, этого мы, конечно, ни минуты не думали. Наш новый шеф повел нас на участок, где мы репетировали не так давно, и занялся распределением между нами ролей. Я и его предупредил, что мне не следует показываться знакомым в роли подозрительно бездельничающего чекиста в штатском. Я остался состоять при особе Герасименко.

Все мы (и Герасименко тоже) были в штатском, но нам выдали пистолеты, причем нас предварительно проинструктировали, как прятать их за пояском брюк. Мы натренировались в этом искусстве достаточно хорошо, и никто не сказал бы, что мы вооружены. Невинные с виду, как овечки, мы могли мгновенно выхватить пистолеты и оскалиться по-волчьи.

С некоторым любопытством воспринимали мы мягкое, вежливое отношение к нам Герасименко. Он порою соглашался с курсантами, не проявляя безапелляционности начальствующего лица. Конечно, он был предупрежден о сухом бунте курсантов и имел указания не растравлять наших свежих ран.

По прошествии часа прибыли курсанты школы милиции, вооруженные винтовками и наганами. Затем появились чины милиции, и всего набралось представителей милиции, считая по-военному, примерно со взвод. Милиция была в своей форме — и работники, и курсанты.

Оперуполномоченный руководил дислокацией внешних и внутренних постов. Охрана была идеальной даже на невозможный случай, т. е. если бы действительно могла возникнуть какая-нибудь опасность. Ни одного поста обнаружить никто бы не смог. Мало того, были приняты меры к тому, чтобы население поговаривало: «Советская власть — наша, ей бояться нечего…» Это пускалось через партпрофорганизации, подхватывалось «активом» партдядей и парттетей…

К вечеру все посты были заняты. Герасименко выделил даже резервную группу из милиции, сосредоточив эту группу в соседнем помещении. Жители были оттуда переселены в другие дома — временно, пока идут выборы.

Когда все было готово, Герасименко инструктировал курсантов.

— Если кто-нибудь подойдет к окну помещения избирательного пункта или будет толкаться тут, задержать и сдать в резервную группу. Точно так же поступать с теми, кто будет толпиться, группироваться возле пункта. О каждом случае немедленно доносить мне.

После того он дал указания и насчет боевой тревоги, что подвинтило курсантов, хотя никто не представлял себе, чтобы до этого дошло. Всю ночь мы репетировали с одним десятиминутным перерывом — на перекурку. Наступило утро. Вдруг — стук в дверь. Оперуполномоченный, доведший себя за ночь до полусумасшествия, подскочил к двери с пистолетом в руке и с видом отчаянного героя быстро ее распахнул. На пороге оторопело застыл напуганный наганом председатель избирательной комиссии. Оперуполномоченный, пряча свой конфуз, бормотал:

— Мы… (Не он, видите ли, а все мы!) …Мы думали, что враги народа…

— А чего бы они стали стучать в дверь? — необдуманно спросил председатель и сразу испугался: лицо чекиста исказилось злобой.

Мы тоже заметили это и подумали: «Влип наш пред!»

Начали прибывать члены избирательной комиссии. Когда они сошлись в полном составе, Герасименко проинструктировал их: как надо наблюдать за избирателем, когда он подходит к столу, как не позволять ему ни на секунду отводить глаза от наблюдающего взгляда и даже… как распознавать врага. То и дело Герасименко окидывал взглядом председателя, и во взгляде этом не было ничего доброго. Закончил он так:

— Для вас это будет трудновато, но мы — здесь. Я и мой заместитель, — Герасименко неожиданно указал на меня, — мы

будем все время находиться тут.

Я был рад уже тому, что в составе комиссии не было никого из моих знакомых. Я больше всего боялся, чтобы о моей «деятельности» не узнал Григорий Федорович Корнеев — он, ведший меня сквозь огонь, воды и медные трубы большевизма, был все-таки моей совестью: я шагнул за предел допустимого. Пусть это не было по моей вине, но это — было, стало.

ТАЙНЫЕ, ПРЯМЫЕ, НЕБЕЗОПАСНЫЕ

Остановлюсь теперь на том, как выдвигались кандидатуры в Верховный Совет, а как за казенных кандидатов «единодушно» голосовал народ, это покажет наша «работа».

Страна разбита на избирательные округа. В каждом баллотируется один кандидат — только один. Кандидаты назначаются партией, но не на основе демократизма внутри ВКП(б). На заседании ЦК партии составляются первые списки — весь ЦК в полном составе, разверстанный по округам: в таком-то Сталин, в таком-то Микоян и т. д. Москва, почти целиком, закреплена за членами Политбюро. Часть районов Москвы оставляется для местных кандидатов: известный стахановец, популярный артист, академик. В результате получается, что Москва никого не забыла, и в числе кандидатов оказались беспартийные актеры, живописцы, ткачи, кружевницы — «блок партийных с беспартийными». Но за Сталина, Кагановича, Ворошилова и других членов Политбюро будут голосовать и на периферии: в Сибири, в Донбассе, на Кавказе, в Средней Азии и т. д. Члены Политбюро будут иметь миллионы и миллионы голосов каждый. Это тоже для внушительности — народ, мол, любит своих вождей.

Осуществляется это таким образом. ЦК ВКП(б) передает список в виде обязательной директивы центральным комитетам республик и областным комитетам РСФСР. Дальше — райкомы и райсоветы, а через них — фабрика, завод, колхоз, где местные партпрофорганизации обязаны найти того, кто выдвинет нужное имя, как бы лично от себя. Колхозники, рабочие, служащие знают уже, что раз выдвинут, значит — так велено сверху, и голосуют с «энтузиазмом». Но ЦК республиканских компартий (Украины, Латвии, Узбекистана и т. д.), областные комитеты также должны заготовить списки кандидатов. Имена этих кандидатов поползут вверх по партийной лестнице и держатся в тайне, пока их не утвердит ЦК ВКП(б). Это, пожалуй, самая скверная работа для республиканских, областных, краевых и районных партийных руководителей, потому что они головой отвечают за каждого кандидата в кандидаты. Впрочем, все эти органы совещаются с местными органами НКВД. Утвержденные списки идут по избирательным округам, заранее разверстанные, и кто-то из избирателей выдвигает указанную ему секретно кандидатуру.

Так как к готовому делу приглашается орган советской власти и даже профсоюз, то получается, будто вся активная часть населения соучаствует в составлении списков, а кандидатуры —

то тут, то там — свои, местные доярки, трактористы, слесари, углекопы.

«Блок коммунистов с беспартийными» — изобретение самого Сталина. Другого такого мастера очковтирательства и наглости нет. Иной беспартийный (академик или артист, инженер) и не рад, что его воткнули в списки. Иной, напротив, — весьма польщен. Но больше всего польщенных среди стахановцев и людей из захолустий. Я уже говорил о Джамбуле — это образцовый кандидат сталинского блока коммунистов с беспартийными: тупой, бездарный, тщеславный. Алексей Стаханов — второй пример. Он в одну ночь стал знаменитостью, когда его понудили разыграть роль рекордсмена по добыче угля. Ему дали целую бригаду «помогал» и мобилизовали весь инженерный персонал. Рекорд был дан. Полетели телеграммы, а имя Стаханова стало служить подлому делу: «Гонись за Стахановым — если он мог, почему не можешь ты?» Попробуй сказать, что стахановский рекорд — искусственная цифра, добытая усилиями целой бригады с помощью наилучшей техники. Стаханов не мог оставаться на месте, потому что не мог повторить рекорда. Его выдвигали все выше и выше, сделали даже заместителем наркома (министра) легкой промышленности, но полное отсутствие каких-либо способностей привело к тому, что Стаханова убрали, к великому счастью наркома Лукина. Но имя Стаханова служит порабощению рабочих СССР и по сие время.

Еще одна личность — Мария Демченко. Ей создал имя рекорд на свекловичных полях. Безграмотная, не имеющая представления о ботанике и агрономии, она была возвеличена как талантливая энтузиастка и чуть ли не новатор типа Лютера Бербанка, американского селекционера.[8]

Каждая отрасль советского хозяйства имеет свое стахановское пугало: железнодорожный транспорт — Кривоноса, текстиль — сестер Виноградовых, обувное производство — Гудова, сельское хозяйство — Марию Демченко, Прасковью Ангелину, волжское пароходство — капитана Чадаева и т. д., и т. п. По разверстке (такой-то отрасли столько-то, а такой — столько-то…) они получают ордена, по разверстке попадают в Верховный Совет. Большинство из них становится членами ВКП(б).

Я сказал выше, что иные не рады этой чести, — да, в списках и в Верховном Совете можно встретить порядочных, умных, даровитых людей. Они — витрина, вывеска, ширма.

Это и есть прямые и тайные выборы. По-советски.

ВЫБОРЫ. СТОПРОЦЕНТНОЕ «ЗА»

Задолго до шести часов утра у дверей помещения для голосования собрались «энтузиасты» в количестве пяти-шести человек. Это были избиратели по наряду: им было подсказано «проявить воодушевление»… К шести часам подоспел уже (также заранее подготовленный) партийно-советский актив. В рассветной синеве был разыгран пролог к комедии, ставшей кое для кого трагичной без единой улыбки.

Фоторепортеры, конечно, вертелись тут же. Уже назавтра газеты запестрели портретами, групповыми снимками и — якобы непроизвольными, а в действительности тщательно срепетированными — сценками. Эти аксессуары оживляли мертвые столбцы передовиц, схожих одна с другой, как сиамские близнецы. Слово, в котором подсоветский каторжанин (по конституции — «советский гражданин») не ощущал ничего, кроме обязательного ярлыка, — слово «Сталин» торчало в строках, в заголовках, над картинками, — всюду и везде, без всякой надобности. Это были молитвословия, славословия в честь Сосо Джугашвили, отказавшегося от своего имени ради жестко, завоевательно звучащей партийной клички «Сталин».

Не так уж много потребовалось времени, чтобы пропустить через избирательный участок актив. Ушел последний лицедей, и наступила пауза: избиратели не появляются. Комиссия нервничает. Туда-сюда посылаются требования: поторопить! Мобилизуются советские учреждения, управляющие домами, по квартирам всего участка рассылаются «толкачи» (напоминатели). Они скромно стучатся в двери, застенчиво напоминают хозяевам о необходимости «исполнить долг». Они говорят, что нельзя же, чтобы наш участок отстал от других — он рапортует вышестоящим организациям ежечасно. Толкачи так строят план своих уговоров, что вы слышите угрозу. Тогда вы спешите, мысленно бранясь: «Будь она проклята, эта комедия!»

Начали прибывать серьезные, задумчивые люди — эти люди играют «торжественный момент»! Иного способа скрыть злость и раздражение нет, ибо весело ухмыляться, как утренние активисты, далеко не каждый советский раб умеет… И он играет — как может.

Оперуполномоченный проявляет «чекистскую бдительность» (его выражение). Он заглядывает избирателям в глаза и ехидно спрашивает: «Ну, что вы так поздно?» Переодетый курсант сопровождает получившего бюллетень избирателя до самой кабины. Оперуполномоченный сигнализирует сидящему за

столом курсанту, чтобы он записал фамилию вот этого и вон того: значит они уже под подозрением.

Я случайно замечаю: на некоторых бюллетенях стоит микроскопический номерок — под этим номером вписан в книги голосовавших тот, кто этот бюллетень получил… «Так-так, — думаю я, — вот она тебе, тайна выборов!» Впоследствии я узнал, что номеровал один из членов комиссии — тоже чекист и чином выше оперуполномоченного. А мы и не знали, что не одни представляем тут «сталинское недремлющее око» — НКВД.

Сопровождающий курсант галантно предлагает избирателю «карандашик». Избиратели — разные: один берет и благодарит, другой отвечает: «У меня есть», третий (он-то и оказывается сообразительным), отказывается говоря: «Да зачем же? Наш кандидат…» — что-нибудь в похвалу кандидата.

Имена избирателей первого и второго типа записывались оперуполномоченным — на всякий случай, потому что они, подлецы, могут, пожалуй, вычеркнуть имя кандидата или написать на бюллетене непотребность.

Так оно и было: перечеркивали бюллетени крестом, вписывали: «Накормите людей!» — «Долой советскую каторгу!» — «Все вы…» — это уже для печати не годится — то, что следовало дальше.

Сколько в СССР наивных людей! Никакая, видно, выучка не идет им впрок. Большевизм измолол 30–40 миллионов людей, вклинился в семью, в школу, в церковь, отравил и заразил любовь и дружбу, а простаки еще думают обмануть самого сатану. Шарахаясь от вывески НКВД, люди доверчиво и невнимательно приближаются к тем зданиям, над которыми висит обозначение «Суд», «Учетно-статистический отдел», «Отдел кадров лесопильного завода имени тов. Дзержинского», «Районное управление милиции» и т. п. Но эти учреждения — заготовители сырья для фабрики убийств и истязаний, именуемой НКВД. Эти учреждения консультируют, исследуют, свидетельствуют.

Сопровождающий курсант, как бы в избытке чувств, дернул занавеску кабины. Тотчас извинился. Но он успел заметить: может быть, избиратель вертел карандаш в руках, когда в этом нет надобности, ибо фамилия кандидата отпечатана в типографии и он один-одинешенек, этот кандидат; может быть (если избиратель отказался от карандаша), сдвинул с места тот карандаш, который положен в кабине (в каждой кабине лежал карандаш — символ свободы воли избирателя).

Умный избиратель находу заклеивает конверт, мгновенно входит и мгновенно же выходит — всякому ясно, что он ни в чем не сомневается, со всем согласен и «голоснул», как приказано. Мы

учитывали все…

Председатель избирательной комиссии водит пальцем по избирательным спискам: там-то и там-то живут — гражданин НН, ему восемдесят лет, гражданин ММ с парализованными ногами… Это же клад! Вот в чем избирательная комиссия может проявить себя.

— Ну, что там?.. Послали за НН машину? Где тот тип, который должен привезти ММ в шарабане?

Умилительно? — да, советская власть форсит: вот какая у нас невиданная в истории забота о людях, — даже расходы по доставке списываем в пассив государственного бюджета.

Свозили калек и немощных также по принципу соревнования между толкачами — кто больше навезет. Навезли с дюжину. Кое за кого голосовали курсанты, т. е. заклеивали готовые бюллетени в готовые конверты. Иные и сами были еще в состоянии осилить задачу: дрожащие руки тыкали в конверт листок, серые сухие языки заклеивали. Привезли старушку лет 70 — не самую старую, но самую слабую. Ее внесли на руках, и председатель был в восторге. Он сам совался к ней с бюллетенем и уже надо было поплевать на обрез конверта, чтобы расплеваться с долгом по отношению к товарищу Сталину и (почему, собственно?) — к народу. Разбинтовали похожую на шелковичный кокон избирательницу и… нашли — там, под шалями и одеялами, — трупик. Извозчик ткнул кулаком правой руки в ладонь левой и сокрушенно сказал:

— Сейчас ведь была жива… Подъезжали сюда, спрашивала, куда, мол, меня везут… Вот ты ведь, дело какое!

Иначе реагировал председатель избирательной комиссии (и этим, кажется, оправдал себя в глазах оперуполномоченного). Председатель развернул плечи, как бы набирая духу, и торжественно произнес:

— Вот, товарищи, подлинная патриотка советской власти! Мертвая, а пришла голосовать!

«Дурак!» — пронеслось в моем мозгу. Нет, реплика председателя пришлась по сердцу оперуполномоченному, и он подкрепил:

— Кабы все такие!.. Старуха была что надо!

На следующий день газеты расписывали: «Акулина Тимофеевна Редькина, будучи тяжело больной, потребовала, чтобы ей дали возможность осуществить право свободного избирателя самой свободной страны мира. В царские, темные и глухие времена, она ничего не знала, кроме кухни… Трясущимися от радости руками она взяла бюллетень… Благородное волнение охватило ее, но силы Акулины

Тимофеевны, надорванные лишениями дореволюционного времени, не выдержали».

Наконец, поздно ночью, закончилась демонстрация «единения партийных и беспартийных» вокруг «лучших людей страны», якобы выдвинутых народом в кандидаты Верховного Совета. Оперуполномоченный отпустил милицейскую охрану, оставив лишь часть постов. Курсанты школы НКВД остались на месте в полном составе. Комиссия по подсчету голосов приступила к работе, усевшись в конце стола. Мы сели группой на другом конце.

Перетащили урну. Оперуполномоченный стал за спинами курсантов, переходил вправо, влево, следя, как курсанты (а не члены комиссии) вынимали из урны конверты, вскрывали их, разглядывали бюллетени. Подавляющее большинство бюллетеней свидетельствовало о благоразумии избирателей — бюллетень девственно чист. Но вот — один, другой… третий…

Курсанты молча откладывают бюллетени — перечеркнутые, целиком, с угла на угол, с зачеркнутой фамилией, с надписями вроде вышеприведенных.

Этих бюллетеней сидящая далеко на противоположном конце стола комиссия не видит. Мало того, члены комиссии будто и не замечают, что на их конец стола перебрасываются не все бюллетени, что то один, то другой курсант затормозил поток.

Итак, отложенные бюллетени скапливаются. Кто опустил их в урну? — Прошло ведь столько народа!.. Но сыск в СССР образцов, едва ли есть еще хотя бы одна страна, обладающая подобным всеохватывающим сыском. Бюллетени идут в судебную экспертизу, в лаборатории, в картотеки. Действует дактилоскопический метод, графология. Избиратели-протестанты наивны: они не научились менять почерк, они брали бюллетени голой рукой, всеми пальцами.

Первый этап — УСО, учетно-статистический отдел, обладающий великолепным шифровальным отделом и лабораторией опознавания. Почти немедленно (группировка отпечатков пальцев гениально проста) 40 % бюллетеней были разгаданы. Трудней с надписями. На отыскивание виновных было потрачено немало времени. Наша работа оправдала себя в том отношении, что мы имели список всех мало-мальски подозрительных избирателей. Это сузило круг лиц, которых надо разоблачить. Использованы были записки и формы, на которых можно было найти ту же руку, — в конторе, на складах, на производстве, где тот или иной подозреваемый работал. На заводе, например, почти каждый рабочий подавал когда-нибудь заявление, если он, по роду работы, даже и не пишет там никогда

и ничего. Допустим, что избиратель АБ нигде не оставил своего почерка. Тогда надо за ним поохотиться. Пошлите к нему якобы агента по проверке электропроводки и пусть агент придерется к чему-нибудь. Протестующему АБ он предложит жаловаться: «Напишите заявление». Неубранный снег на крыше или перед домом, помойка, вывешенное во дворе для просушки белье — все это годится для шантажа и выманивания «заявления». Мы, в качестве представителей НКВД, свезли бюллетени в УСО, руководимые и надзираемые оперуполномоченным. Кто-то доставил в УСО образцы почерков, привлекалась судебная экспертиза (как окончательная квалифицированная агентура), и все меньше становилось неопознанных «врагов народа». Аресты длились, минимум, с полгода после дня выборов.

Надо заметить, что все эти бюллетени просто не шли даже и в валовый подсчет. Отсюда обычная для советских выборов цифра участвовавших в голосовании: 96, 97, 98 процентов. Отсюда же и стопроцентное голосование «за».

Наш опыт и наш кругозор весьма расширились — спасибо выборам в Верховный Совет СССР! Впрочем, ни один из курсантов не сказал: «Счастливейший день моей жизни». А многие избиратели говорили именно так — те, которых снимали фоторепортеры.

БЕГ НА МЕСТЕ

Курсанты возвращались в школу постепенно, не все сразу. Наша группа вернулась на третий день и застала уже часть курсантов дома, тогда как другие еще не вернулись. Бессонные ночи сказались крайней утомленностью, и каждому из нас хотелось поскорей в постель. Но, по-видимому, начальство наше присматривалось к нам.

— Приготовить штатское и пистолеты к сдаче! — раздалась команда, и началась суетня.

Все нужно было вычистить — и костюмы и пистолеты, — мест же для чистки отведено не было. Заполнили коридоры.

Вдруг в нижнем этаже раздался выстрел. Моментально забегали курсанты и начальство.

— Пропустить начальника-комиссара! Дорогу начальнику спецчасти! Дайте пройти товарищу помполиту! — слышалось в переполохе.

— Разойтись по комнатам! — выделилась из общего гвалта команда начальника-комиссара школы, и наступила относительная тишина.

Выяснилось, что курсант Гончарук, уже упомянутый мною, выстрелил нечаянно, приступая к разборке пистолета. Немедленно возник диалог между ним и начальником школы.

— Почему вы произвели выстрел? Как это случилось?

— Не знаю, товарищ начальник-комиссар.

— Где был патрон?

— В патроннике, товарищ начальник-комиссар.

— Зачем? С какой целью?

— По приказанию оперуполномоченного. Мы полагали, что возможно нападение на участок.

— А почему не вытащил потом? — свирепствует начальство, переходя на «ты».

— Забыл, товарищ началь…

— Дурак. Счастье твое, что не задел никого. Но и это тебе даром не пройдет. Марш!

И круто, по-военному четко, повернувшись на каблуках, начальник-комиссар вышел из комнаты, хлопнув дверью.

Провозились мы до трех часов дня и только в четыре пошли на обед. Сразу же после обеда нас погнали в клуб — на собрание. Часа три длилась болтовня, выступал начальник и всякое другое начальство. С серьезнейшим видом разбирался эпизод с выстрелом. С серьезнейшим видом начальник школы утверждал, что «враги народа», действительно, могли напасть на

избирательный участок, а потому курсант Гончарук поступил, как настоящий чекист, подготовив пистолет. Но проявил и недопустимую халатность, не разрядив пистолета по миновании опасности, а поэтому лишается трехдневного отпуска из школы, каковой предоставляется всем прочим курсантам.

Сообщение об отпуске подсластило тягучую и тошнотворную болтовню вокруг да около. Мы возрадовались.

В отпускные дни я встречал в городе то одного, то другого курсанта. Мы были в штатском и все навеселе. Возбужденные незабытыми впечатлениями и винными парами, все, в один голос, говорили о том, как бы уйти из школы. Но так уйти, чтобы не пострадать. Планы были разнообразные, но все сплошь одинаковы в своей наивности. Большая стипендия, прекрасное питание, почет и уважение — все утратило теперь в наших глазах свою ценность. Бежать, бежать!..

Три дня промелькнули, как мгновение. Возвращаюсь в школу, рапортую дежурному командиру, стараясь не дышать. Предусмотрительно полоскал рот эссенцией и обсосал дюжину пахучих мятных конфеток. Проскочил — перегар не коснулся бдительных ноздрей дежурного.

В комнате уже встречают: «Ну, как? Пронесло через мель?» — «А-а, мятных конфет наелся!..» Смеялись.

— А что Лазаревича не видать? — спрашиваю.

— На губе. Засыпался. Дежурный разнюхал…

— Выходи строиться! — оборвала наш разговор команда.

Построились.

— Смирно! — и вдоль строя пошел начальник-комиссар. Он держал в руке лист бумаги. Стал посреди и начал ораторствовать.

Начал с коммунистической морали, выразив гнев по поводу возвращения из отпуска в пьяном виде целой дюжины курсантов и доложил нам, что все они на гауптвахте.

— Что особенно возмутительно и отвратительно, — негодовал начальник, — так это то, что некоторые заявили о нежелании оставаться в школе. Ну, нет!.. Мы не допустим, чтобы кто-либо, разузнав секреты нашей работы, нашей учебы, вернулся к условиям гражданского быта. Мы — слуги народа, и на нас тратятся народные деньги. О папе с мамой забудьте — из школы выхода нет. Запомните крепко-накрепко: заставлю делать все, чего требует товарищ Сталин, чего требует от нас товарищ Ежов.

На утро занятий не было, а сразу же после завтрака созвали партийное собрание. На повестке дня стоял, как и следовало ожидать, вопрос о падении дисциплины. Политчасть подготовила за ночь ораторов. Выступавший первым начальник школы обрисовал положение мрачными красками, но не сделал никаких

выводов. Один за другим выходили казенные ораторы из среды младших курсантов и требовали одного — исключить виновного из партии с отдачей под суд. Дали слово и нарушителям. Они вынуждены были «каяться». Мы узнали, что они вернулись в школу протрезвившимися, но не сумели скрыть запаха перегара. Кроме того, они, каждый от себя, подали рапорты об увольнении из школы. Обращало внимание, что арестованы были именно те, которые просили об увольнении, между тем как с похмелья были почти все вернувшиеся курсанты. Каялись, но не до конца — преступности своего поведения не сознавали.

Открытое голосование привело к принятию резолюции: просить командование ограничиться административными мерами, а от лица парторганизации — выразить порицание.

Решение закрытого партийного собрания не удовлетворило начальство, и вечером было созвано широкое партийно-комсомольское собрание. Решение, однако, осталось таким же. Наши переживания, связанные с этим, были очень сложны. Курсанты мечтали о выходе из тупика — о свободе. Дисциплинарное взыскание с оставлением в школе означало конец надеждам на освобождение. К тому же партийное взыскание, хотя бы в такой малой дозе, как порицание, все же портило «личное дело» партийца. Исключение же из партии с отдачей под суд обещало концентрационный лагерь. Поэтому пришлось голосовать за наименьшее зло — остаться в школе все-таки лучше, чем переселиться в концлагерь.

Наконец начались и учебные занятия. Помимо общеобразовательных предметов (в объеме средней школы), стали преподавать уголовно-процессуальное право. Каждую субботу приезжали лекторы из харьковского военного округа, чтобы освещать международную политическую обстановку. На этих лекциях присутствовали и командиры. Раз в месяц читали лекции кто-нибудь из представителей управления НКВД — о работе иностранных разведок. Лекции были прививкой ненависти к «капиталистическому окружению» и — всегда и неизменно — к внутренним «врагам народа». С другой стороны, всячески внушалась мысль о мировой солидарности пролетариев. Многократно обещалось, что вот-вот переберется в СССР товарищ Тельман, что вот-вот начнется «сталинский поход» на капиталистов всего земного шара.

Политчасть школы также нажала на все педали. Появилось множество стенных газет — общеклассных, взводных, даже покомнатных. Все стенгазеты призывали к соцсоревнованию, не дремала и спецчасть — она накапливала особые анкеты, развернула агентурную сеть так, что уже трудно было разгадать,

кто сексот, а кто нет. Стало известно, что фиксируются все разговоры и обмолвки.

Смутьянам нашим было объявлено, что наказание будет забыто, если они проявят безукоризненную дисциплинированность и добьются успеваемости не ниже четырех баллов в среднем.

Десять из двенадцати взяли рапорты назад, но двое упорствовали, выдвигая целый ворох всяких причин, якобы уже веских, настолько веских, что школа должна отпустить их на волю подобру-поздорову. Эти упрямцы (или — герои) готовы были обратиться в управление НКВД и даже к самому народному комиссару. О них еще придется упомянуть.

В первом квартале 1938 года на практику нас не выводили. Думать нам не давали, заняв все наше время кружками разного рода: хоровой, музыкальный, спортивный и т. п.

Курсанты, как говорится, поднажали. Волей или неволей, но поднажали, и средний балл — пятерка — был достигнут многими, в том числе и мной. Стенгазеты и школьный бюллетень «Чекист» ликовали.

Наш кратковременный протест лучше всего характеризуется сравнением с самым нудным приемом строевого обучения: бег на месте. Потоптались, потоптались, да и снова стали в строй, застыв, как истуканы: не дыши и слушай команду.

ПРИЕЗД ТЕСТЯ. СНОВА ВВЕРХ И ВПЕРЕД

В середине апреля меня вызвали с классных занятий к начальнику-комиссару. Это испугало меня, как всякая вообще неожиданность в наших условиях. Шагал бодро, но сердце заныло. Когда я постучался в кабинет начальника школы, я сделал это, по-видимому, слишком робко: разрешающее «да» последовало только по второму стуку.

Рапортую. Едва я закончил рапорт, ко мне обернулся лицом грузный военный, сидевший спиной к входной двери. Это был мой тесть. Вторая неожиданность могла ведь тоже обеспокоить, и я остолбенел.

— Подойдите поближе, товарищ курсант, — улыбнулся начальник школы.

Забыв попросить разрешения поздороваться и ободренный приветливым видом тестя, я кинулся к нему, и в этом выразилось все сразу: год разлуки, мои испытания, мой постоянный страх, моя надежда, что в тесте нахожу как-никак своего человека. Начальник пригласил меня сесть. До сих пор не пойму, чего ради тесть проявил ненужную степенность и не сразу ответил на мои расспросы о жене.

— Не волнуйся, дорогой! — ответил, наконец, тесть, положив мне руку на плечо. — Все благополучно. Таня вполне здорова и находится здесь. Я думаю, — добавил он, глянув на начальника, — что товарищ начальник разрешит тебе встречу.

Тот кивнул головой — дескать, можно. Тесть заявил, что его больше интересует, как я занимаюсь, каковы мои школьные успехи.

— Занимается ваш зять, товарищ генерал-майор, отлично, — ответил за меня начальник, — общий балл — круглая пятерка. Покажите вашу премию, товарищ Бражнев.

Я показал автоматическую ручку. Тесть довольно улыбался, а начальник, явно разыгрывая великодушного хозяина моей жизни, продолжал:

— За отличные показатели в учебе, товарищ курсант Бражнев, даю вам отпуск на шестнадцать дней. Надеюсь, что на вашей успеваемости это плохо не отразится. Идите в учебную часть и получите увольнительную записку.

— Есть, товарищ начальник-комиссар школы! — рявкнул я, вскочив со стула, и пулей вылетел в коридор.

В учебной части меня разодолжили тем, что машинистка уже

заготовила увольнительную записку. «Темпы на все сто!» — мелькнуло в моей голове. Еще несколько минут, и я сбегаю вниз, к подъезду. У подъезда стоит автомобиль «М-1», а за рулем — сама Таня. Как раз наступила перемена, и высыпавшие на улицу курсанты были свидетелями нашей встречи. Тут же подоспели тесть и начальник школы, которого жена горячо благодарила.

Когда мы подкатили к моей квартире, у калитки столкнулись с Григорием Федоровичем.

— Раскулачить тебя надо, — смеясь обратился Корнеев ко мне, — мебели у тебя невпроворот! — он показал мне кровать, шкафы, столы, стулья, этажерки, стоявшие около дома.

— Откуда? — удивился я.

— А это мы Танино приданое привезли, — сказал тесть.

Расстановкой мебели распоряжалась жена. Мною — тоже.

— Переставь кресло вот сюда. Хорошо. Подвинь шкаф к окну. Стой! Не так близко, оттяни влево…

Я стал исполнителен и безинициативен — получалось уютно — и красиво, и удобно.

За этой возней я успел узнать, как все произошло. Тесть получил командировку в харьковский военный округ, а жена воспользовалась этим, чтобы перевезти мебель. В мае-июне она должна была окончить институт, нас ожидало какое-то подобие брачного быта, пока я еще курсант.

Тесть целыми днями сидел в округе, а мы разгуливали по Харькову. После однообразно белой и замызганной Винницы Харьков покорил сердца Тани и ее отца. Раза три мы ходили с тестем в школу, и я делал вид, что слежу за уроками, не оставляю занятий и дома. Записывал, выписывал, наскоро переписывал. Тесть проводил время в беседах с начальством.

Однажды помощник начальника школы по политической части (помполит) вдруг спросил меня:

— А почему вы до сих пор кандидат? Почему не подаете заявления о переводе в члены партии?

— Еще не вышел кандидатский срок, товарищ помполит.

— Это не имеет значения, — подхватил тесть.

— Совершенно верно, товарищ генерал-майор! — отозвался помполит, — курсант Бражнев отличник, и это поможет делу. Пишите заявление, товарищ курсант Бражнев…

В июне школа была переведена в лагерь Безлюдовка. Как только лагерь был приведен в надлежащее состояние (на оборудование палаток, проведение дорожек, передних линеек и т. п. потребовалось три дня), — начались занятия, весьма усиленные, но пошедшие на пользу нашему здоровью — строевые, тактические, топографические, стрелковые занятия на

свежем воздухе. Мы прямо-таки помолодели.

Но вот однажды команда: «В ружье!» К строю подкатил «Черный ворон». Это было на третьей неделе нашей лагерной жизни, кое-кто из курсантов был в городском отпуску, уже разрешенном нам. «Черный ворон» привел нас в недоумение: среди нас, кажется, нет никого, кого следовало бы втащить в эту роковую машину.

Командир взвода подходит ко мне и приказывает выделить троих курсантов — поедут в Харьков и арестуют двух пьяных курсантов-отпускников.

— Едете и вы, — сказал он, — нужен младший командир.

Курсантам выдали винтовки с 15 патронами, а мне наган. Получив адрес, мы тронулись. Подъезжаем к гостинице «Красная», что на площади имени Тевелева. Вхожу первым. За столиком сидят два курсанта. Увидев меня, они приподнимаются, и я вижу, что сейчас последует дружеское приглашение меня к столу. Но за мною подходит курсант с винтовкой, и нарушители дисциплины соображают, что надо ждать развития событий.

— В чем тут дело, — спрашиваю, — вы буяните?

— Нет, товарищ помощник командира взвода.

— Пьяные?

— Как видите, нисколько, товарищ помощник командира взвода.

— Вы арестованы.

— За что? — в один голос спрашивают они, надевая фуражки.

Не отвечая им и не зная, что отвечать, вывожу их из гостиницы, приказываю лезть в машину и, оставив с ними конвойных, возвращаюсь в гостиницу. У дверей меня встретил какой-то работник гостиницы — официант, должно быть.

— Что тут произошло? Как они себя вели?

Пренеприятнейший субъект услужливо, как бы подчеркивая, что вот, мол, я какой дельный парень, рассказывает. Вошли в форме, заказали по стопке водки, а потом и еще по стопке. Подал, но немедленно доложил лейтенанту государственной безопасности.

— Где он? Откуда он в гостинице?

— Да в своем кабинете.

— В каком? — удивлен я окончательно.

— В директорском. Он директор гостиницы и лейтенант госбезопасности.

— Ну, а вы?..

— Я только агент, — смущенно отвечает субъект.

Утром школа была выстроена, и началась «проработка». Зачитали приказ, из коего явствовало, что курсанты Панюшкин и

Филатов, несмотря на неоднократные предупреждения, зашли в гостиницу, будучи в форме, пили, требовали еще, но им, вследствие нетрезвого их состояния, отказали. Тогда курсанты, пользуясь своим положением чекистов, пригрозили официанту, и тот вынужден был удовлетворить их требование. Наконец, они подходили к буфету, сами брали водку и оскорбляли буфетных работников. В силу этого курсанты Филатов и Панюшкин арестованы, и направлено ходатайство наркому об отдаче их под суд.

Я рот разинул, услышав эту галиматью. Но галиматья обсуждалась на собраниях — общих, партийных, комсомольских. На совместном, партийно-комсомольском, собрании они яростно защищались, отрицая все, что говорилось в приказе. Доведенные до состояния готовности на все, они твердили:

— Исключайте, судите, но все это — ложь. Заниматься в этой школе больше не хотим и не будем! Дискредитировать форму не собирались, а вели себя тихо и смирно…

Как бы то ни было, им пришлось сесть под арест во внутренней тюрьме школы. Так они сидели, пока мы ездили на крупную киевскую операцию.

КИЕВСКИЕ АРЕСТЫ В ИЮЛЕ 1938 ГОДА

Примерно восьмого июля неожиданно, по тревоге, школа была построена. Начальник-комиссар школы зачитал перед строем приказ: на нашу школу выпала почетная и ответственная задача! Мы сегодня в ночь выезжаем в срочную командировку по выполнению особого задания товарища Ежова. «Город Киев, — говорил начальник, — засорен вражеским элементом. На нас возложена ответственнейшая задача: совместно с работниками НКВД Украинской республики и Киевского УНКВД очистить город Киев от врагов». Закончил он свою речь обычными агитационными фразами, напоминанием о бдительности и восхвалением «отца народов».

В 20 часов школа была построена в полной боевой готовности. К строю подошла автомашина с ящиками, в которые было приказано погрузить оружие курсантов. Оно было срочно отправлено на зимние квартиры, в Харьков. Мы же пошли в город и к 22-м часам были на южном вокзале. Там стоял специально подготовленный эшелон с девятью вагонами. К эшелону мы прошли не через главный вокзал, а через запасные пути, с целью скрыть от посторонних глаз наш переезд. У железнодорожного состава, стоявшего на запасном пути, нас построили для встречи начальника УНКВД Харьковской области. Он произнес короткую речь, главный упор которой был на необходимость соблюдения служебной тайны, чекистской бдительности, дисциплинированности и т. п. Не обошлось и без угроз по нашему адресу и напоминаний о суровых карах в случае нерадивого выполнения обязанностей. В 23-м часу разошлись по вагонам. В каждом вагоне был специально назначенный из командного состава школы агитатор. Несмотря на усталость курсантов, он долгое время вел свою работу — болтовню на различные политические темы.

Хотя наш эшелон был эшелоном специального назначения, он двигался довольно медленно. Только к 9-ти часам утра мы прибыли на станцию Полтава. В Полтаве мы простояли до 11-ти часов, когда прибежавший начальник-комиссар школы, весь мокрый от пота, подал команду выгружаться из вагонов со всеми вещами. Через пять минут мы уже стояли у вагонов. Последовало распоряжение — построиться по курсам и взводам. Начальник-комиссар в возбужденном тоне начал говорить о том, что враги народа так многочисленны и так хорошо раскинули свои сети,

что уже знают о возложенном на нас спецзадании Ежова. Чтобы уничтожить молодые кадры НКВД, они готовили крушение эшелона. Благодаря бдительности командного состава школы было выяснено, что в эшелоне есть неисправные вагоны. Например, первый вагон — с треснувшей осью, четвертый и седьмой — также с серьезными неисправностями. Мы спаслись, но кто знает, не повторит ли враг попытки уничтожить нас. Видимо, в наши ряды кто-то пробрался из вражеского стана и сумел наладить непосредственную связь с врагами — иначе трудно было бы объяснить подачу совершенно негодного состава. Речь закончилась угрозами по адресу этих вражеских лазутчиков и обычными здравицами — в честь Ежова и Сталина.

Командованием школы была дана срочная телеграмма наркому НКВД СССР Ежову о случившемся и, наверно, не один железнодорожник поплатился жизнью за это «чрезвычайное происшествие».

Нас вывели на вокзальную площадь и после получасовой паузы объявили, что предстоит посадка в другой эшелон. Хитрые чекисты повели нас на другие запасные пути, и мы погрузились, но наше начальство просчиталось: оно забыло о том, что мы, хотя и молодые, но тоже чекисты и сразу распознали замыслы наших заправил. Вагоны были все те же, но только поставлены на другой запасной путь. Многие курсанты при выгрузке забыли кое-какие мелкие личные вещи и потом в новом эшелоне они нашли их на тех же местах. Сделано это было для того, чтобы озлобить курсантов до остервенения, так как работа предстояла серьезная.

В дороге от Полтавы до Киева нам начали выдавать командировочные деньги, и только тогда мы узнали, что едем на целый месяц, а, может быть, и больше, так как командировочные мы получили на месяц. Когда мы прибыли в Киев, эшелон остановился на запасном пути. Нас построили и провели опять-таки не через главный вокзал, а какими-то закоулками, причем пришлось даже перелезть через двухметровый забор. Затем мы пошли на так называемую Байковую Гору, где располагалась школа усовершенствования командного состава милиции. В ней мы и разместились. После получасового отдыха мы снова были собраны и построены в саду школы. Ожидался приезд каких-то больших начальников. После десятиминутного ожидания к воротам подъехала машина ЗИС-101, и из нее, в сопровождении свиты, вышел сотрудник республиканского управления НКВД, с двумя ромбами в петлицах. Последовали обычные команды встречи начальника. Без представления он начал говорить. Буквально через пять минут подъехала вторая машина, но из нее вышли уже лица в гражданском платье. Они подошли к

говорившему и арестовали его.

После недолгой паузы подъехала еще одна машина — с помощником начальника НКВД УССР по милиции. Ему также не удалось окончить свою речь — он был вызван обратно, в управление. Растерянность была всеобщей. Не только среди курсантов, но и среди командного состава школы пошли разговоры о том, что мы-де ехали искать врагов, а они сидят в управлении НКВД республики. Многие обращались к начальнику-комиссару с предложением продолжить речи. Но он растерянно отказался, ответив, как бы шутя: «Боюсь — арестуют и меня».

На дворе уже стемнело. Нас провели в клуб этой школы милиции, в котором должен был демонстрироваться кинофильм «Слава чекистам». Перед началом сеанса откуда-то взялся какой-то сотрудник в форме НКВД, отрекомендовавшийся уполномоченным УНКВД Киевской области, и очень коротко рассказал нам о происшедшем. Оказывается, в управлении НКВД республики и Киевской области произошло что-то невероятное. Было арестовано множество ответственных работников. Временно отстранены от занимаемой должности как начальник управления НКВД республики, так и начальник УНКВД Киевской области. Говоривший передал нам, что инструктирование отложено на завтра и завтра же мы приступим к своей работе.

На следующий день, с утра, нас привели в управление НКВД республики, где был произведен краткий инструктаж и разбивка для оперативной работы, т. е. прикрепление отдельных групп курсантов к оперуполномоченным республиканского и областного аппаратов НКВД. Затем оперуполномоченные провели группы курсантов в свои кабинеты и там уже дали персональные задания. Каждые два курсанта были прикреплены к какому-нибудь оперуполномоченному НКВД, и за каждой группой была закреплена одна автомашина. «Ордера на арест у нас уже выписаны, — говорил уполномоченный, — все адреса уже имеются, так что затруднений никаких не будет». Я был прикреплен к оперуполномоченному УНКВД, младшему лейтенанту госбезопасности Маур. Под его командой находилось пять групп.

Наш район арестов назывался Соломинка. В него входили: Зеленый поселок, авиационный городок, сахарный институт имени Микояна и артиллерийская военная школа. В Зеленом поселке главным образом жили ответственные работники и деятели искусств. Они подлежали аресту почти все поголовно. Население этого поселка, по выражению оперуполномоченного, состояло на 100 процентов из контрреволюционного элемента, большинство которого прибыло из Харькова во время переезда

правительства в Киев в 1934 году. Они, по словам оперуполномоченного, были связаны со Скрыпником и другими «матерыми контрреволюционерами».

Начался кровавый погром.

После 24 часов на улице не было видно ни одного человека. Киев замер. Везде были разбросаны усиленные наряды милиции. Все, кто появлялся на улице, немедленно задерживались и направлялись в отделение милиции. Там в течение двух-трех дней допрашивались, и только немногим удалось увидеть свои родные семьи. Большинство, как «СОЭ» — социально-опасный элемент, было отправлено в концентрационные лагеря.

Весь легковой транспорт Киева, с надежными шоферами, был мобилизован на ночные работы в НКВД. Машины сновали по городу одна за другой всю ночь, так как аресты, как правило, производились ночью.

Первый арест с моим участием был произведен в Зеленом поселке — арестовали одного из научных сотрудников, некоего Беляева. Мы прибыли около часу ночи к дому Беляева. Машина остановилась около калитки. Фары были потушены. Выйдя из машины, мы перелезли через забор с противоположной стороны дома и направились через сад. В доме было тихо. Оперуполномоченный начал стучать в дверь. Через несколько минут из коридора послышался голос: «Кто там?» В ответ ему оперуполномоченный сказал: «Сотрудники НКВД». Дверь открылась, и на пороге появился сам Беляев. Уже старик, примерно 70 лет, он спокойно предложил нам войти. Оперуполномоченный приказал мне остаться с Беляевым в коридоре, а сам пошел дальше, включил свет и разрешил нам зайти в квартиру. Была разбужена вся семья: сын, в возрасте 40 лет, тоже сотрудник какого-то научного института, жена его — преподавательница русского языка сахарного института имени Микояна, двое детей и домашняя работница. Полураздетые, они все, за исключением работницы и детей, были поставлены лицом к стене в одной комнате с заложенными назад руками. Оперуполномоченный начал производить обыск, а я охранял несчастных. Хотя нам оружия и не выдали, но кобура от револьвера висела на поясе. Обыск производился без всяких «понятых». Посуда пересматривалась и бросалась на пол. Одежда прощупывалась и также бросалась на пол в одну кучу. Картины снимались со стен, тщательно осматривались, не вложено ли что-либо туда, бросались на пол и ломались. После окончания обыска квартира производила впечатление полного погрома. Как вещественные доказательства были изъяты книги, письма, открытки, фотографические карточки, дневники и т. п. Никакого

протокола обыска и описи изъятых вещей не составлялось. Беляеву, его сыну и жене сына был предъявлен ордер на арест, после чего мы увезли их в УНКВД.

Жители Зеленого поселка ежедневно арестовывались семьями, только дети передавались советским властям в особые детские дома. Одновременно другая волна арестов прокатилась по авиационному городку. Летчики, днем находившиеся на аэродромах, только к вечеру возвращались домой, в веселом настроении от удачных полетов, с рассказами о своих новых достижениях. Но вот грянул гром поголовных арестов… В первую ночь во дворе городка и в корпусах его было тихо. В следующую же ночь уже во многих окнах светился свет — ждали машины НКВД. Многим было ясно, что не сегодня, так завтра им предстоит разделить участь ранее арестованных. При уводе арестованных летчиков семьи, как правило, оставались. Всегда при прощании летчики отвечали на вопрос жен, когда они вернутся: «Ведь я ни в чем не виноват, завтра вернусь». Вернуться удалось только некоторым из них, и то только после долгих истязаний полутора-двухлетнего тюремного заключения.

В артиллерийском училище была сделана боевая тревога, и когда прибыл весь командно-преподавательский состав училища, подъехало несколько машин с сотрудниками НКВД. Они произвели арест многих командиров и преподавателей училища, в том числе и начальника училища, который, по распоряжению НКВД, поднял училище по тревоге.

В сахарном институте им. Микояна был произведен подобный же групповой арест. Служащие и преподаватели института были собраны на совещание в здании института. Совещание было намеренно затянуто до двух часов ночи. Тогда приехали «черные вороны» и 80 процентов сотрудников института было арестовано.

Внутренние тюрьмы управления НКВД республики и области были переполнены. В обычных «тройниках» находилось по двадцать человек. В одиночных камерах — по 6–7 человек. Нельзя было не только лечь, но сидеть даже было негде: люди отдыхали по очереди. Таким путем в течение недель, а иногда и месяцев арестованных доводили до полного изнеможения. Во дворе, в коридорах — везде были видны арестованные, стоявшие под конвоем, с заложенными назад руками, лицом к стенке. Допросы производились только главарей «контрреволюции». В кабинетах оперуполномоченных можно было видеть этих несчастных, с поднятыми вверх руками считающих «звезды» (вид пытки, который я уже описывал выше). Если арестованный падал от изнеможения на пол, его обливали холодной водой, ставили на ноги и спрашивали: «Ну как, контра, признаешься?» Если человек

не отвечал или пытался говорить, что он не виноват, то следователи кричали, ругаясь особенно вычурной и грубой бранью, и начинали избивать его. Выбивали зубы, глаза, зачастую ломались ребра…

Аресты дошли до таких колоссальных размеров, что в управлениях НКВД негде было повернуться. Коридоры, комнаты следователей, уборные — все было забито арестованными.

С военнослужащими Красной Армии обращались еще хуже, чем с гражданскими лицами. Их приводили в коридор, специально предназначенный для раздеванья. Петлицы, знаки различия, звезды с фуражек, ордена — все это срывалось и бросалось в ящик, стоявший в коридоре. Он был примерно длиною в метр, шириной — около полуметра и высотой до 70 см. В течение трех недель арестов этот ящик был заполнен до отказа. После этого арестованных военнослужащих проводили в специальную так называемую этапную комнату. Она была очень холодной, с нарочно созданной грязью, с никогда не убиравшимися экскрементами. Жертва раздевалась догола, одежда уносилась для специальной проверки, а арестованный простаивал по колена в грязи и в холоде по нескольку часов.

В связи с большим числом арестованных, по НКВД республики был издан приказ: аресты производить дальше, допроса арестованных не производить, а под конвоем отправлять их в глубь страны, в специальные тюрьмы. Одной из таких была Орловская тюрьма.

«Черные вороны» начали разгружать учреждения НКВД. Арестованные железнодорожным транспортом отправлялись в другие тюрьмы.

По неполным данным, за период с 8.07.1938 года по 8.08.1938 г. в Киевской области и в частях Киевского военного округа было арестовано 67 200 человек. Не хватало конвойных войск. Курсантам Харьковской школы НКВД предлагали очень хорошее вознаграждение за этапирование арестованных в далекие места Советского Союза, но даже среди них добровольцев не нашлось.

В середине августа 1938 года школа вернулась в Харьков. Специальное задание товарища Ежова было выполнено.

В ПЫТОЧНЫХ КАМЕРАХ. КОНЕЦ «ЖЕЛЕЗНОГО НАРКОМА»

Таким образом, нас взяли нахрапом — перестали церемониться, и мы должны были вспомнить поговорку: «Взялся за гуж — не говори, что не дюж». Логика фактов вела к такому умозаключению. Но гораздо сложнее был тот процесс, который захватил наше сознание, нашу психику.

Мое положение помкомвзвода, скороспелого партийца и функционера комсомольской организации само по себе обособляло меня, настораживало моих товарищей. Но еще большее взаимное отчуждение создалось вследствие наличия в нашей среде сексотов. С очень немногими курсантами мог я обменяться осторожными мыслями, тем не менее чувствовалось, что большинство киевской опытно-показательной выучки внутренне не приняло: болезнь протеста была загнана внутрь, и только.

Начальство же решило продолжать «практику». Классных занятий не было. Мы были разбиты на группы, распределены по участкам. Старший курс, ждавший через месяц выпуска, засел за подготовку к экзаменам, на «практику» старшекурсников не выводили.

Моя группа была направлена в управление НКВД, под руководство того же Яневича, ставшего к тому времени младшим лейтенантом госбезопасности. Когда мы к нему явились, он, должно быть, уже ждал нас. Подошел сразу ко мне.

— А-а-а… Кажется, я узнал вас… Ну, того, что было, наверное, уже не повторится?..

— Что, товарищ младший лейтенант, — таких допросов не будет?

— Нет, — нахмурился Яневич, — такие допросы будут, а таких поступков со стороны курсантов больше уже не будет.

Я прикусил язык.

— Кто старший?

— Я, товарищ младший лейтенант.

— Надолго сюда?

— Не знаю, товарищ младший лейтенант.

— Хорошо. Практика будет продолжаться долго. Я думаю, что теперь научу вас работать по-настоящему. Увидите все. Кстати, встретите здесь тех, кто попортил избирательные бюллетени, — помните, товарищ Бражнев? Времени терять не будем.

Теперь нечего уже было думать о том, что допросы не должны

сопровождаться пытками, — пытки будут, не нам предотвратить их.

О пытках писалось много. Я скажу о некоторых пыточных приемах и средствах, узнанных мною на этой харьковской практике. Мы побывали в подвалах НКВД и во внутренней тюрьме управления. Яневич долго допрашивал, наполовину обезволивая этим подследственного. Потом — подвал. Подводят к двери, распахивают, закладывают пальцы рук истязуемого в щель и зажимают дверью. Он теряет сознание, его уносят, снова приносят и снова прищемляют пальцы. Иной соглашался после этого подписать любой протокол, а Яневич хвастливо и по-актерски наивно говорил нам:

— Видите? Разве бы он иначе сознался? Конечно же, нет!

Если подследственный выдерживал пытку прищемлением, Яневич пробовал другой вид: зажимал кисть руки в тиски и загонял под ногти иглу. Могуч дух человеческий — иные выдерживали и эту пытку. Но НКВД — обладатель непревзойденного арсенала. Я видел арестанта в одиночке и узнал его судьбу. Ему долго не давали еды, а потом принесли хлеба и селедки в неограниченном количестве. Изголодавшийся человек наелся, появилась жажда, воды ему не давали. Потом раздели догола, перевели в темную камеру, потомили темнотой и включили свет. Несчастный видит: в стене — ниша, заделанная решеткой. За решеткой — вода в стеклянной посуде. Человек долго крепился, но стал-таки ломать решетку, изуродовал себе руки, даже лицо и, наконец, потерял сознание. Тогда его облили водой, дали глоток воды, дали тряпку, чтобы собрать воду с пола, и вырвали ее у него, когда он хотел сунуть ее себе в рот.

Страшнее всего, однако, крысовник («питомник», как его называют иногда). Это — камера, по стенам которой, с пола до потолка, полки. Проход между ними узкий. На полках — бездна крыс, живущих там и размножающихся. Человека вталкивают в крысовник на две-три минуты. Двух-трех минут вполне достаточно. Включают свет, и со всех сторон — сверху, с боков, снизу — на арестанта устремляются сотни крыс. В той камере, которую видел я, и посреди стояло сооружение из таких же полок. Я слышал будто кто-то где-то продержался 3 или 4 минуты в крысовнике, так как случайно у него был в кармане сахар, и он бросал крысам по кусочку, крысы накидывались на сахар, грызлись между собой, время шло, чекисты открыли камеру и были удивлены, что арестант невредим и не сошел с ума. Мало вероятно! Крысы приучены, они не успеют (т. е. далеко не все успеют) заметить сахар, они видят свою жертву и привыкли ничуть не бояться ее. На то и «питомник»! Это, собственно, не

является пыткой целевого характера — вынудить к «признанию» — нет, в крысовник пускался приговоренный к смерти. Через три минуты служители, одетые в специальные костюмы, вытаскивали изгрызенный труп.

Такова была ежовщина. Но все уже знают теперь, что никакой «ежовщины» и не было, а была сталинщина на одном из этапов ее функционального развития. Именно в эти дни и пришел конец Николаю Ивановичу Ежову — генеральному комиссару госбезопасности.

Неожиданно нас отозвали в школу. Являемся. Дежурный регистрирует и отсылает сразу в клуб. Скоро все в сборе, явилось и начальство. Начальник-комиссар держит речь, как ни в чем не бывало, в обычном тоне казенного оратора: дело-то в том, что Ежов, за злоупотребление властью, данной ему народом, и за террор, направленный против народа, снят. Пока он остается народным комиссаром водного транспорта, но его судьба решена: он идет под суд, о чем пока надо молчать.

— Портреты приказываю снять, — разыгрывая уже крайне возмущенного человека, говорит начальник и заключает. — Так поступают партия и правительство с каждым, будь он хоть малый или большой нарком. Но — молчать! Понятно?

Берия был охарактеризован как человек иного склада и старинный друг и соратник Сталина.

Конечно, это ошеломило нас, но, конечно, и не опечалило — мы тогда могли еще думать, что «ежовщина» была, а, значит, — жди лучшего. В школьной жизни отставка Ежова нашла свою проекцию: наши «преступники», Филатов и Панюшкин, были освобождены. Не то чтоб это была амнистия — их приговорили к 20-ти суткам ареста (они их уже отсидели) и… к увольнению из школы. Приказ этот подписал замнаркома комдив Чернышев.

Это радостно взбудоражило всю школу: ребят жалели, кажется, и самые морально нестойкие среди нас. Только гораздо позже поняли мы, что Панюшкину и Филатову так и этак крышка — вольной жизни, той относительно и условно вольной, какою живет гражданское население СССР, им не знать: хвостом потянется история с двумя стопками, и скрыть взыскание им не удастся. Рано или поздно — это пятнышко в биографии поставит точку свободе и, может быть, жизни.

Ибо — «ежовщина» была, есть и будет, пока не рухнет большевизм.

ПАПАНИНСКАЯ КЛОУНАДА

Много было шуму… У самого Северного полюса посадили на льдину экспедицию: Папанин, Федоров, Кренкель и Ширшов. Эта дрейфующая станция вскоре была названа «папанинской», но население уже знало, что из четырех «сидельцев» именно Папанин представлял собою ничто — так себе, комиссарчик. Но, само собою разумеется, судьба экспедиции интересовала всех. И вот 9 февраля 1938 года четверку сняли с льдины близ юго-западного побережья Гренландии. Если раньше было много шуму, то теперь казалось, что вот-вот лопнет земная кора от гвалта, поднятого советской печатью. «Герои» вскоре стали разъезжать оптом и в розницу по городам, произносить речи, далекие по содержанию от какой-либо научности, но преисполненные описаниями быта на льдине и, еще более того — восхвалениями Сталина, партии, правительства. «Большевистское упорство»… «неустанная забота»… «гениальная прозорливость»…

Тем, кто присутствовал на этих «встречах героев», и тем, кто только читал об этом, невольно приходило на ум: «Почему те трое очень уж замкнуты, чересчур уж скромны, поразительно некрасноречивы?»

А Папанин разливался соловьем залетным. Долетел и до нас. Для нас это означало: репетиция.

Встреча должна была произойти на южном вокзале Харькова. Нас ежедневно гоняли туда. Мы окружали вокзал цепью и рассыпались по группам. То строились в ряды, то переходили в определенные места. В конце концов мы зазубрили, кому где торчать.

В день спектакля привокзальная площадь выглядела так: трибуна, кольцо милиции, за ними — кольцо грузовых и легковых авто, третье кольцо — снова из милиционеров, четвертое составляли мы, но переодетые в штатское. Нашей задачей было смешаться с толпой и вести слежку, так сказать, изнутри, подслушивая разговоры, изучая на лицах настроение граждан. Нам было приказано ни больше ни меньше, как… предотвратить нападение!

Рабочие и служащие сходились к площади колоннами, под флагами, плакатами и портретами, но на самой площади колонны расстраивались, и получалось море голов, толпа.

На трибуну взобрался Папанин с двумя компаньонами. Не помню, который из четверых отсутствовал. О ком-то уже тогда поговаривали не очень оптимистично. Не прошло и года, как вообще на поверхности внимания остался только Папанин.

Папанин говорил недолго и говорил бестолково: слушатели переглядывались — варка похлебки, чистка котла (на четыре пальца накипи), отсиживание в палатке из-за боязни попасть в лапы медведя. Ничего о научной работе и почти ничего о научных работниках экспедиции — один Папанин, дядька, кок, уборщик. И — партруководитель, глава.

Трудно сказать, как произошло смятение. Все «кольца» были смяты, машины перевернуты или сдвинуты. Началась давка. А всего ужаснее — публика свистела и выкрикивала не слишком уважительные словечки. Милиция взялась за оружие, кое-как порядок восстановился. Папанина втолкнули в легковую машину, и она вырвалась на улицу Свердлова, потом на улицу Сталина. За нею неслись другие машины. Тут было безопасно: весь пятнадцатикилометровый путь свободен, а по сторонам этих улиц в два ряда стояла милиция.

Вечером мы подводили свои итоги. Многим из нас досталось от милиционеров (мы же были в штатском!), кое-кому насажали синяков. Других итогов не было — мы, собственно, зря болтались там и подставляли бока и физиономии.

НА СТАРШЕМ КУРСЕ

1939 год начался затишьем. Мы, сдав переходные экзамены, заняли положение старшекурсников, а это значило: больше сосредоточенности, замкнутости, выдержки, меньше брожения и шатания умов — чекистами стали, роковой порог перешагнули или переползли, как угодно. Набран младший курс, но он уже не таков, каким был наш: пополнение пришло не из армии и не с производства, а из самих кадров НКВД, т. е. народ, в известной мере, приобщенный и отесанный.

Наша практика прекратилась, поднажали на теорию. Общеобразовательные предметы потеснились, чтобы уступить место специальным.

Понемногу перед нами раскрывались тайны и детали системы. Так, познакомили нас с агентурной сетью НКВД, наброшенной на гражданские учреждения и предприятия. До сих пор, входя в ресторан (в штатском платье, в свободные часы), я чувствовал себя довольно-таки свободно и мог болтать без излишней, казалось, опаски. Теперь я знал, что директор — сотрудник НКВД, официанты, буфетчики, уборщицы — агенты и сексоты. Кто из них опасен, кто безопасен, разгадать невозможно, но они здесь, и об этом не забывай ни на одну секунду. Так обстояли дела повсюду — в гостинице, в чайной или пивной, в магазине (особенно — в винном), в железнодорожном буфете, в станционной кассе. Эти «глаза и уши» связаны и с милицией.

Мы пригодились «самому демократическому в мире государству» и для осуществления разных сугубо демократических начинаний и кампаний, например, для проведения подписки на заем, именуемой в СССР «добровольно-принудительной». Вот как я лично участвовал в этом.

Мне часто приходится начинать описание того или иного эпизода с того, что было, мол, собрание и была, мол, произнесена такая речь… Что делать! — это в советском быту главное и повседневное.

Так случилось и теперь — собрание и речь начальника-комиссара (на тему о значении советских займов как средства защиты интересов трудящихся от прожорливого капитализма). Все мы были мобилизованы, согласно решению обкома КП(б)У и политотдела управления НКВД, на эту кампанию. Я был прикреплен к педагогическому институту.

Приехав в институт, я наткнулся в коридоре на женщину лет 35-ти (после я узнал, что она — секретарь директора). Спросил ее, как пройти к директору, и, должно быть, страшно напугал

своей формой. Растерявшись, она еле молвила:

— Пойдемте. Я проведу вас…

По дороге она то убыстряла шаг, то почти останавливалась и все поглядывала на меня, желая, по-видимому, о чем-то спросить меня и боясь спросить. Наконец, не выдержала, взяла меня за рукав и с чрезвычайной осторожностью пренаивно спросила, трепеща:

— Вы, наверно, хотите его арестовать?

— Нет, нет! — поспешил я успокоить беднягу и невольно улыбнулся приветливей, чем следует чекисту.

Тогда она стремительно бросилась вперед, я едва поспевал за нею. В кабинет она вошла одна и тотчас вернулась за мной. Предупрежденный ею, но еще взволнованный, стоял за письменным столом среднего роста старичок-директор. Стоял навытяжку. Мне он показался милым добряком почему-то.

Не знаю, расслышал ли он мое приветствие, — я поспешил ему на помощь и быстро-быстро изложил цель моего визита. Полумертвый от страха, директор обрадовался, как ребенок.

— Садитесь, садитесь… А я думал… Простите, пожалуйста…

Вошла секретарша. Она явно подслушивала там, за дверью, и была рада не меньше старика. Сразу сделалась деловитой и толковой, принесла списки персонала института, заготовленные для подписки, сбегала за секретарем институтской парторганизации (я запомнил его фамилию — Овчаренко). Мария Ивановна (секретарша) напомнила, что через 20 минут начнется собрание, и мы двинулись.

Зал встретил нас аплодисментами, что не удивило меня. Директор втянул меня за руку на трибуну. Мы расселись за столом президиума. Открывая собрание, директор отрекомендовал меня как представителя обкома партии и не забыл упомянуть, что я из школы НКВД. Надо полагать, что каждый из присутствующих учел сие обстоятельство. Как всегда, много было ораторов. Выступил и я — с умильной просьбой дать государству взаймы.

Когда стали подходить, чтобы приложить руку, я посматривал на «работу» добровольных, а может быть, и нанятых помогал: они старались вовсю, уговаривая, подзадоривая и воздействуя на «сознательность».

Первым взял ручку директор.

— На полуторамесячное, товарищ директор, не меньше ведь? — сунулся к нему Овчаренко, и директор, с окаменевшим лицом и заблестевшими глазами, подмахнул полуторное жалованье.

Теперь уже и другим трудновато было уклониться от

полуторного. Я избегал встретиться с кем-либо взглядом — мне жалко было этих людей, потому что служащие и вообще интеллигенция в СССР почти нищенствует. Я избегал глядеть в глаза людям, но они, наоборот, ловили мой взгляд, и я видел: «Я лояльный, я преданный, я подпишусь!..»

Меньше месячного никто не дал. Принцип демократии по-советски был выдержан целиком.

УЧИМСЯ ДОБИВАТЬ

В первых числах июля мы слушали лектора, работающего в Харьковском военном округе. Лекция представляла собой подробный доклад о Польше. Рассматривались границы русских владений царского времени, этнография, подчеркивалось «ужасное» положение белорусов и украинцев, живущих там, на «захваченной» поляками земле, и, конечно, все сводилось к тому, что «наши братья по крови» ждут освобождения, освободить их можем только мы, час освобождения близок, советское правительство болеет душой за угнетенных западных украинцев и белорусов и крепко задумалось над тем, как организовать им помощь.

Через очень короткий промежуток времени — второй лектор, из управления НКВД. Его темой были действия польской разведки, хотя коснулся он и разведывательной работы других государств. Приведя несколько примеров работы иностранной разведки в СССР, он говорил о необходимости контрразведки, и вот тут стало нам совершенно ясно, что готовится акция против Польши, так как главный удар в обрисовке методов и организации нашей контрразведки был сделан на том, как бороться именно с польской агентурой. Панегирик в честь непобедимой Красной Армии укрепил нас в нашей догадке: жди войны. Мы вскоре обратили внимание на форсированный переучет военнообязанных, проводимый райвоенкоматами. Вдруг пошли призывы на переподготовку в территориальные части — это было скрытой мобилизацией.

Нас опять стали поднимать по тревоге — к делу и без дела. Если к делу, то мы оцепляли вокзал во время следования эшелонов мобилизованных или при прохождении поездов с огнеприпасами, продовольствием и т. п. Население тоже видело уже — война! На площадях застревали почему-то танки, орудия, и их покрывали брезентом, будто брезент мог обмануть харьковчан, понимавших, что танкам и орудиям ни к чему торчать в ненадлежащих местах, а понижение уровня продовольственного снабжения граждан Харькова говорило о многом и — полным голосом.

Наконец, мобилизация стала проводиться открыто. Курсантов отэкзаменовали в обкоме партии и квалифицировали как политруков, взяв на особый пока учет.

1 сентября все население СССР узнало о переходе немцами польской границы, кажется, сразу в восьми пунктах. Англия и Франция объявили Германии войну 3 сентября. К 16-му с

Польшей было покончено. Только тогда разгадали советские граждане смысл и цель визита Риббентропа в Москву, а также смысл и тайные цели взаимообязательств нацистской Германии и большевистского СССР. Все более свободно стали говорить о противоестественности братания нацистов с коммунистами, и население ждало: что же дальше?

Между тем райкомы партии, горсоветы и райсоветы работали круглые сутки. НКВД и милиция были переведены на казарменное положение, жилищные управления ввели ночные дежурства жильцов, по городу бродили патрули, осодмильцы (члены Общества содействия милиции) были призваны к несению подсобной службы — разносили повестки о явке в военкомат и т. д. Мобилизованными забили весь город — пришлось выселять жителей из подходящих для военных нужд домов и вселять их в без того уплотненные квартиры других жителей. Мобилизованные были сразу же отгорожены от всего мира, и запаздывавшие попадали под суд. Творилось что-то невообразимое — многие не смогли проститься с семьями, а между тем сидели в какой-нибудь школе или в гараже, ничем не занятые, полуголодные, небритые, грязные. Один из немногих уцелевших храмов (на Лысой горе) взяли под склад фуража, еврейскую синагогу (на Пушкинской улице) забили мобилизованными, а площадь перед нею стала конным двором.

То и дело перегоняли людей, пестро и неряшливо одетых, усталых и безучастных. Это были либо мобилизованные, либо арестанты. Различали их по направлению маршрута — если на запад, то это вояки, а на восток, то, скорее, — репрессируемые. В известной мере так оно и было.

Удар в спину разгромленной немцами польской армии население иначе не восприняло как чудовищную подлость. Агитация и пропаганда не убедили никого в справедливости подлого поступка, как не убедила и правительственная декларация, сообщавшая о приказе перейти границу. Беспокоила всех мысль о возможном столкновении с германской армией, но 23 сентября был подписан договор о границах, иначе говоря, — о разделе Польши. Тогда-то и появился анекдот: «Протянем угнетенным народам руку братской помощи, а ноги они сами после этого протянут».

В этом положении оказались западные белорусы и украинцы.

Славы Красная Армия в польском походе не добыла. В обессиленную Польшу ввалилась армия, наполовину схожая с ордой. Лишь кое-где остатки польской армии оказали гневное, благородное сопротивление. На восток шли эшелоны пленных. Их не кормили, их обманывали, над ними смеялись. Нашлись

негодяи и среди гражданского населения — эти бесчеловечные люди толкались на железнодорожных путях, чтобы подбираться к вагонам и за каравай хлеба, за банку дрянных консервов брать у пленников часы, кольца, полноценные польские злотые (их «покупали» по дешевке на советские рубли). На территорию, отошедшую к СССР, хлынули спекулянты высокого ранга: пропагандисты, писатели, спортсмены и т. п. Про бывшего графа Алексея Толстого рассказывали, что он спешно закупил во Львове все лучшие уники в антикварных магазинах. Жены красных командиров бросились по магазинам занятых городов и вырядились в пеньюары. Смешное и позорное сопутствовало насилию: сразу вскрылась советская нищета, постоянная скудость и непреоборимая жажда все забрать, всем воспользоваться.

Введение советской валюты доконало «освобожденных братьев по крови и классу».

Охрана границ была поручена пограничным частям НКВД, несение внутренней охраны — также войскам НКВД. Потребовались отдельные ответственные работники для «освоения» и «порядка» — это тоже были в основном чекисты. Немедленно было приступлено к учреждению в занятых областях органов НКВД и милиции. Некоторые школы НКВД произвели досрочные выпуски курсантов.

Нас пока не трогали. Зато мы не могли пожаловаться на отсутствие информации — не только держали нас в курсе событий, но в классные занятия ввели особый предмет: источники вербовки агентурной сети, с учетом населения и техникой паспортизации в новых областях СССР. Ежедневно прорабатывались всякого рода секретные приказы Берии. Мало-помалу распространился слух, что мы предназначены для специальной «командировки». Начальство пыталось бороться с этим слухом.

Особенно много времени было отдано изучению приказа о проведении паспортизации. В школах НКВД и милиции — в классах, а для командного состава — семинар при управлении милиции, в паспортно-регистрационном отделе (ПРО) — краткосрочные курсы для работников, уже имеющих стаж, и т. д. и т. д. — все было пущено в ход. Приказ подчеркивал: «Чтобы провести паспортизацию в Западной Украине и Белоруссии, надо взять на учет население обоего пола целиком. Классовый враг всеми мерами пытается восстановить население против советской власти». Изучалась специальная анкета. Я, разумеется, не в силах восстановить содержание полностью, но всеохватывающий характер этой анкеты будет ясен из следующих фрагментов, формулировку которых я стараюсь дать возможно ближе к

оригиналу.

В правом верхнем углу анкеты стояло — жирным шрифтом и вразрядку: «Сов. секретно». Затем шли вопросы — фамилия, имя, отчество, дата и место рождения. После этих общих вопросов шли вопросы специфически следовательского характера. Социальное положение и происхождение заполняющего анкету и его отца. Потом — отношение к воинской службе, с подпунктами: с какого времени, в какой должности, в каком (последнем) чине. Это касалось польской армии и царской. Вместе с тем надо было точно указать, где жил, работал, чем занимался вообще, начиная с 18-летнего возраста. Особо стоял пункт: состоял ли в армии, боровшейся против советской.

Связь с заграницей выделялась как раздел, и сюда входили вопросы: кто и где живет за границей, с кем есть хотя бы переписка, как долго длится эта связь; о родственниках надо указать степень родства.

Партийность — подробно и точно показать: наименование партии, ее филиал, характер участия в партийной работе. Имелась в виду и принадлежность к компартии или к комсомолу. Подпольная работа должна быть освещена с предельной точностью. Партийные взыскания (для коммунистов) также следовало указать без утайки.

Общественная деятельность — по типу сведений о партийности: состоял ли в профсоюзе — где, в каком, когда, в какой должности, по выборам или кооптации, в кооперативных организациях и т. д.

Репрессии со стороны польских властей — какого рода (арест, ссылка, административное взыскание), когда, за что, срок наказания.

Несмотря на то, что все эти вопросы опутывали человека по рукам и ногам, анкета требовала уточненных ответов на вопросы: что делал в момент вступления в Польшу Красной Армии, что делает сейчас, не примыкал ли к национальному движению, с кем состоит в деловых отношениях.

О родственниках нужно дать почти целиком все данные, каких анкета требует от заполняющего ее: фамилия, имя, отчество, партийность, где жил до 1917 года и что делал, где — после 1917 года и тоже — чем занимался, служил ли в армиях (польской, царской, Красной), был ли с чьей-либо стороны репрессирован (срок, за что и т. д.).

Выбраться из тенет такой анкеты невозможно. Особенно трудно, если человеку дают анкету и говорят: «Заполняйте» или посадят напротив чекиста и тот скажет: «Отвечайте». Не зная последующих вопросов или не умея охватить их все сразу

(вопросов было до 150), человек не мог утаить ничего, потому что вся анкета — род перекрестного допроса, и один пункт проверяется полдюжиной других.

В конце анкеты, над личной подписью, заполняющий читал грозную формулу: «Мне известно, что за дачу неточных или неправильных ответов я несу строжайшую ответственность в уголовном порядке».

Новые граждане СССР скоро узнали, как жестоко расправляется советская власть за поддержание хотя бы чисто родственной переписки с заграницей или за принадлежность к легальным или нелегальным партиям царских времен, за лишний гражданский или военный чин, полученный не от советской власти. Ни одну анкету нельзя брать за чистую монету — везде вранье в той или иной мере. Одни попадались на вранье и расплачивались жизнью, свободой, другие ускользали от «бдительного ока».

Все это, как и некоторые последующие сведения, стало известно мне позже, но я нахожу более удобным собрать эти детали «освобождения» западных белорусов и украинцев в одном месте, потому что дальше надо расчистить место фактам и событиям, происходившим на моих глазах, когда и я был призван к участию в «построении социализма» на новых землях.

К вопросу об анкете на паспортизацию добавлю, что советская паспортизация 1932 года стоила народам СССР миллионов кацетников.[9]

Мы впитывали науку о паспортизации и, как я уже упоминал, чувствовали себя предназначенными к какому-то большому преступлению — к операции, говоря языком чекистов. Мы были в резерве «освободительного» насилия. Или — насильственного «освобождения», если угодно.

А нас уже готовили и к новым выступлениям СССР. Однажды нам сделал доклад присланный из политотдела УНКВД лейтенант госбезопасности Тихонов. Он рассказал нам о крайнем неудобстве того, что от естественных границ СССР отделен Латвией, Эстонией и Литвой. Если война, то они могут стать «территорией, взятой взаймы» противником (выражение Сталина). Подведя доклад к определенному выводу, Тихонов свернул круто вбок. Он сказал, что Вильну, столицу Литвы, полученную нами от Польши, благородное советское правительство отдает Литве. «Чужой земли мы не хотим, но и своей земли, ни одного вершка своей земли не отдадим никому». Трудно было понять своеобразную логику доклада Тихонова, а главное — кто же посягал на земли СССР? Эстония, что ли?..

Насчет Эстонии и нападения на СССР помалкивали, но

засыпали докладчика записками: почему же, мол, целую область, отвоеванную кровью советских солдат, вдруг да и отдаем?

Докладчику эти записки доставили удовольствие — они ведь свидетельствовали о заразе шовинизма!

— Товарищ Сталин знает, что делает, — ответил Тихонов, — может быть, скоро не только Виленская область, а вся Прибалтика захочет присоединиться к нам.

«Победа» над смертельно раненною Польшей возбуждала аппетит, увы, не у одних членов Политбюро ВКП(б). Нам предстояло добивать поверженных.

ВЫПУСК

В начале ноября 1939 года мы приступили к сдаче экзаменов. Начальство наше ознакомило нас с приказом Берии: курсант, имеющий общую оценку не ниже 4,75 балла, производится в младшие лейтенанты госбезопасности, но у него не должно быть ни одной двойки; те курсанты, у которых была хотя бы одна двойка, выпускались рядовыми, но имели право на переэкзаменовку через шесть месяцев; прочие, т. е. не имеющие двоек и с общим баллом ниже 4,75, выпускались сержантами. Кроме того, приказ устанавливал и соотношение с чинами Красной Армии: младший лейтенант госбезопасности равняется старшему лейтенанту армии, сержант госбезопасности — лейтенанту армии.

Сдавали экзамены по 32 дисциплинам. Двоек нахватали, главным образом, по политической подготовке, в центре которой стояло безукоризненное знание «Краткого курса истории ВКП(б)» в особенности — четвертой, идеологической главы.

— Это труд самого товарища Сталина, — внушалось нам, — если вы не осваиваете этого труда, то и не сможете исполнять свой долг по-сталински.

Любопытно и отрадно было видеть, как проваливались то на одном, то на другом экзамене как раз те курсанты, которые служили щупальцами надзора за нами. Чем это объяснить — не знаю: может быть, ябедничество, шпионаж и доносительство — удел недалеких натур, но возможно и другое — эта грязная «работа» слишком занимала их способности и время, — перегрузка своего рода.

Так или этак, но мы радовались, злорадствовали.

В результате экзаменов оказалось, что провалившихся целая дюжина, с баллом выше 4,75 — шестеро (в том числе был и я), остальные должны были стать сержантами.

Должны были… Да они и стали сержантами. А вот мы шестеро, мы — тоже стали сержантами. Как ни протестовали мы, ссылаясь на приказ наркома, нас не слушали, хотя и не мешали писать рапорты. Дело это затянулось, мы были уже разбросаны — так оно и осталось.

Но удалось нам выиграть сражение за шинели. Приказ гласил: все получают шинели командирского образца. Выдавать начали обыкновенные, красноармейские, с правом перешивки, цена которой была определена в 50 рублей, покрываемых из кассы финансового отдела. Курсанты подчинились, но мы, обиженные в производстве, заартачились. Как ни уговаривали

нас, как ни запугивали, мы отказались идти в цейхгауз за солдатскими шинелями. Нам хотели припаять «коллективный сговор о бунте», мы не убоялись и этого, отвечая на решительный вопрос одинаково:

— Не знаю, как другие, а я лично настаиваю, чтобы приказ был выполнен.

Такая формулировка ответа исключала и бунт, и сговор, и даже недисциплинированность: мы хотели только исполнения приказа, ничего больше…

Так как школа не имела сукна, из которого шьются командирские шинели, нам разрешили, наконец, обратиться в другие военно-пошивочные мастерские. И мы их нашли, — одна шила даже исключительно генеральские шинели, имея в штате первоклассных военных портных.

Когда шинели были готовы, мы предъявили финансовому отделу счета: одна мастерская требовала по 150 рублей за шинель, а другая — по 225. Начальник финансового отдела ахнул, стал шуметь, побежал к начальнику школы и, вернувшись, взял счета к оплате, буркнув нам:

— Черт с вами!

На параде мы, как того требовали наши 4,75, стояли с правого фланга. Начальник политотдела УНКВД, обходя фронт, остановился перед нами, окинул нас внимательным взором и тоже буркнул:

— Шинели ничего себе… Подходящие шинельки.

Мы стояли «смирно», грудь колесом, плечи вразворот, ни одной морщинки. Такими молодцами покинули мы школу. Теперь — хочу я этого или не хочу — я стал чекистом — «назвался груздем»…

Каждому выпускнику был предоставлен сорокадневный отпуск, после чего он обязан был явиться в отдел кадров управления НКВД по Харьковской области. С этого дня выпускники с довольствия школы были сняты. Если кто-нибудь, не желая выезжать из Харькова, хотел довольствоваться в школе, то таковых не снимали до окончания отпуска.

1 декабря была объявлена война с Финляндией. Я поспешил вернуться и прибыл в отдел кадров, но получил ответ: «Когда нужно, позовем, а сейчас можете отбывать свой отпуск».

23 декабря 1939 года всех выпускников вызвали в отдел кадров. Я прибыл в 10.00. В коридоре стояло несколько выпускников, каждый рассказывал, как провел отпуск. Постепенно прибывали и остальные. В 12.00 помощник начальника отдела кадров выстроил нас и через 10 минут вышел начальник отдела кадров, старший лейтенант государственной

безопасности Тихонов. Он произнес краткую речь о том, что, мол, Финляндия нас вынудила к войне своими провокационными действиями, и мы перешли государственные границы.

— Но помните! Мы покажем всему миру нашу боеспособность и нашу технику, с белофиннами мы разделаемся в один месяц. Балтийское море будет наше, а Финляндия будет советской социалистической республикой.

«Мы пахали, — невольно промелькнула мысль, — уж не ты ли будешь воевать?..»

— Чтобы покончить с Финляндией, — закончил начальник, — достаточно Ленинградского военного округа.

Результаты войны показали обратное: не только Ленинградский военный округ не мог справиться с героическим финским народом, отстаивающим свою независимость от агрессоров, а даже втихомолку мобилизованные Харьковский, Киевский и Орловский военные округа и переброшенные сибирские дивизии так называемой Особой Дальневосточной армии не могли раздавить финскую армию, и 12 марта 1940 года большевики заключили с Финляндией мирный договор, хотя и с территориальными приобретениями, но едва ли почетный для огромного СССР.

Охота на Балтику началась, нужно было ожидать очередной провокации — против Литвы, Латвии, Эстонии.

Вскоре меня снова вызвали и вручили пакет на имя начальника Октябрьского районного отделения НКВД города Харькова, младшего лейтенанта госбезопасности Савицкого, в распоряжение которого я должен был явиться. Через 30 минут я прибыл на место и вручил пакет. Начальник вскрыл его, бегло просмотрел направление, потом посмотрел на меня и говорит:

— А ведь ваша фамилия мне, кажется, известна. Это вы, кажется, маленький бунтик подняли из-за шинелей?

Я молчал, сообразив, что «хвостик» уже за мной тянется, теперь добавится другой — нежелание надеть сержантские квадратики.

— Ну, ничего, это все сгладится, — продолжал он, — я думаю, вы на работе себя оправдаете. Вы до школы были в органах НКВД?

— Нет, товарищ начальник.

— А откуда?

— Послан партийной организацией с производства.

— А!.. Тогда понятно. У вас еще струнка производства, отрыжка штатская… Теперь, — говорит он, — вы назначены младшим оперативным уполномоченным по агентурно-осведомительной сети. Работа почетная и ответственная. Я

думаю, что вам уже известно по школе. Вы получите целую сеть агентуры и вот с осведомителями должны будете работать. Я даю вам три дня на ознакомление с нашим штатом. Сам, конечно, познакомлю со всеми, а потом вы войдете в курс общей работы. Вся работа у нас совершенно секретная. Пока можете поехать домой.

За три дня я познакомился со штатом районного (городского значения) отделения НКВД. Штат как будто бы невелик: начальник отделения, который контролирует всю работу своего состава, его помощник, старший оперативный уполномоченный, оперативный уполномоченный, секретарь, машинистка, инкассатор (собирающий деньги по мазагинам на территории, входящей в этот район), два-три человека рядового состава, выполняющие служебные поручения по требованию начальства. Теперь еще прибавилась одна должность: младший оперуполномоченный по агентурно-осведомительной сети.

Рабочий день далеко не похож на рабочий день рабочего или служащего Советского Союза. Тут все было построено по-своему. Практиковался целиком так называемый ненормальный рабочий день. Начало в 10.00 (когда все рабочие и служащие Советского Союза начинали в 7–8 часов), и длилась работа до 15.00. С 15.00 до 21.00 обеденный перерыв, но этот обеденный перерыв был предназначен для обхода агентурных точек и получения донесений от осведомителей и агентов. С 21.00 до часу ночи продолжался рабочий день. Но не всегда приходилось бросать работу и в час ночи, потому что начальник устраивал через день совещания, инструктажи. Кроме того, через ночь, а иногда и каждую ночь, производились аресты. Так что для работников НКВД 24 часов в сутках было мало.

Зато заработная плата работников НКВД была много выше заработков специалистов производства. Начальник районного отделения НКВД получал в мое время жалование 1200 рублей в месяц, старший оперуполномоченный 960, оперуполномоченный 800–900, помоперуполномоченного 760, секретарь 600 рублей. Кроме того, каждый работник НКВД, прослуживший в НКВД три года, получает за выслугу лет 10 % оклада жалованья, за 6 лет — 20, за 9 лет — 30 и за 12 лет — 50. Обмундирование, проезды — бесплатно. Квартирная плата со скидкой на 50 %. Лица, имеющие специальное звание (сержант, младший лейтенант и т. д.), культурно-подоходный налог не платят. Для всего командного состава, включая и младший, имеются закрытые магазины. Цены на все товары снижены на 50 %, причем выдача — в неограниченном количестве. Стахановское движение и выполнение промфинплана введено было не только в советском

производстве, а даже и в органах НКВД. За каждого лишнего арестованного районное начальство получало премию. За каждого лишнего втянутого в осведомительную сеть тоже выдавалась премия. На совещаниях в управлениях НКВД начальник управления восхвалял тех, которые больше арестовали или же больше вовлекли в агентуру. А старшим оперуполномоченным или оперуполномоченным давалось задание: на такой-то очередной месяц все должны сдать столько-то полных законченных дел в КРО («Контрреволюционный» отдел) или же в СПО («Соцполитический» отдел) управления НКВД. Если кто не мог сдать указанное число дел, то его честили на каждом совещании за неработоспособность, упрекали в том, что врагов народа кругом, мол, полно, а он не может разоблачить. Кровожадность поощрялась. Никого не интересовала правдивость донесений и сданных дел. Государству была нужна рабсила, белые рабы, и кто умел добывать этих белых рабов — получал повышение по должности, денежное вознаграждение, присвоение званий, наконец, — всевозможные привилегии.

Приведем пример разницы между работниками сталинской охранки и специалистами, имеющими высшее образование и знающими производство. Главный инженер среднего советского производства получает 1000–1200 рублей в месяц, редко — больше. Прораб, начальник цеха — не выше 800 рублей в месяц, инженер отдела технического контроля — 500–550 рублей в месяц, инженер, мастер цеха — 400–450 рублей. Вот все, что получает специалист. Из этого жалованья у него высчитывают культурный, подоходный и другие налоги. Плюс займы. Проезды он оплачивает, квартирную плату платит строго по сетке и т. д. и т. п. Что же можно сказать о рабочем? Рабочий средней категории получает 250–300 рублей, но охранник НКВД — 450–500 рублей и за выслугу лет.

Население СССР кое-что видит (например, закрытые распределители), но о многом лишь догадывается. Хочу поэтому остановиться на отношениях работников НКВД и граждан Советского Союза любой прослойки. О привилегиях работника НКВД я уже говорил, теперь — о его ограничениях. Работнику НКВД запрещено входить в форме в рестораны, кафе, пивные и все вообще общественные места, где потребляются спиртные напитки и пиво. Даже находясь долгое время в пути, он не имеет права в вагоне-ресторане заказать себе бутылку пива. Знакомства и какие-либо частные разговоры с населением категорически запрещены. Посещение частных домов строго ограничено. Идя по улице или находясь в театре с женой или вообще с особой женского пола, работник НКВД не имеет права взять свою даму

под руку. Когда разговоры на отвлеченные темы являются неизбежной необходимостью, критиковать разрешается только дореволюционное или относящееся к другим странам. Все то, что прямо или косвенно относится к Советскому Союзу или коммунизму, критиковать запрещено. Надо заметить, что общение между собой, т. е. между работниками НКВД, тоже строго ограничивалось. С подчиненными общение категорически запрещалось. Таким образом, все люди, с одной стороны, привилегированные, а с другой — предоставленные самим себе, знают прекрасно, что малейший неосторожный шаг сбросит их в пропасть, для них еще более глубокую, нежели для тех, кто не находится в этой системе.

Работник НКВД живет аскетической жизнью, а если что и позволяет себе, то тайно, одиноко, не теряя головы и не давая себе поблажки. Если с партийца спрос строг, то с чекиста — во много раз строже. В связи с этим нельзя не коснуться взаимоотношений и взаимосвязи НКВД и ВКП(б).

Представление, сложившееся у многих (особенно за границей), о том, что в СССР диктатура компартии, — ошибочно. Партия служит опорой власти, проникая в массы населения. Она держит в руках профсоюзы, кооперацию, учебные заведения и т. д. Но сама партия, сверху и донизу, пронизана агентурой НКВД. То обстоятельство, что работники НКВД — сами партийцы, кандидаты партии, комсомольцы, следовательно, в какой-то мере подчинены партийной дисциплине, — весьма усложняет вопрос о взаимодействии партии и карательной системы.

Общеизвестно, что во главе государства и партии стоит Политбюро ЦК ВКП(б), хотя оно, по структуре организации компартии, является лишь функциональным органом Центрального комитета (таков смысл его наименования). Однако соблюдается декорум в отношении конституционного органа, каким является Верховный Совет, и в отношении ЦК и обкомов ВКП(б). Затронутый мною сложный вопрос станет более или менее доступным для разрешения только на конкретных примерах, к которым я перехожу.

Может ли Берия по собственному усмотрению, хотя бы и не по необходимости, арестовать любого гражданина СССР? Нет. Имеются исключения, и они известны. Например, замнаркома обороны Тухачевский был арестован Ежовым только по прямому приказу (точнее — с согласия) Сталина, сначала сомневавшегося в обвинениях, выдвинутых против маршала. Аресты членов и кандидатов Политбюро, членов Верховного Совета (Червякова, Косиора, Постышева, Петровского и др.) производились также по указанию Сталина. Однако следует отметить, что для ареста

члена Верховного Совета заблаговременно получается (тайно!) согласие председателя. Если принять во внимание то обстоятельство, что председателями Верховного Совета являются «ближайшие соратники товарища Сталина», иначе говоря — непосредственно ему подчиненные слуги — сначала Калинин, а ныне Шверник, — то ясно, как легко получается это согласие, нужное потом для доклада Президиуму Верховного Совета. Конституционный трюк.

Значит, есть некий круг лиц, в отношении которых НКВД должен соблюдать осторожность.

Но начальник районного отделения НКВД может арестовать первого секретаря райкома партии, т. е. высшего возглавителя той партии, к которой принадлежит сам начальник районного отделения НКВД. Обладая таким правом, он обязан известить в последующем порядке секретаря обкома ВКП(б), но — только известить, уведомить, не отчитываясь и перед этим иерархом в своих действиях.

Менее важные особы партийного аппарата и просто партийцы являются для НКВД ничем не отличными от беспартийных граждан: надо арестовать — арестуют. Это допускается даже и в случаях искусственного подбора рабсилы для новостроек (концлагеря), и лишь в отдельных случаях директива о допустимости или обязательности ареста того или иного функционера партии, крупного производственника «спускается сверху» — по линии НКВД.

Любопытно, как выглядит это соотношение сил внутри парторганизаций самого НКВД. Возьмем район. Из числа работников НКВД членом партии является, допустим, только сам начальник районного отделения НКВД, а все прочие — кандидаты и комсомольцы. Тогда, в качестве парторга, на работу в отделение посылается член из другого филиала или хотя бы из школы НКВД, с назначением парторгом. Парторганизатор должен будет вести свою, чисто партийную работу и вправе быть требовательным к кандидатам партии и к партийцу начальнику районного отделения. Но у энкаведистов свой уклад, свои традиции. Парторг не может не опасаться того, что за всякий случай нажима на начальника по партийной линии последний заплатит ему сторицей по линии служебной.

Итак, я стал младшим оперуполномоченным агентурно-осведомительной сети. Разбирая агентурно-осведомительные дела (их было около 50), я перечитывал каждое донесение, а их неисчислимое множество. Все они были написаны безграмотно и самыми разнообразными, по своему уродству, почерками. Содержание их было так же уродливо и безграмотно. Многие из

них были просто бессодержательной болтовней, грубой, ни на чем не основанной, клеветой. Все эти бумажонки были собраны и воткнуты в разбухшие от их количества папки. Системы никакой не было, и первое, с чего мне пришлось начинать, это разбор всех этих папок, в поисках какой-либо системы. Но здесь опять-таки практика расходилась с теорией. В школе учили, что каждое агентурное дело, собранное из отдельных донесений, должно быть систематизировано и подшито. На внутренней стороне задней обложки дела должны быть сделаны заметки о каждом из донесений, нумерация и пометки о важности. Кроме того, сумма, выдаваемая какому-либо из агентов, должна быть записана цифрами и прописью (в специальной расписке), с указанием цели выдачи. То, с чем я столкнулся на практике, явилось абсолютной противоположностью всему этому. Дела подшиты не были, никаких заметок, расписок на выданные суммы, и только на углах донесений стояли какие-то цифры…

Через два дня ко мне зашел заместитель начальника политотдела управления НКВД; в беседе с ним я рассказал о разнице школьной теории с практически принятыми делами, передал последний разговор с начальником.

— Да, трудности будут, но мы вам поможем. Какой у вас партийный стаж?

— Один год.

— Ну, вот и хорошо. Политотдел вас назначает парторгом.[10] Так как у вас четыре кандидата партии и только вы член партии, то возглавлять партийную работу можете только вы. Кроме того, вы «Краткий курс истории ВКП(б)» сдали с оценкой «на отлично», значит, вы обязаны передать свои знания остальным. В служебном отношении вам тоже будет легче. Если начальник отделения неправильно действует, вы можете разобрать вопрос на партийном собрании и решение ваше прислать нам, а мы уже разберем, и если обнаружим малейший уклон от генеральной линии, то не посмотрим и на начальника. Правда, он у нас выдвиженец, мы постараемся вас примирить, а я еще с ним поговорю, и подобных грубостей вы больше не услышите.

Раздался телефонный звонок. Я снял трубку. Начальник приглашает нас к себе, в кабинет.

Командный состав был в полном сборе, уселись и мы. Начальник, поговорив с заместителем начальника политотдела, открыл собрание. На повестке дня было два вопроса: проработка секретного приказа СНК СССР по борьбе с созданием очередей и о назначении парторга. По первому вопросу выступил заместитель начальника политотдела, рассказав о содержании секретного приказа СНК СССР. Приказ гласил: «В связи с создавшимся в

стране положением… (Оратор остановился, потом достал из кармана блокнот и продолжал). А вам известно, что мы воюем с финскими захватчиками. И не только с финнами, а с международным капитализмом и немецким фашизмом. Финляндии помогает мировой капитализм и фашизм — оружием, продовольствием и живой силой. С финнами мы разделались бы в один миг, но мы сейчас боремся против мирового капитализма и фашизма. Внутренний враг действует и хочет подорвать мощь нашей страны. Кто-то, получающий деньги от иностранной разведки, начал закупать в большом количестве промышленные товары и продовольствие, пытается сорвать плановое снабжение наших гигантов-городов. Трудящиеся не могут свободно получать продукты. Должна быть объявлена самая решительная борьба со спекуляцией, и только тогда мы можем ликвидировать очереди. Врага надо искать, и мы его найдем. Выполнение приказа возложено на органы милиции, но мы должны контролировать. Надо присмотреться и к милиции. Наша сторона политическая».

Оратор сел и вытер со лба пот. За ним выступил начальник отделения: «Благодаря мудрому руководству товарища Сталина, мы с этой работой справимся», — вот, собственно, все, что он сказал, разбавив речь водой пустословия. По второму вопросу речь держал тоже помощник начальника политотдела. Он объявил решение политотдела и добавил: «Положение в стране серьезное, мы должны изучать «Краткий курс истории ВКП(б)» и сдать зачеты не ниже, как на «4», т. е. на оценку «хорошо». Если мы не будем знать, мы не сможем бороться с врагом. Оратор стал задавать вопросы:

— Скажите, товарищ оперуполномоченный, какую главу изучаете?

— Третью, товарищ помощник начальника политотдела.

— А вы, товарищ старший оперуполномоченный, какую главу?

— Дошел до третьей, товарищ начальник.

— Ну а у вас и спрашивать нечего, — обратился он к рядовому. — А как вы, товарищ начальник отделения?

— Не могу разобраться с четвертой главой.

— Да? Ну, вам теперь поможет товарищ Бражнев, отличник по всем дисциплинам. Четвертая глава, конечно, очень трудная. Писал ее лично товарищ Сталин.

На этом совещание было закрыто. Ко всей агентурно-осведомительной галиматье прибавилась галиматья партийная — все — на мою голову.

ДОЛЖНОСТЬ И НАГРУЗКА

Итак, мне предстояло «проявить себя» в работе по двум направлениям. Я, конечно, рассматривал свои обязанности партийного организатора как нагрузку, т. е. общественно-политическую деятельность по предписанию. Как же могло быть иначе, если моя подготовка была сугубо чекистской и в должности младшего оперуполномоченного нужно было эту подготовку реализовать? Но моя «нагрузка» была, однако, слишком конкретной, определялась точными обязанностями и потому получилось так, что у меня было, собственно, две должности — оплачиваемая и неоплачиваемая.

Возня с «Кратким курсом истории ВКП(б)» не увлекала меня ничуть, но приняться за его проработку следовало немедленно. Уже на второй день я созвал кандидатов партии, чтобы начать занятия. За час до занятий появился начальник.

— Как дела, товарищ Бражнев?

— Ничего, товарищ начальник, продвигаются. Еще день-два и все будет налажено. А у вас как? Я вижу, вы все с учебником…

— Да вот насчет этого с вами поговорить хочу.

Мы сели. Я взял книжку, положенную начальником на стол. Новенькая, неперелистанная, разгибается с характерным для нечитаной книги скрипом. Я глянул в лицо моему «ученику», он заметил это. Перелистываю дальше. Дошел до четвертой, «философской», главы.

— Есть трудности, товарищ начальник?

— Признаться сказать… — начальник смутился. — Я, видите ли, товарищ Бражнев, еще не брался за книжку. Времени нет — ни дня, ни ночи. Политотдел не хочет понимать: учи, знай, «Краткий курс» и никаких… Не очень хорошо, конечно, с моей стороны, но…

Некий бес ткнул меня в бок — захотелось подчеркнуть, что начальство мое в чем-то от меня все-таки зависит. Я сказал:

— Ничего! Знаете нашу чекистскую поговорку «Признание смягчает наказание»?.. Смягчим и вашу вину.

Начальник косо посмотрел на меня, и я понял — было бы у него право сейчас же арестовать меня, он это сделал бы.

Пришлось замять.

— Я думаю, что справимся, будете знать «на отлично».

Начальник понял обещание, скрытое в этой фразе, и повеселел.

Сходились прочие слушатели. Через несколько минут занятия начались. Я спросил, кто какую главу знает. Молчание было мне

ответом. На самом деле — кого мог заинтересовать этот «труд» товарища Сталина, если и сам по себе «Курс» скучен донельзя, и факты изложены в нем заведомо неверно, фальсифицирована вся история партии?..

Так открыл я занятия по «Краткому курсу». Вел их формально, ни шатко, ни валко, лишь бы «выполнить» план.

Основную свою работу я начал со знакомств: мне нужно было знать, каких осведомителей подобрал мой предшественник, старший оперуполномоченный. Как только закончил я приведение в порядок делопроизводства, составил план и получил одобрение начальника, я сразу и принялся за осведомителей.

Агентурно-осведомительная сеть включала самый разнообразный элемент: чернорабочие, квалифицированные рабочие, служащие, управляющие домами и коменданты, домохозяйки, персонал райсовета, райвоенкомата, даже преступные лица (осужденные в прошлом и потом возвращенные).

Первая моя встреча была с рабочим завода имени Шевченко — Валентином Змеем. Он был когда-то судим, и это заинтересовало меня. В разговоре с ним узнаю, что он состоит осведомителем около года, получает, по работе на заводе, всего 200 рублей в месяц, холост, родители сосланы в Караганду в порядке раскулачивания.

— Как же вы попали в Харьков?

— Да в тридцать втором справку купил в сельсовете, что бедняк. Ну и прописали тут, так вот и живу.

— Сколько вам лет было тогда?

— Пятнадцать.

— Чем вы жили сначала в Харькове?

— Чем? На конном базаре воровал, извините, товарищ начальник.

— А жили где?

— У кореша одного. Вместе воровали. Тем только и мать его содержали, а то задрала бы котелки.

Блатной (воровской) душок еще чувствовался в этом парне. Любопытный тип!

— А потом?

— Потом поймали, дали пять лет по семидесятке.[11] В Темняковские лагеря из Харькова сослали.

— Как там?

— Ой, плохо, товарищ начальник!.. Как мухи дохли от голода. Белоручки хуже всех, интеллигенты разные. А со временем группу я организовал. Новичков привезут, из

белоручек-то, чуть который отвернется, сидора[12] и нет. Раздевали их тоже. Обступим: «Делись одеждой, видишь, у меня штаны никуда». Делились, а не делился кто, так смертным боем лупили.

— А на работу гоняли?

— Дураков и без нас хватало. Начальство всегда за нас. Я вылез через оперуполномоченного.

— Осведомителем стали?

— Ну да. Помогал, конечно, контру дошибать. Раз попробовал, даже оперуполномоченному понравилось — еще велел.

— Расскажите поподробней, что за люди были, на которых вы доносили?

— Анжинеры. Один, Понюшкин по фамилии, про лагерь говорил, что, мол, хуже капиталистического. Будто их кашу есть привезли туда! Контра. Начальника лагеря зверем называли.

— А когда вас освободили?

— Два года работал с оперуполномоченным, справку мне дал хорошую.

— Вы, значит, в Харьков?.. И сразу устроились с пропиской?

— Как сказать… В первый раз начальник паспортного отдела только на месяц разрешил и на работу в микояновский колхоз устроил. Потом мы с ним работали, он меня на завод Шевченко перебросил. Сварщиком на кузнице работаю.

Парень, кажется, гордился своей «работой» в качестве доносчика, охотно рассказывал, как и что.

— За бригадиром приказали мне следить. Однако он помалкивал, хоть и тяжело приходилось. Пришлось провокацию пустить — для пользы. Я говорю: «Бьем, бьем, а шамать нечего, в лагере и то лучше было…» Он ничего не сказал, а в другой уж раз устали очень, он подошел ко мне и говорит: «Ты, малыш, прав. Это не система, а каторга». Я сообщил оперуполномоченному. Вскорости бригадир еще проговорился. Из конторы вернулся, там он заработок проверял, и говорит: «Мы — работать, а орденоносцы — деньги загребать. Сталинские помогалы!..» Обругался, конечно. Ну, после того крышка ему была, по моему, то есть сообщению.

Я отпустил Змея без инструктажа.

Я обходил свои точки — завод им. Шевченко, цементный завод, текстильную фабрику, управления домов и т. д. Намечал часы и места встреч. Меня заинтересовали донесения, бывшие в делах и подписанные «Волк». Вот два из них, в почти дословном изложении:

Оперуполномоченному НКВД
Октябрьского района города Харькова
От осведомителя Волк
ДОНЕСЕНИЕ

Сего числа ко мне подошел рабочий электросварщик М. (фамилии полностью не привожу) в сильном волнении и в повышенном тоне начал мне рассказывать о том, что он работал много часов сверхурочно, но ему не заплатили. Кроме того, он тут же начал ругать советскую власть. Я ему порекомендовал обжаловать завкому, а в отношении того, что вы ругаете советскую власть, то она здесь непричем. Безобразия есть, но это все делают низы, может быть, и враги орудуют, а товарищ Сталин обо всем знать не может. Он говорит, что ему наплевать на всю власть и что ему нужны деньги. У меня, мол, дети и жена голодные дома, а денег ни копья. Я ему ответил как член завкома, что разбирать мы сейчас не будем, а советскую власть прошу не ругать. Он плюнул и сказал, что вас не только ругать, а перевешать до самой верхушки, вы нам всю душу переели. И пошел. Я утверждаю, что М. для нас опасен и на производстве быть не может. Это вылазка классового врага. А то, что он говорит повешать до верхушки, то это по адресу товарища Сталина. Прошу вас немедленно изолировать.

О чем и доношу.

Осведомитель Волк.

Второе его донесение тому же оперуполномоченному:

«Сегодня скончался друг и соратник великого Сталина, нарком тяжелой промышленности товарищ Орджоникидзе. В обеденный перерыв я зашел в столовую и уселся за стол, где уже сидело три человека подозреваемых мною в контрреволюции из механического цеха, два из них рабочие А. и С., а третий бригадир Ц. Нам подали суп. Бригадир говорит: вот, товарищи! Умер Орджоникидзе и суп сегодня хороший, а ведь их 12 и если бы они умирали каждый день по одному, то наверно и нам 12 дней было бы сытно. Рабочий А. говорит: а если бы сдох Сталин! Ц. засмеялся и ответил: тогда, наверно, был бы со свининой. Потом они переглянулись и по одному ушли, не ожидая второго. Но я узнал этих контрреволюционеров. Когда они говорили против покойного Орджоникидзе и т.

Сталина, у меня сдавилось сердце, и я готов был наброситься на них, но удержался. О чем доношу, Волк».

На углу второго донесения значилось: «выделить»; это означало, что на эту тройку заведены дела, но почему-то донесение оставалось в агентурном деле.

Под кличкой «Волк» работал осведомителем бригадир электросварщиков Григорий Федосеев, член партии, член заводского комитета профсоюза, 45 лет от роду и со стажем на заводе — 17 лет. Личность, по советским понятиям, весьма почтенная. Его первый вопрос ко мне: «А где же товарищ Макаренко?» Отвечаю, что перевели на другую работу.

— Хороший был человек! — почти вздыхает Волк и бросает как бы мимоходом. — Да и деньжонками не стеснялся, были и деньжонки.

— Что, и вам помогал деньгами?

— Как же! Хорошо помогал, давал сотни на две. Обещал в агенты перевести.

Знакомлюсь с осведомителем из управляющих домами (управдомы). В скученных рабочих жилищах, в условиях постоянного недоедания, в грязи, легко срываются с губ нелестные отзывы о власти, объявившей себя рабоче-крестьянской, пролетарской властью. Управдом или комендант всегда назначался из числа проверенных и готовых служить НКВД людей. В домах есть комнаты для подслушивания и есть, разумеется, доносчики. Я столкнулся с управдомом, который дал донесения чуть ли не на всех жильцов, и донесения такого рода, что положительно всех следовало переарестовать.

— Скажите, товарищ, — спрашиваю я этого энтузиаста доносительства, — почему рабочие так зло ругают власть?

— Да я сам думаю над этим!.. — неуверенно отвечает управдом, пытаясь, по-видимому, быстро сообразить, к чему такой вопрос со стороны чекиста.

— Ну все же, — настаиваю я, — вы всегда с ними, свой для них по положению.

— От плохих условий жизни, я думаю… Угля вот не дают сейчас, а в каморках холод. Пища тоже и зарплата…

В райвоенкомате осведомителем состоял писарь Григорий Фролкин. Я упрекнул его, что мало числится за ним дел, а это не вяжется с тем фактом, что идет мобилизация и через военкомат проходят массы людей. Фролкин сослался на переутомленность: «Сидим дни и ночи». Однако мой упрек задел его за живое.

— А мое последнее донесение у вас, товарищ начальник? — спрашивает меня Фролкин. — Дело интересное, по-моему…

— Нет. О чем и когда?

— Недели полторы, наверно, уже. Дело-то вот какое. Получили мы наряд — мобилизовать пулеметчиков. Наряд попал ко мне, я передал начальнику военкомата. Вдруг узнаю, что он мобилизовал снайперов и люди уже отправлены. Я к нему: ошибка, мол, получилась. А он и ляпнул: «Чем хуже будем комплектовать, товарищ Фролкин, тем скорее освободимся от варварского труда…» «Вот это да!» — подумал я и вижу, что начальник не в себе. Минут через десять-пятнадцать захожу в его кабинет по другому делу, а он сидит и тянет водку — прямо из горлышка. Целый литр у него в руке, наполовину конченный. Дотянул до дна, бросил бутылку и свалился. Я к нему: «Что с вами?» «А, ничего, клади на диван»…

В школе № 54 осведомителем был заведующий учебной частью и тоже снабдил меня ворохом донесений.

Мало-помалу для меня стала ясной картина осведомительной работы в школе. В распоряжении нашего осведомителя всегда имеются навербованные им самим — педагоги и ученики, порою также и родители. Одни выслуживаются перед администрацией школы, другие рассчитывают стать известными нам через администрацию. Ребят втягивают, подсекая их на провинностях, на их ссорах, возбуждая мстительность. Ребята несут в школу и свою обиду — домашнюю, на родителей. Иного комсомольца заставляют ябедничать, воздействуя на «комсомольскую сознательность». Ябедничество вообще — и поощряется, и идеологически обосновывается всем преподавательским коллективом, за редкими исключениями. Сеть получается густая и сложно переплетенная.

Из всех осведомителей произвел на меня хорошее впечатление милиционер. В его деле лежало одно донесение, — должно быть, сугубо вынужденное, написанное под нажимом моего предшественника. Ценности это донесение не представляло никакой — ничего конкретного.

— Что же вы, товарищ, так плохо работаете? — спросил я его при первой встрече.

— Плохо? Да я ведь несу наружную службу, хожу на облавы беспаспортных, день и ночь очереди разгоняю, домой некогда сбегать.

— А со спекуляцией как? Многих привели в отделение?

— Разве же у нас спекулянты?.. За хлебом стоят, а не за промтоварами. Другие водят, только зря, без оснований, хвалили бы их только. Начальник, как машина, отхватывает штрафные по 100 рублей, а неверно это, спекуляции нету.

— Будете со мной работать? — спрашиваю я тоном,

разрешающим и отказ, очень уж расположил меня к себе этот «мильтон».

Он понял, что можно рискнуть, так и встрепенулся:

— Товарищ начальник! Освободите меня!.. Не могу я по этой отрасли работать!

— Хорошо, освобождаю, — говорю я и выкладываю пять пачек «Беломорканала».

— За это спасибо, товарищ начальник! — обрадовался горе-осведомитель.

Я смотрю, как он рассовывает папиросы по карманам, молчу. Он рассовал пачки, подтянулся, ждет. Молчу.

— Можно идти, товарищ начальник?

— Можно. Идите. Всего хорошего.

В заключение — несколько слов об агентурно-осведомительной сети. Независимо от партийности или беспартийности, имеется три ранга сексотов: осведомители, агенты и резиденты.

Осведомители — низшая ступень, самая распространенная. Их работа ограничена. Они могут подслушивать разговоры, провоцировать на разговоры, вести наблюдение, пользоваться (осторожно) рассказами других лиц. В виде исключения, с ведома и после инструктажа работника НКВД, осведомителю разрешается зайти в ресторан и устроить выпивку с наблюдаемыми лицами. Но в ресторане осведомитель не имеет права завязывать знакомства. Выезд из данной местности, с целью слежки, осведомителю запрещен. Осведомители не оплачиваются, получая лишь случайные подачки.

Агент обладает всеми правами осведомителя, но может, по надобности, организовывать выпивки в ресторанах. С предварительным докладом работнику НКВД агент может выехать куда-либо. Агенты — платные, подбираются из достаточно развитых людей. Иметь агентов может только такой работник НКВД, который занимает должность не ниже начальника районного отделения.

Высшая ступень секретного сотрудничества — резиденты. Кроме прав осведомителя и агента, резидент имеет право выезда. Если нужна затяжная командировка, помогает НКВД. Например, какой-либо трест командирует инженера такого-то на Дальний Восток, на металлургический, допустим, завод. Инженер состоит под наблюдением резидента. Руководящие работники (директора, управляющие) — партийцы и знают, за кем ведется слежка, хотя и не посвящены в подробности и не знают имени секретного сотрудника. В НКВД сообщается, что такой-то инженер выезжает туда-то, поездом № таким-то, в вагоне таком-то. НКВД через свою

агентуру на вокзале достает билет для резидента: тот же вагон, то же купе. Командировка устраивается через другое учреждение или предприятие. Едут вместе. Денежных средств, а следовательно, и возможностей угощений в вагоне-ресторане у резидента достаточно. Могут дорогой сдружиться. Резидент обычно — человек с высшим образованием, иметь резидентов вправе работники НКВД в должности не ниже начальника отдела управления НКВД.

Осведомителя, агента или резидента запросто арестовать нельзя, нужно в случае необходимости обратиться в ближайшее отделение НКВД, в срочных случаях — к первому встретившемуся работнику НКВД.

Милиция также имеет право набирать осведомителей, агентов и резидентов, но тоже — смотря по должности работника милиции. Средний командир милиции обязан иметь осведомителей. Начальнику отдела УРКМ и вышестоящим чинам разрешено иметь агентов. Начальнику отдела республиканской РКМ (и вышестоящим лицам) разрешается иметь резидентов.

Осведомительной сетью располагают зачастую и партийно-общественные органы: ответственные работники партии, комсомола, профсоюзов, райисполкомов, райсоветов, горсоветов и т. п., затем — Осоавиахима,[13] МОПРа,[14] директора заводов, председатели колхозов — паутина, охватывающая все население СССР, и нити, стягивающиеся во всех случаях в НКВД.

Теперь — о методах вербовки агентурно-осведомительных кадров.

Легче это удается органу НКВД. Через свою агентуру работники НКВД подбирают людей. Особых церемоний не устраивают. Любого гражданина СССР вызывают повесткой, но ни в коем случае не в НКВД, а, как правило, через органы милиции или прокуратуры. При первой встрече вызываемому задается вопрос:

— Вы коммунист?

— Нет.

— Комсомолец?

— Нет.

— А, вы беспартийный большевик. Ну и хорошо!..

А если коммунист или комсомолец, то еще проще. Спросят, как дела на производстве, не обижает ли начальство, сколько получает, какую имеет семью, хватает ли на жизнь и т. д. и т. п. На стол сразу же выкладываются хорошие папиросы. Потом небольшая лекция о советской морали, о капиталистическом окружении, потом поиграют на ваших нервах, действуют на патриотизм, постараются вложить вам в душу любовь к родине и

народу. Не обойдется и без того, чтобы не похвалить вас. Потом еще раз о капиталистическом окружении и работе врагов народа внутри страны. И тут же переход: как патриот вы обязаны помогать в работе нашим органам. Обещают всякую помощь и поддержку. Вы согласны, конечно? Не спрашивая вашего согласия, тут же дают бумагу и карандаш, диктуется подписка о неразглашении. Под каким вы псевдонимом хотите работать? Агент уже готов. Если вербуемый сразу не дает согласия, ему делается отсрочка. Вызовут еще раз, а потом еще и еще, сколько потребуется, и каждый раз одно и то же: «Ну, вы подумали? Теперь согласны?» И опять та же процедура. С любыми нервами и устойчивостью человек не может отказаться и, перепуганный, вынужден согласиться работать, не зная, что за ним, в свою очередь, установлена слежка.

Как вербует милиция? Используется материальная необеспеченность населения и права ограничений. В Советском Союзе человек не имеет права проживать там, где он захочет. На все есть пункты и подпункты ограничений (согласно приказу о паспортизации, на чем подробно я остановлюсь ниже). Гражданин или гражданка, приехавшие из села в город на работу, жить в этом городе не имеют права, так как они приехали самовольно, а не по контракту с производства. Милиция в прописке отказывает и, в случае невыезда, арестовывает и отдает под суд как нарушителя паспортного режима. Начальник паспортного стола имеет право прописать. Он делает «одолжение» — временно прописывает, предлагая тут же сотрудничать. Человек, находясь в таких условиях, должен соглашаться, так как в большинстве случаев на обратный проезд нет средств, да и выехал он из дома не за тем, чтобы туда вернуться.

Если гражданин проживал в городе, и его за что-либо судили, после отбытия наказания он возвращался по месту своего прежнего жительства. Начальнику паспортного отдела также даны права — прописать или отказать, хотя бы прибывший имел в городе семью и собственный домишко. Второй срок концентрационных лагерей человек получать не хотел и соглашался работать в агентурной сети. Таким образом, большая часть агентурной сети вербовалась паспортным столом и уже потом передавалась по назначению. Другие организации расширяли свою сеть посредством премий, приписки рабочих часов, оплаты сверхурочных часов, трудодней в колхозах, повышения по должности и т. д.

Коротко о приказе Берии.

После снятия Ежова работники НКВД, от мала до велика, задумались над своей судьбой. Каждый думал о том, как и куда

повернет колесо новый нарком. Не отразятся ли, мол, на нас проделки времен Ежова. Берия молчал. Начали все больше распространяться слухи о том, что Берия готовит что-то загадочное и в НКВД произведет чистку. Каждый день в приказах перечислялись фамилии работников НКВД, покончивших жизнь самоубийством. Аресты продолжались, но не в прежних размерах. С арестованными не знали, что делать. Тюрьмы переполнены, питание немного улучшили, пытки частично прекратились.

Но вот вышел в свет долгожданный приказ Берии. Изменилось ли что-нибудь? Да, изменилось. В приказе говорилось об изоляции семей репрессированных. Значит, арестовывать стали не одиночками, а семьями. Правда, в приказе говорилось: избивать можно, но не всем. Кто же может избивать? Ответа не было. Аресты производить, но тихо, избегать инцидентов. Арестовывать только по ордеру прокурора. Но каждый начальник имел у себя ордеров за подписью прокурора столько, сколько ему надо. Так что же изменилось в этой адской системе? Ежов снят — Берия поставлен, сталинизм остался сталинизмом.

Вышел второй приказ — о пересмотре дел. Да, дела пересматривались и некоторые репрессированные были признаны невиновными. Но когда о них запрашивали концлагеря, то в большинстве случаев получали ответ: «Такового нет — умер; такового нет — застрелен при попытке побега». Никогда никто не думал бежать: людей просто уничтожали. После того как пришлось столкнуться с физически искалеченными, запросили Берию, что делать с ними. Было прислано дополнительное разъяснение: «Физически искалеченных не освобождать». Часть была освобождена для показа и для пропаганды: вот, мол, смотрите, что натворил Ежов без ведома Сталина. Но это по Советскому Союзу были единицы. Эти люди, конечно, тоже были искалечены, но больше духовно, чем физически. Им выдали понемногу денег и отобрали строжайшую подписку о неразглашении. Сталинские пропагандисты славили Сталина за мудрое руководство и за отцовскую заботу о человеке.

Таковы были изменения в НКВД в связи со снятием Ежова.

Как-то вечером ко мне заходит начальник отделения и говорит:

— Товарищ Бражнев, сегодня мы с вами идем на контроль милиции по борьбе со спекулянтами.

— Есть, товарищ начальник!

— Оденьтесь, пожалуйста, в гражданское.

Часов в 10 вечера мы прибыли в 19-е отделение милиции, где начальником отделения был сержант милиции Цурков. Мы, не заходя к начальнику, направились в дежурную комнату и

спросили у дежурного по отделению, где можно увидеть начальника.

— А вы хто будете? — с украинским акцентом спросил дежурный.

— Нам нужен начальник отделения.

— Да хто вы будете, я спрашиваю у вас?

— Для вас безразлично, товарищ дежурный. Нам нужен начальник отделения.

— Ну идите и шукайте. Що, обязан я каждому казаты, де начальник?

В дежурной комнате, стоя и сидя на корточках, находилось человек 15–20 задержанных, посередине ходил милиционер и наблюдал, чтобы кто не ушел.

— Так вы не можете все-таки нам ответить, где начальник? — обратился я к дежурному.

— А вы знаете що? Уходить и ны мишайте мини робыты.

Начальник мой разозлился и сказал, что мы — члены райсовета.

— Дайте ваши удостоверения.

Мы переглянулись и засмеялись. В это время из боковой двери в дежурную комнату зашел сержант милиции.

— Товарищ оперуполномоченный, проверьте у них документы, они говорять, што из райсовета и требывають начальника, а мне некогда.

Мы повернулись лицом к оперуполномоченному, он узнал моего начальника. Хотел было рапортовать, но начальник сразу же обратился к нему: «Зайдемте к вам в кабинет, товарищ оперуполномоченный» — и пошел в ту же боковую дверь. Мы вошли в довольно большую комнату, а оттуда еще в одну. Начальник открыл дверь, остановился на пороге. Здесь ошеломила нас неожиданность: помоперуполномоченного, раздев женщину до нижней рубашки, ищет «излишки» денег для уплаты штрафа за создание очереди.

— Сюда нельзя, выйдите!

Начальник прошел и сел на стол оперуполномоченного, а я стоял у порога, не зная, что делать. Со мной рядом стоял оперуполномоченный.

— Ну, продолжайте! — сказал начальник.

Помоперуполномоченного, очевидно, поняв, что мы какое-то начальство, бросил ей платье и буркнул: «Одевайся!» Сам, обращаясь к начальнику, начал сыпать: «Вот проклятые спекулянты, жизни не дают, всю ночь стоят, а как только утром откроют магазин, они первые и разбирают всю мануфактуру, а через них и не достается другим».

— Да я же за хлебом стояла, товарищ начальник, — со слезами проговорила женщина.

— Молчать! Тебя не спрашивают, — крикнул помоперуполномоченного. — Знаем мы вас, проклятые спекулянты!

— Отпустите женщину, — сказал начальник.

Оперуполномоченный отвел ее в дежурную комнату и вернулся назад.

— Это по вашему приказанию производился обыск? — обратился начальник к оперуполномоченному.

— Нет, товарищ младший лейтенант государственной безопасности.

— А кто же дал такое распоряжение?

— Вообще дано распоряжение начальником отделения, что средний командный состав может обыскивать всех. Вот даже мне выдали штрафную книжку квитанций.

Когда оперуполномоченный назвал начальника по званию, помоперуполномоченного вытаращил глаза и принял стойку «смирно».

— Где ваш начальник? — обратился начальник к оперуполномоченному.

— На территории. (Это значит — делает обход).

— Ведите нас по всем местам, где у вас собираются, да смотрите, не вздумайте обмануть. Я территорию знаю.

В дежурной комнате ни звука.

— Скажите дежурному, что вы пошли немного рассеяться со своими знакомыми.

Мы вышли из отделения. Начальник повернулся ко мне и говорит:

— Вы, товарищ Бражнев, пойдете с помоперуполномоченного, а я пойду с оперуполномоченным. Да смотрите! Если заметите за помоперуполномоченного, что он передал кому-либо о нашем пребывании здесь, запишите.

— Попробуем, товарищ начальник. Ведите меня в самые отдаленные точки, товарищ помоперуполномоченного.

— Есть, товарищ начальник, — отвечает он, не спрашивая даже, кто я.

Мы прошли к самой отдаленной точке — хлебному магазину.

— Удивительно! — подумал я. — Ни одного человека…

У магазина стояли два милиционера.

— Где же очередь? — обратился я к милиционеру.

— Она не здесь. Она вон там, под мостом.

Мы отправились к очереди. Действительно, метрах в пятистах от магазина, под железнодорожным мостом, стояла кто во что

одетая двухтысячная толпа. Люди жались друг к другу от холода.

«Да, не ахти как приятно! На таком морозе стоять спекулянта не заставишь», — промелькнуло у меня в голове.

— Скажите, пожалуйста, сейчас 2 часа 30 минут ночи, хлебный магазин откроется в 8 часов утра. Зачем же вы мучите себя и милицию? Лучше было бы прийти — ну хотя бы в 7 часов утра и стать у магазина, а не тут.

— А кто вы будете? — спросил кто-то.

Я подумал и ответил:

— Из области.

— Да, гражданин начальник, вы сядете и уедете, а нам потом от них жизни не будет, — послышался тот же голос.

— От кого — от них?

— Да что вы не знаете? От милиции.

Я повернулся к помоперуполномоченного и попросил его отойти.

— Меня интересует один вопрос, и прошу вас ответить на него честно: очереди из-за того, что недостаток хлеба, или, может быть, действительно из-за того, что спекулянты разбирают, а вам не достается?..

— Прежде всего, хлеба маловато. Моя семья состоит из шести душ. Муж работает на производстве, рабочий. Старший сын мобилизован в Финляндию, а младшие ребята, от 6 до 14 лет, дома. Я день и ночь в очередях стою. В одни руки хлеба дают один килограмм. Если бы я могла получать этот килограмм каждый день, то еще было бы полбеды, а беда-то в том, что килограмм хлеба я могу получить только на третий день, а иногда и на четвертый. При хорошем распределении и порядках мы бы могли получать через день, а при таких порядках, наверно, скоро будем получать на пятый день.

— Какая же, по-вашему, причина?

— А вот разбирайте. Мы стоим за полкилометра от магазина. Перед открытием магазина приходит целая орава: милиция, актив райсовета, горсовета, бригадмиловцы, разные активисты. Их становится почти что столько, сколько и нас. Милиция перегораживает нам дорогу, а активисты водят нас отсюда, как скотину, под охраной, по десять человек, в магазин. К магазину вообще подступа нет. Когда мы заходим в магазин — нас десяток, а там уже двадцать. Откуда?.. Милиция тут же подходит, хватает за ворот и в милицию, а там нашего брата не спрашивают, выслушать не хотят. А сколько оскорблений получаешь! Потом начинают обыскивать. Простите, лазают везде. Ищут денег на уплату штрафа — 100 рубликов… Обжаловать никуда нельзя, нигде жалоб не принимают. Идешь домой со слезами, да еще на

100 рублей оштрафованная. А дети этого не признают. Им дай, что поесть. Дай Бог, если третья часть из нас получит сегодня, а остальные стоят на завтра. Так и стоим круглыми сутками. Хлеб разбирает милиция и их прихлебатели. Им дают не кило, а буханку (2,5–3 кило). Мы, говорят, блюстители порядка. Таких бы блюстителей на фронт. Наши кровь проливают, а эти спекулируют, а вину взваливают на нас.

Помолчав, моя собеседница заканчивает:

— А что можно сказать о спекуляции? Скажите, пожалуйста, можем ли мы взять хоть один метр мануфактуры по нормальным ценам? Нет.[15] Когда привозится мануфактура или готовая обувь, мы не знаем, а милиция знает и, конечно, передает своим. Мы стоим от магазина также за полкилометра, и нас водят, как на водопой. Можем ли мы видеть, что делается в магазине? Нет. Придут первые десять, кое-что возьмут, да и все. А потом объявляют: мануфактура продана. Кто разобрал? Конечно, они со своим активом, — все эти «блюстители». Что вам еще не ясно, товарищ?

СПЕЦИАЛЬНАЯ КОМАНДИРОВКА В ЗАПАДНУЮ УКРАИНУ И БЕЛОРУССИЮ

Второго февраля 1940 года меня вызвал начальник районного отделения НКВД города Харькова, младший лейтенант Савицкий, и повел со мной разговор на тему агентурно-осведомительная сеть. После небольшой беседы он встал и начал расхаживать по кабинету, держа папиросу во рту. Я с недоумением смотрю на него. Вдруг он подходит ко мне, ударяет по плечу и говорит:

— Теперь мы поговорим на основную нашу тему. На наше отделение дана разверстка: выделить одного человека из оперативного состава для отправки в специальную командировку в Западную Украину. На основании приказа товарища Берии и решения товарища Сталина мы должны провести чистку в Западной Украине и Белоруссии от враждебного нам элемента. Поляки за 30 лет своего господства навязали нашим братьям по классу, украинцам и белорусам, свою культуру, обычаи и многое другое, что социалистическому строю неподходяще. Большая часть населения недовольна советской властью, поэтому мы должны смирить их и заставить полюбить нас и наши законы. Я думаю, что вы от выполнения такой почетной задачи не откажетесь. Кроме того, вы — молодой работник, недавно окончивший школу государственной безопасности, на практической работе были очень мало и подкрепить теорию практикой для вас необходимо. Я решил командировать вас.

Возражать против такой «почетной» задачи было невозможно в наших условиях, следовательно — пришлось «согласиться». Правда, в Западную Украину и Белоруссию мне хотелось поехать не на выполнение «почетной» задачи, а посмотреть на «замученных» братьев и сестер, «освобожденных» от польского ига. У нас говорили, что братья и сестры Западной Украины и Белоруссии никак не похожи на нас. Они замучены поляками, истощены, ходят оборванные, небритые, грязные, ну, в полном смысле — рабы прежних времен. Живут они в землянках, платили непосильные налоги и только благодаря великому Сталину — увидели жизнь. Они живут под солнцем сталинской конституции, самой демократической в мире.

— Сейчас, — продолжал лейтенант Савицкий, — вы сдадите агентурно-осведомительные дела оперуполномоченному, а сами будьте готовы к 21-му часу явиться в Управление НКВД на особое

совещание.

Сдать дела мне очень хотелось, потому что встречи с агентурой меня не интересовали: в течение двух месяцев моей работы я познакомился только с 25 процентами состава агентурно-осведомительной сети и вообще я чувствовал, что не сегодня-завтра буду привлечен к ответственности.

К 20 часам дела по агентурно-осведомительной сети были переданы, и в 21 час я уже был в Управлении НКВД, в зале заседаний. На совещании или, вернее, на особом инструктаже, присутствовало до 400 работников НКВД. В зале раздался звонок: это значит — идет начальство.

В зал входит начальник управления НКВД, майор госбезопасности Кувшинов, за ним — начальник отдела кадров и еще человека три его «свиты». Дежурный по залу подал команду для встречи начальства, но начальник рапорта выслушивать не стал, а направился в сопровождении свиты на сцену, где стоял стол, накрытый красным полотнищем и обставленный кругом мягкими креслами. В зале наступила гробовая тишина. После небольшой паузы начальник управления поднимается и произносит речь:

— Товарищи! Мы вас собрали для того, чтобы произвести специальный инструктаж личному составу о методах действий нашей предстоящей работы. На нашу часть выпала ответственнейшая и почетнейшая задача — очистить Западную Украину и Белоруссию от классово чуждого элемента и создать такие условия жизни нашим освобожденным братьям, чтобы они почувствовали полную свободу, чтобы над ними просияли лучи сталинского солнца. Работа для нас предстоит серьезная: по нашим подсчетам, 13 процентов населения должны будем арестовать, т. е. тех, которые пропитались польским духом. А наша задача, как органов пролетарской революции, выбить из них польский дух. На нашу область дана разверстка: командировать 2 000 работников, вместе с работниками милиции. Как видите, цифра немалая, а это значит, что работа предстоит серьезная. По нашим подсчетам — полтора миллиона «с гаком», как говорят украинцы, подлежит аресту. Хочу вас предупредить, что в случае нерадивого выполнения порученного дела мы с вами также «посчитаемся». Если мы приберем к рукам полтора миллиона человек, то от этого революция не пострадает. Мы имеем секретный циркуляр товарища Берии, на основании которого имеем право применять оружие к тем, кто не только вздумает выступить против нас, а даже покоситься на нас — таких можно прикончить на месте, патронов не жалеть на такую сволочь. Окончательный инструктаж вы получите на месте. Завтра вы

получаете новое обмундирование и снаряжение, а сейчас — по домам!

Если до момента, когда я выслушал этот «инструктаж», мне и хотелось поехать, посмотреть, как живут «замученные» братья украинцы и белорусы, то после «инструктажа» я понял, что будет происходить с теми братьями и сестрами, над которыми просиял луч «сталинского солнца»…

При выходе из управления я встретился со своим другом по школе, сержантом М., с которым, еще будучи в школе, мы часто делились мнениями, жалея, что попали в эту «почетную» школу чекистов. Мы зашли в ресторан, поужинали, поговорили о предстоящем кошмаре.

— Ну что же, — говорил он, — попал в воронью стаю, каркай по-вороньи…

Пятнадцать эшелонов стояло на запасных путях; выход из вагонов был запрещен, и у дверей стояли дневальные. Правда, дневальные были из числа своих, но выйти все равно было невозможно. Паровозы возле каждого эшелона стояли на парах, и каждую минуту ожидался отъезд.

В 8 часов утра наш эшелон двинулся первым, и на определенной дистанции двигались остальные 14 эшелонов.

7 февраля в два часа ночи мы прибыли на пограничную станцию Волочиск. Специальный наряд пограничных войск НКВД проверил наши командировочные удостоверения, и мы двинулись дальше.

Часа в три — в половине четвертого мы прибыли на новую пограничную польскую станцию — Подволочиск. Все кинулись к окнам, пытаясь рассмотреть в темноте, «как выглядит Польша». Вдалеке светился огонек. Несколько смельчаков открыли окна, выпрыгнули из вагона и добрались до станции. Здесь их интересовал главным образом такой вопрос: «Нельзя ли что-нибудь купить в ”голодной Польше”?»

Оказалось, что на вокзале был буфет, имевший в изобилии разные продукты: здесь продавались французские булки, белый хлеб, колбаса и т. п.

Смельчаки набрали много продуктов и с гордым видом возвращались в вагоны. Когда об этом узнала остальная масса — она также, подстрекаемая голодом, кинулась к дверям, но дневальные не пускали. Тогда начали прыгать через окна, а потом дневальные были сбиты с ног. Голодные люди устремились к буфету: буфет в одну минуту был перевернут вверх тормашками… Продавца затоптали ногами, пассажиры из польских граждан, находившиеся на вокзале с детьми, кричали: «Спасите!» Но кто же в силах спасти, когда рассвирепевшие

опричники «гуляют»!.. Было насмерть задавлено несколько человек. Те, которые награбили массу продуктов, начали пробираться к дверям, но к дверям пробраться было невозможно. Тогда начали бить окна, чтобы уйти с награбленной добычей… И вот те, кому не удалось ничего добыть, начали отнимать у награбивших. Поднялась драка. Происходило что-то невероятное…

Наконец, прибыли машины со специальным отрядом пограничных войск НКВД, который долго «наводил порядок».

Часов в 5 утра наш эшелон двинулся дальше. Там, где останавливался наш эшелон, его моментально окружали пограничные войска, и выход из вагонов был невозможен. Окна открывать также было запрещено. К каждому окну был приставлен чекист из среднего командного состава. Буфеты на вокзале были закрыты и охранялись пограничными войсками НКВД.

В 3 часа дня прибыли в город Львов. У дверей вокзала тоже были поставлены часовые из пограничных войск. Выход из строя был запрещен. Нас вывели на привокзальную площадь и объявили, что мы будем следовать в отведенное для нас помещение. Там для нас приготовлены постели и будет доставлена горячая пища. Поэтому надо пройти по городу с веселым видом и головы не вешать…

Но тут произошло нечто неожиданное. Перед нашим приездом во Львове наступила оттепель и пошел дождь. На улицах стояли лужи воды. Мы двигались, как приказало начальство, «с поднятой головой» и с песнями. У кого не болел живот со смеха, когда нас увидели в валенках? Там, где мы проходили, вода была впитана валенками, и после нашего перехода становилось почти сухо.

Началось расквартирование. Дом, в котором нас должны были разместить, был когда-то занят монахинями, а теперь частью освобожден. Нам предоставили комнату на 50 человек с расставленными двухэтажными деревянными кроватями. На каждую кровать было распределено по 4 человека: были предоставлены нам мешки, набитые соломой (вместо матраца), и немного меньшие мешки, с соломой же, вместо подушки.

Выбившиеся из сил от бессонницы и голодные, люди ложились на кровати, укрывшись шинелями. Ночью мы проснулись от ужасного крика и площадной ругани. Оказалось, что кровати не выдерживали тяжести двух человек на «верхних этажах». У многих были разбиты носы в кровь. Все поднялись. На пол ступить босой ногой было невозможно: образовалось озеро воды от валенок.

Воздух был настолько тяжелый и сырой, что дышать было нечем. Печки «кафельные» были накалены, и подойти к ним было почти невозможно, но — делать нечего: все потянулись сушить валенки, ступая босыми ногами по холодному и мокрому полу. Некоторым удалось просушить свои валенки, а некоторые их прожгли… Начали рвать «матрацы», чтобы достать соломы и заткнуть прожженные дыры.

Было 8 часов утра. Вдруг команда: «Приготовиться к построению!» Через пять минут — новая команда: «Становись!» Мы кое-как разместились полукругом. В комнату зашел, как он себя назвал, особый уполномоченный управления НКВД по Львовской области, младший лейтенант Р-ч.

— Товарищи! — обратился лейтенант к нам. — Я знаю, что вы сейчас живете в плохих условиях, ну — что делать! Это временное явление. Этот дом принадлежал когда-то монашкам. Сейчас он принадлежит нам. Мы уже постарались половину монашек отсюда убрать, а вот половина еще здесь. Но я думаю, что мы их тоже уберем. Долго возиться не будем. Мы уже здесь и штрафников поселяли, и пьяных… Но они, хоть их и насилуют в продолжение круглых суток, — все же живут. Теперь, я думаю, вы нам поможете. Вас много, и если вы за них возьметесь по-настоящему, то они не выдержат…

На этом «информатор» закончил и предложил нам выбрать старшего комнаты. Мы избрали, и они пошли вместе, а мы разошлись по своим койкам. Не знаю, как другие, а я был будто оплеван с головы до ног — так омерзительно осела на душе наглая, наигранно-фальшивая речь Р-ча. После завтрака все начали приводить себя в порядок: вычистили шинели, валенки, побрились, слегка отдышались и были удивлены, когда опять (нам казалось — слишком скоро) раздалась команда: «Строиться на обед!» После обеда часовой отдых, и мы с другом решили пойти посмотреть помещение. Дом был в шесть этажей. На первом этаже канцелярия и склады: вещевые, продовольственные и боеприпасов. В подвальном помещении была устроена — наполовину дома — столовая и кухня, а другая половина подвала была «засекречена»: у дверей стояли двое часовых. Проникнуть в тайны подвала нам не удалось. На втором этаже много комнат было завалено поломанной мебелью и картинами религиозного содержания. На третьем и четвертом этажах были размещены приехавшие работники НКВД и милиции, а на 5-м и 6-м монахини. В комнатах у них было чисто и уютно, только заметно бросалось в глаза, что все стены ободраны и лики святых измазаны краской, глиной и сажей. Через каждый метр чекисты повесили портреты Сталина и других преступников. Монахини

выглядели очень плохо, несмотря на молодой возраст их. Питание им давалось строго ограниченное. Жили они на пайке полуголодных. Общение с внешним миром им было запрещено.

Мы хотели с монахинями заговорить и задали несколько вопросов, но ответа не последовало, и все они сидели с опущенными головами, занятые разной работой: кто вязал чулки, кто что-то шил, кто занимался штопкой, а некоторые вышивали. Мы не стали больше задавать вопросов и вышли.

— Я, — говорит мой друг, — не могу смотреть на эти жалкие лица. Представляю, что с ними делают… Им не только нечего отвечать на наши вопросы, а они, бедные, дрожат при виде чекиста… Теперь сам можешь представить, что у них на душе, когда нас привезли сюда полторы тысячи человек…

— Да… — ответил я.

И мы вышли во двор. У ворот, при выходе в город, стояли двое часовых, вокруг дома тоже патрулировали часовые. Мы попытались выйти, но часовые нас не пропустили и сказали, что выход разрешен только по записке начальника этого дома.

Нам хотелось посмотреть город, и мы обратились к начальнику, но разрешения на выход нам не дали. Мы спросили начальника:

— Да разве мы заключенные?

Вместо ответа он скомандовал:

— Кру-у-гом!

Мы исполнили команду.

— По своим комнатам — ма-арш!

Так мы вернулись восвояси, радуясь, что начальник не записал еще наших фамилий…

Вернувшись в комнату, мы начали обдумывать план, как пробраться в «засекреченный» подвал и узнать тайну. Но проникнуть туда можно только при посредстве специального уполномоченного, которому поручена охрана этого подвала.

Было 7 часов вечера. Слышим команду: «Строиться на ужин!»

После ужина мы подошли к буфету, чтобы купить сигарет. Там мы познакомились с работницей буфета, работающей по найму: она имела право свободного выхода. Она пригласила нас посетить ее квартиру, но мы ей сказали, что сейчас не можем, так как временно выход запрещен, а как только нам будет разрешено, мы обязательно посетим ее.

Воспользовавшись тем, что девушка имеет право свободного выхода, мы ее попросили, чтобы она принесла нам водки. Наша новая знакомая согласилась исполнить нашу просьбу.

— Но в магазине купить невозможно, — говорит она, — а на базаре литр водки стоит 120 рублей.

Мы дали ей денег на два литра.

Вернувшись в общежитие, мы увидели своих сожителей в веселом настроении. Оказалось, во время нашего отсутствия было объявлено по комнатам, что желающие могут провести сегодняшнюю ночь с монахинями. В нашей комнате оставалось человек 5–6, которые не воспользовались этим разрешением; остальные же часов в 10 вечера ушли на верхние этажи.

Мы уселись на кровать, валенки поставили около кровати. Спать, конечно, не собирались, зная, что через некоторое время начнут таскать бедные жертвы в подвал. Эта орава сегодняшней ночью что-то натворит…

Приблизительно часов в одиннадцать ночи до нас донеслись душераздирающие крики…

Мы поднялись на верхние этажи и зашли в одну из комнат. Зрелище было ужасное: две монахини были разложены на кровати совершенно нагие и насиловались тремя-четырьмя по очереди. Одна красивая монахиня оказала сопротивление — ее выбросили в окно… Убийца был не наказан, а поощрен. По коридору и лестницам таскали полуживых монахинь — за неподчинение в подвал. Только часам к пяти утра закончилась эта вакханалия…

Девятого февраля нас, как и в предыдущие дни, повели строем на завтрак, и после завтрака мы получили от нашей знакомой буфетчицы, по большому секрету, два литра «белой головки» (в 50 градусов).

Вернувшись в комнату, мы начали обдумывать план проникновения в подвал. Перед ужином мы спустились в подвальное помещение. Заговорили с часовым. Он рассказал нам, что подвал служит карцером для провинившихся монахинь, и если мы хотим пройти — необходимо обратиться к начальнику специальной охраны карцера.

— Кто он по чину? — спросили мы.

— Командир отделения, — ответил часовой.

Мы нашли комнату, постучали. Открылась дверь — на пороге стоял солдат.

— Что хочете?

— Вашего командира, — ответили мы.

Солдат, не отходя от нас и загораживая нам дорогу, закричал:

— Тут, товарищ начальник, два сержанта!

— Ну, пусть зайдут, — послышался голос.

Нас пропустили в комнату. Передняя комната была устроена в виде караульного помещения: около стен стояли двухэтажные кровати, по стенам развешаны портреты бородатых Маркса, Энгельса, раскосого Ленина и низколобого Сталина. Посредине

комнаты стоял стол, за которым сидел чекист в чине командира отделения. Солдат поставил нам два стула, и мы присели.

— Вы, товарищи, ко мне по делу, очевидно? — обратился начальник к нам.

— Да, — ответили мы. — Товарищ начальник (старались мы польстить ему в чине, называя его начальником), мы зашли от скуки, рассеяться и поговорить с вами по некоторым вопросам.

— Ну, раз вы хотите со мной поговорить, так идемте, поговорим. А впрочем, я знаю, о чем вы будете говорить. Вам, наверное, надо пару хороших монашек? Да, я понимаю, там неудобно, когда десятки глаз глядят… Ладно, пошли!

Мы вышли. Пройдя немного по коридору, начальник вытаскивает связку ключей из кармана и открывает дверь. Мы зашли в комнату.

— Ну вот, тут можете поговорить. Вот эти кровати много выдержали (около стен стояли три двуспальные кровати). Я, когда нужно, привожу сюда, да не одну, а две, три, ну и… А когда надоест с ними возиться — передаю ребятам. Мировая комната? Я думаю, у вас кабинет хуже?

Кровати с хорошими постельными принадлежностями были заправлены по военному образцу. Посредине стоял стол и вокруг стола — три двухместных мягких дивана. На столе дюжина запыленных бутылок. На стенах, как обычно, портреты Ленина и Сталина.

Через пять минут на столе стояло два литра «белой головки».

У начальника засияли глаза. Он принес стаканы и закуску. Первый тост выпили за здоровье «начальника». Посидев немного, поболтав на разные темы, мы предложили ему еще выпить. Сами же, сославшись на усталость, отказались. Он еще выпил залпом один стакан, а мы нажимали на еду. Через полчаса охмеление нашего начальника стало заметно. Тогда мой друг налил еще по одному, и он, не дожидаясь нас, перевернул, как говорится, «по мизинец».

— Скажите, товарищ начальник, а как там дела обстоят в отношении монахинь?

— Ха-ха-ха! Да это пустяки!

Хотел идти. Мы его остановили.

— Что, струсили?

— Нет, только водочки у нас маловато. И им ведь надо.

— Ну, это чересчур — такую сволочь водкой поить. Мы их без водки разделываем так, что пьяные бывают, задумают косо глянуть — попадут в подвальчик…

— А что страшного в подвальчике? — спрашиваю.

— Ого! Да там… Хотите пойти со мной? Есть на что

посмотреть!

Через минуту мы уже были у главной подвальной двери, где стоял часовой.

Начальник вытащил из кармана связку ключей. Начал открывать замок… Долгое время ему не удавалось попасть ключом в замочную скважину, но наконец дверь открылась и мы зашли в коридор подвала, тянущийся далеко вглубь. Дверь за собой закрыли на замок.

— Ну, что хотите посмотреть? — спрашивает нас.

— Все, — отвечаем.

— Хорошо!

Он включил свет в камере и начал открывать дверь. Мы остановились от ужаса на пороге. Камера была размером приблизительно 3 на 4 метра. Там стояла одна кушетка с клеенкой. Отопления не было, естественного света — также, так как окна были завалены кирпичами и только маленький волчок был оставлен вверху для воздуха. В камере было сыро и холодно. Три живых трупа сидели на полу в изорванных платьях, с поджатыми ногами.

— Почему сидите на полу? — спрашиваем.

Вместо них ответил начальник: потому, мол, что им на кушетке сидеть не полагается.

— А зачем же здесь кушетка в таком случае?

— Не для них…

В следующей, подобной же, камере мы увидели полураздетую монахиню, которая доживала последние минуты…

Вдруг наш провожатый остановился около одной камеры и говорит:

— Здесь сидит моя злодейка. Дней пять тому назад надумал позабавиться, а она, чертова холера, стала сопротивляться. Ну я ее, конечно, сюда… Даже жаль немного, потому что она, чертовка, красивая…

Когда открылась дверь — мы увидели нагой труп, висевший на жгуте из платья…

— Вот тебе и на! А я думал ее освободить…

Закрыв дверь, пошли дальше.

— Стой! Тут самое интересное.

— А что здесь такое? — спрашиваем.

— Сейчас увидите…

Палач догнал нас около выходной двери:

— Ну что, понравилось? Какие нежности! А мы ведь все это делали, когда они еще живые были!..

Придя в общежитие, мы легли в постель. Оба проворочались с боку на бок до утра.

Было тошно и страшно.

Мы даже не заметили, как поднялся старший по комнате и скомандовал: «Подымайсь!» Мы вскочили, сделали утренний туалет и стали в строй на завтрак. В строю нам объявили, что в 10 часов — общее построение. Мы позавтракали или, вернее, посидели за завтраком, так как аппетита совершенно не было. После завтрака направились в свое общежитие.

В строю нам объявили, что сегодня, 10 февраля, в 23 часа мы все по распоряжению наркома внутренних дел Украины выезжаем в город Рава-Русская для специального инструктажа. Там будет сам народный комиссар Украины. Оттуда будем направлены для выполнения специального задания. В 21 час все должны быть готовы. «Разойдись!»

В 12 часов мы пошли на обед. В столовой нам объявили, что в 16 часов общее построение на дворе, но без вещей.

Вернувшись в общежитие, легли на час отдыха, а в 16 часов уже стояли в строю. Перед строем — работник НКВД в чине младшего лейтенанта.

— Товарищи, — начал он, — у нас вчера замечено крупное нарушение воинской дисциплины, а может быть, и больше того. Два сержанта (я их, конечно, сейчас объявлять по фамилии не буду) напоили командира охраны специального помещения и проникли с ним в подвальное помещение, где хранятся боевые припасы новейшей техники. Вход туда запрещен, за исключением лиц, уполномоченных на это. Это — вылазка классового врага! Я думаю, что эти два товарища сейчас выйдут из строя и расскажут нам, как это произошло.

Шеренги стояли на месте, и никто из строя выходить не собирался… После краткой паузы начальник закричал не своим голосом:

— Нет большевистско-чекистской чести? В таком случае мы возьмемся за это дело!.. Мы узнаем, кто был. Тогда уж им не поздоровится. Мы опознаем их перед строем!..

Мы поняли, что в гуще такого количества людей, да еще одетых в одну кожу, опознать нас очень трудно, а по фамилии нас не знают. Да и никто, кроме часовых и начальника, нас не видел, а они, наверное, не старались нас припомнить… Мы решили твердо — не выходить из строя. Кроме того, мы надеялись на сегодняшний отъезд, а там — все забудется… Из-за этого всех задерживать не станут. Минут через 40 нас распустили, и мы вернулись в общежитие. До 20-ти часов мы сидели и каждую минуту ожидали вызова к нашему начальству. На душе было неспокойно…

В 20 часов — команда: «Приготовиться к построению!», а

через 15 минут: «Выходить строиться!» Нас отправляли дальше. Притопали на вокзал, погрузились в предназначенный нам вагон, стоявший на запасном пути, и в 23 часа тронулись в путь. Около двух часов ночи прибыли в Раву-Русскую.

Погода изменилась. Оттепель сменил мороз в 15–16 градусов. Нас заставили петь песни в гробовой тишине города. В 4 часа нас повели строем по городу и остановили около клуба Ворошилова. Прохожих в городе из гражданского населения не было ни одной души, можно было заметить лишь человека в серой шинели с винтовкой за плечами или же наряд милиции. Громадная площадь около клуба была занята многолюдной толпой в серых шинелях. Наша колонна была остановлена, расходиться было запрещено. К колонне подошел военный, но знаков различия распознать было невозможно. Он подал команду: «Смирно!» Вытащил карманный фонарь и начал читать список.

— Все лица, фамилии которых прочитаю, — говорил он, — являются начальниками оперативных команд. Эти лица должны будут зайти в клуб для инструктажа. Смотрите, — продолжал он, — ведите себя хорошо, так как здесь присутствует нарком внутренних дел Украины. Команда о сборе начальников оперативных команд будет подана дополнительно.

В число начальников команд попал и я. Через некоторое время нас вызвали в клуб. При входе сидел младший лейтенант и регистрировал командировочные удостоверения. Я зарегистрировался, прошел в клуб и занял место поближе к сцене. Помещение было тысячи на полторы, но туда набилось не менее двух с половиной.

На сцене, где были устроены места для начальства, появился майор государственной безопасности и подал команду: «Встать! Смирно!» И из правых дверей сцены показался сам нарком внутренних дел Украины.

После небольшого рапорта начальник поздоровался и уселся в кресло. Опять команда — «Садись!»

В зале наступила гробовая тишина. Каждый боялся чихнуть или кашлянуть — могут посчитать вылазкой классового врага…

Нарком поднимается и выходит наперед. Все замерли…

— Товарищи! — обратился он к личному составу. — Мы сегодня собрались сюда для того, чтобы выполнить ответственную задачу, возложенную на нас нашим пролетарским правительством и лично товарищем Сталиным. Мной получено распоряжение очистить Западную Украину и Белоруссию от классово чуждого элемента, что мы с вами и проделаем. Со дня освобождения наших братьев по крови от ига польских панов мы, не покладая рук, работали над тем, чтобы выявить всех лиц,

ненавидящих советскую власть и наши законы. Нам нелегко было достигнуть этой цели, но благодаря нашим работникам, а главное, благодаря великому, мудрому (и т. д. и т. п.) товарищу Сталину мы этого добились. Нами взято на учет такое население, которое нуждается в перевоспитании. Число, подлежащее изоляции, превышает полтора миллиона человек. Цифра, как видите, немалая, поработать придется крепко. Но я уверен, что мы не подкачаем. Я думаю, не только выполним, но и перевыполним. Сейчас пошлем телеграмму и заверим нашего наркома, товарища Берию, и товарища Сталина, что со своей почетной задачей справимся с честью!

«Преданные» вскочили, как от укуса пчелы, начали горланить:

— Ура товарищу Сталину! Ура товарищу Берии!

— Людей у нас достаточно, — продолжал нарком, — 60 000 лучших сынов Родины находятся в нашем распоряжении. Производство арестов должно быть закончено в три-четыре дня. Товарищ Сталин нас учит: «Врага надо бить молниеносно, не дав ему опомниться». На нашей стороне весь пролетариат украинцев и белорусов. Транспорта для перевозки арестованных достаточно. Все подводы мобилизованы и находятся на сборных пунктах. Начальники оперативных команд получат достаточно гужевого транспорта. Начальники сборных пунктов имеют достаточно в своем распоряжении железнодорожного транспорта. При производстве арестов — при малейшем сопротивлении применять оружие. Норма продуктов должна быть дана самая минимальная. На каждую семью (из какого бы она числа ни состояла) разрешать брать две буханки хлеба, десять фунтов пшена, один пуд картошки и два килограмма муки. Из одежды — разрешать брать только то, что можно надеть на себя. Нового не давайте, а то они все на себя напялят. На имущество составлять акты и передавать старосте села. Я думаю, все понятно и вопросов нет.

На этом речь главаря убийц была закончена.

Затем встал майор госбезопасности и начал читать список, кто куда прикреплен.

— Общая установка по операции назначается завтра, 12-го февраля, с 4-х часов утра. Сейчас — по местам! — закончил он.

Я попал в подчинение начальника сборного пункта Рава-Русская, лейтенанта госбезопасности Крюкова. Выгрузка и погрузка в железнодорожные вагоны арестованных должна производиться за три-четыре километра от Равы-Русской, на одном специально устроенном пункте, где нет близко населения. Связью со штабом начальника сборного пункта служил паровоз с одним прицепленным вагоном.

Часа в два дня я получил команду в 36 человек, в том числе: 5 человек из внутренних войск НКВД, 20 человек — из милиции и 11 человек из пограничных войск НКВД.

Ко мне в команду попал и мой приятель. Мне предоставили помещение в районе милиции на весь день. Часов в пять меня вызвали к начальнику сборного пункта. Мне был дан участок, где я должен был выполнять «работу». Участок состоял из трех сел. Главным из них было село П. В мое распоряжение было выделено 15 подвод с извозчиками-активистами и вручен список семей на производство их ареста. Расстояние от сборного пункта 20–25 километров.

— Завтра, — говорил начальник сборного пункта, — вы должны быть на месте в 4 часа утра. Подводы будут ожидать вас на разгрузочном пункте, а там — вы можете распоряжаться по своему усмотрению. Предупреждаю вас — прикажите, чтобы ваши подчиненные и вы сами не ели у крестьян, так как есть случаи отравления.

— А как же с питанием? — спросил я.

— Во время описи имущества отбирайте съестные продукты и давайте их подчиненным. Вы думаете, что имеете дело с нашими крестьянами? Нет — тут всего есть в изобилии! Они имеют целые стада.

— Тут же нет колхозов, — сказал я.

— Вы имеете дело с осадниками и лесниками[16] — понимаете? Этих собак надо убивать. Они нас ненавидят душой и телом. Вы думаете, что мы их повезем перевоспитывать? Нет!

Вернувшись к своей команде, я рассказал ей о полученном участке, разбил людей на группы и дал установку каждому, исходя из общего инструктажа…

В 24 часа выстроил команду и повел в назначенное место, где нас ожидал транспорт. Мороз усиливался.

Через час мы прибыли на место. Люди распределены по подводам. В два часа ночи двинулись в путь. Мороз свое брал. Приехавшие еще могли терпеть (в валенках), а красноармейцы, в сапогах с кирзовыми голенищами, не могли выдержать, и большинству из них пришлось не ехать, а идти. Двигались очень медленно. По дороге, в чистом поле, нас каждые десять минут встречал конный разъезд, а по лесным дорогам останавливала, также через каждые десять минут, засада. Таким образом мы прибыли к пункту не в 4 часа, а в 6 часов. В селе мы нашли старосту, по имени Петрусь, который повел нас в управу. Я потребовал нескольких проводников.

Всего в участке должно быть арестовано 36 семей, а в данном селе — 27. В 7 часов мы разошлись. Я начал с ареста так

называемого осадника Т. Расставил предварительно охрану, а сам со старостой начал стучать в дверь. Через минуту дверь была открыта, и мы зашли в дом. Хозяин зажег свет и спросил нас, чего мы хотим. Я ответил, что мы хотим арестовать его семью и доставить на сборный пункт, в город Рава-Русская.

— Ну что же, воля ваша. Мы этого ожидали, — ответил он.

Семья его состояла из двух взрослых дочерей и двух взрослых сыновей. Вся семья была поднята и посажена в одно место, с приставленным к ним часовым. Я начал опись имущества. Но — Боже мой! Когда же было описать все то имущество, что имел этот крестьянин! Продовольствия, одежды, скота и разной домашней утвари было столько, что вряд ли столько имела целая советская колхозная деревня. «Вот тебе и польский «замученный» крестьянин! Вот тебе и освободили!» — подумал я.

К обеду мы кое-как переписали. Один экземпляр акта я дал старосте, а другой взял себе.

Одежды, продуктов питания я разрешил брать столько, сколько им необходимо. Семья была посажена в сани, а в другие сани были погружены продукты. Перевезли в сельскую школу. Часам к 6 вечера было свезено в школу 16 семей, а остальные из этого села были свезены на второй день, часам к 12. Среди арестованных — 50 процентов было детей. Морозы усиливались, и если перевозить людей в той одежде, которая предписывалась инструктажем, — дети не доедут до сборного пункта… Я дал распоряжение взять перины, которые потом из актов описи вычеркнул.

В два часа 13 февраля я отправился сам с первой партией в 15 подвод. Арестованные задавали вопросы:

— Куда, на какой срок нас везете?

Сказать надо правду, что на все вопросы приходилось врать, да мы и сами не знали, что будет с несчастными.

В 16–17 часов первая партия была доставлена на сборный пункт. При погрузке в вагоны присутствовал помощник начальника сборного пункта, младший лейтенант. Когда начали погружать в вагоны привезенных мною арестованных, помощник начальника подошел ко мне и спрашивает:

— Кто начальник команды?

— Я, товарищ начальник, — отвечаю.

— Кто разрешил арестованным брать с собой перины?

— Я, товарищ начальник.

— А вы на инструктаже присутствовали?

— Да, присутствовал, товарищ начальник.

— Почему же вы разрешили?

— Потому что мороз, а среди арестованных много детей,

товарищ начальник.

— Хорошо!

Записал мою фамилию, место работы и ушел.

17-го февраля по всем участкам аресты были закончены. Команды, принадлежавшие к сборному пункту Рава-Русская, съехались на сборный пункт. Здесь стояло множество эшелонов с арестованными. В вагонах было невыносимо холодно, отопления не было; вместо уборных, были прорезаны дыры в полу… Вагоны были исключительно товарные, окон не было, а если были люки, то без стекла.

При погрузке все строго контролировалось, и все, что имели арестованные сверх положенного по инструктажу, отбиралось и сдавалось начальнику сборного пункта или его помощнику. Вагоны набивались битком и закупоривались наглухо. Доставки в вагон воды, продовольствия не было. Начали умирать дети. Многие отморозили руки, ноги. Просили помощи, но никто не обращал внимания. Описать это невозможно.

Часов в 5 вечера мы выехали из Равы-Русской и прибыли часа через полтора во Львов. Там пути были заняты эшелонами с усиленным конвоем пограничных войск НКВД. Перегрузка арестованных для отправки в Советский Союз должна была происходить во Львове, потому что железнодорожное полотно советского размера было расширено только до этого города. Движение поездов гражданского населения очень сократилось. Ко времени прибытия поезда пассажиров моментально «убирали».

20 февраля мы узнали, что перегрузка будет происходить в ночь с 21 на 22 февраля, и к вечеру вернулись в свое помещение, зашли в буфет и взяли ужин. Но только что мы приступили к ужину, как послышалась боевая тревога. Ужин, конечно, пришлось бросить и пулей лететь в свое общежитие. Одеваясь на ходу, мы стали в строй. Через 5-10 минут явился особый уполномоченный особого отдела штаба львовского военного округа, который сказал, что он уполномочен объявить и произвести запись добровольцев для охраны и перегрузки арестованных из польского транспорта в советский транспорт. «Транспорта, — говорил он, — прибыло достаточно, и мы должны эту польскую сволочь вывезти отсюда».

Запись происходила на месте. Чтобы узнать, что произошло с арестованными, лучшего случая не найдешь. Потому мы с другом тоже записались в добровольцы.

Открылись первые вагоны с арестованными, подана команда: «Выгружайсь!» Но никакая площадная ругань не заставила людей выходить из вагонов. Тогда начальники заставили своих подчиненных чекистов (команды, созданные для перегрузки)

лезть в вагоны и выбрасывать оттуда людей… Начал работать чекистский сапог. Оказалось, что вместе с живыми людьми в вагонах было много трупов, а остальные — калеки, с отмороженными руками и ногами, и только благодаря какому-то чуду немного людей было здоровых, но настолько истощенных, что они передвигаться были не в силах…

Началась перегрузка трупов и полутрупов — все сбрасывалось вместе с тряпьем в одну кучу… Стоны поднялись ужасные, люди просили пристрелить их, только не мучить. Команды рассвирепели. Одна женщина хотела взять с собой труп ребенка:

— Хоть умереть, — говорила она, — вместе с ним!

Ее закололи штыком в грудь.

Через час команде по перегрузке выдали по пол-литра водки…

Первого марта 1940 года я прибыл в Харьков и явился на прежнее место работы. После 5 дней моей работы меня вызвал начальник отделения и прочитал мне приказ по управлению НКВД Харьковской области:

«За допущенное халатное отношение к выполнению специального поручения и за допущенную мягкотелость к арестованным, чем нарушалась инструкция народного комиссара внутренних дел Украины (идя сознательно против инструкции, разрешал арестованным брать неположенную им одежду и питание сверх установленной нормы), — на первый случай — арестовать на 10 суток, с исполнением служебных обязанностей». Так закончилась моя специальная командировка в Западную Украину и Белоруссию.

ПАСПОРТИЗАЦИЯ ПО-СОВЕТСКИ

Десятидневный арест оказался совсем неплохим отдыхом — для духа и плоти. В обычных условиях моей работы я иной раз совсем не попадал домой, забываясь, как говорится, на тычке, нездоровым двух-трехчасовым сном. Отбывая арест, я покидал службу ровнехонько в 10 часов вечера, чтобы отправиться на гауптвахту, тут же, по соседству, в конвойной команде. Сдав оружие и снаряжение, я преспокойно отдыхал до девяти часов утра, защищенный от всех зол и бед часовым. От возни с агентурой я был избавлен, прохождение «Краткого курса» и успеваемость моих слушателей интересовали меня куда меньше, чем последнее из сновидений.

Но эти десять суток блаженства миновали тоже, как сновидение. Едва я был освобожден, как меня уже вызвали в отдел кадров, начальник которого объявил мне о новом назначении — в контроль ПРО УРКМ[17] Харьковской области.

— Это самая подходящая для вас работа, — сказал он мне, — у вас нет достаточного опыта для работы в отделении.

— Мои права и обязанности, товарищ начальник?

— Права большие. Вы — контроль. Понимаете? Вы должны изучить паспортное дело, все приказы секретного порядка, все инструктажи. Можете затребовать все материалы. Работать будете в самом управлении милиции, при ПРО. Основное — принимать жалобы граждан, а их будет много, жалоб всяких. По жалобам вы должны будете принимать решения. Окончательное решение! — подчеркнул начальник. — К вам будут приходить освобожденные нами. Милиция им откажет, а вы можете прописать, руководствуясь приказом товарища Берии, — в виде, как бы, исключения… Но смотрите — не забудьте такого человечка, не выпустите из рук, потому что понадобиться может.

Помолчав минутку, начальник продолжал:

— Участок серьезный, ответственная работа. Не зря дело это передано непосредственно нам. Начальник ПРО, старший лейтенант милиции Дергунов, опытный работник. Заходите к нему без стеснения, пока будете изучать паспортную систему, он познакомит вас со всеми деталями. Придется вам разъезжать по паспортным столам и контролировать их основательно, потому что опытные работники откомандированы в Западную Украину и Белоруссию. Вы должны, кроме того, полностью контролировать работу ВУС[18] при отделении милиции — они теперь подчинены ПРО. В ПРО есть инструктора, попробуйте связаться с ними, но предупреждаю: не попадите под их влияние! Еще раз говорю вам:

работа ответственная, малейшая оплошность, и вы очутитесь под судом — военный трибунал войск НКВД… Впрочем, сами понимаете, что это такое…

В первую очередь я начал знакомиться с низов, т. е. с начальников паспортных столов при отделениях милиции. Многие из них были даже без звания, а остальные со специальным званием «сержант милиции». Эти маленькие винтики были звеньями кандалов, налагаемых НКВД, и держали в руках население Советского Союза. Судьба приехавшего в данный населенный пункт человека решалась ими. «Захочу — пропишу, не захочу — мое дело и право», — говорили многие начальники.

Ознакомившись с распорядком работы паспортных столов, я составил план посещения их по Харьковской области. Меня интересовал прием посетителей на прописку, и я прибыл в 6-е отделение милиции, которое считалось по числу населения самым крупным в городе.

Захожу к начальнику паспортного стола, сержанту милиции Л., предъявляю документ и предлагаю продолжать работу. Начальник паспортного стола принимает посетителя.

— Что хотите, гражданин?

— Прописаться, товарищ начальник.

— Откуда приехал?

— Из села, товарищ начальник.

— Зачем?

— На работу хочу поступить, товарищ начальник.

— Договор о вербовке есть?

— Нет, товарищ начальник.

— Кто вас сюда звал?

— Да меня колхоз отпустил, товарищ начальник, ведь вы, наверное, знаете, как живут в колхозе…

— Без договора о вербовке я вам в прописке отказываю.

— Да как же быть? У меня денег нет на обратный путь.

— Это не мое дело. Я вас предупреждаю, что город вы обязаны покинуть в течение 24 часов. В случае невыезда будете отданы под суд за нарушение паспортного режима. Нам нужен, — разъясняет начальник, — организованный набор рабочей силы, нужно было ожидать вербовщика и завербоваться на сезон, а весной в колхоз. Вы приехали самотеком, понимаете? Без приглашения. Где вы остановились?

— У родственников (на такой-то улице, номер дома такой-то).

— Вот подпишите, что знаете теперь постановление Совета Народных Комиссаров Союза Советских Социалистических Республик. Постановление гласит: «За невыезд привлекается к

уголовной ответственности, по статье № 80 УК УССР тюремным заключением в отдаленных местах Советского Союза — сроком до пяти лет».

— Товарищ начальник, — пытается объяснить еще раз посетитель, — вы гляньте, ведь у меня справка. Я отпущен колхозом.

— Знаем мы ваши справки. Наверно, кум председателя колхоза и за пол-литра получил. Если недовольны, можете обжаловать в 24 часа в областное управление, в отдел ПРО.

Приехавшие погостить к родственникам получали то же постановление, а возвратившиеся осужденные сразу же отправлялись за 50 километров от города, хотя их семьи и находились в городе.

В город Харьков и Харьковскую область начали прибывать люди, арестованные во времена Ежова и освобожденные согласно приказу Берии. Удивительно было то, что среди прибывших вовсе не было ни одного гражданского лица, а все — в прошлом военные из командного состава. Документы у всех были одинаковы: «освобожден в связи с прекращением дела». Берией был спущен приказ о том, что начальники паспортных столов ни в коем случае не имели права прописывать и разговаривать с данными лицами, а немедленно направлять в ПРО. Но так как все эти лица были арестованы и освобождены НКВД, то инструкторы их направляли ко мне. Мне было дано распоряжение — направлять в спецполитический отдел (СПО). Там они попадали под специальную вербовку. Некоторые из них соглашались вернуться к прежнему месту службы, а некоторые отказывались. В беседе с одним бывшим командиром дивизии я задал вопрос:

— А почему вы не хотите вернуться к прежней службе?

Он посмотрел на меня и ответил:

— Довольно и того, что посидел ни за что два года, теперь предпочитаю подметать улицы, а с дворников спроса меньше.

Все эти лица состояли на учете в управлении НКВД и, рано или поздно, всех их заставили вернуться в армию. Они были направлены в части, комплектуемые для захвата Литвы, Латвии, Эстонии.

Это были люди всех возрастов, но главным образом от 30 и до 55 лет. Выглядели они ужасно: истощенные, почерневшие, головы их были седы, а ввалившиеся глаза смотрели безразлично и пусто. От ответов на вопросы о том, как жилось в ссылке и как все с ними случилось, они уклонялись. Они дали подписку о неразглашении.

* * *

Паспортная система была введена с целью окончательного обезличения русского крестьянства. Советская власть приступила к репрессиям по отношению к крестьянству с 1929 года и закончила эту кампанию в 1931 году. Миллионы крестьян-хозяев были выброшены на улицу, лишены крова и хлеба. Часть семей была сразу же арестована и сослана в туркестанские пески, в сибирскую тайгу, на Соловецкие острова и т. д. А часть разбежалась по городам, рабочим поселкам, совхозам и МТС (машинно-тракторная станция).

Сталин объявил индустриализацию страны. Нужна была дешевая рабочая сила. Откуда взять эту дешевую рабочую силу? Дешевую рабочую силу можно найти только за счет лишенного всех прав крестьянства. Во второй половине 1932 года был издан закон о паспортизации. Паспортизации подлежало все население Советского Союза — города, рабочие поселки, районные центры, совхозы, машинно-тракторные станции, стокилометровая пограничная полоса, стокилометровая полоса вокруг Москвы и Ленинграда, пятидесятикилометровая полоса вокруг городов республиканского значения… Я делаю это перечисление потому, что все эти «объекты» нашли свое место в соответствующем законоположении и характерны для сугубо политического стиля всей акции.

Городские жители и жители, представившие справку «бедняк-колхозник», получали паспорт сроком на три года. Срок действия паспорта считался со дня его выдачи. Всем лицам, которые не могли представить вовремя справку о социальном положении, выдавались трехмесячные удостоверения. Эти лица обязывались представить справку в течение трех месяцев. Одновременно органы милиции делали запросы сами по месту их жительства. Уйти от неизбежной гибели удалось лишь некоторым, имевшим справку к первому вызову в милицию.

Неудачники брались на особый учет органами милиции. Возник вопрос: что делать с ними? Судить в открытых судебных заседаниях советская власть не рисковала, да и когда этому был бы конец? Таких «преступников» было в каждом городе десятки тысяч. Кроме того, в чем можно было обвинять этих людей? Если этих тружеников лишили права трудиться в сельском хозяйстве, то они трудятся на производстве и для советской власти они не опасны. «Народное» правительство на этом, однако, не остановилось. Был издан секретный правительственный закон № 1441, которым разрешалось заменить временные удостоверения, а неполучившим — выдать, но как тем, так и другим поставить в графе «на основании каких документов выдано временное удостоверение» — номер «1441». Это означало:

СВЭ (социально вредный элемент). При каждой областной милиции предписывалось создать тройку: начальник областного ГПУ (государственное политическое управление), начальник областной милиции и областной прокурор. Эта тройка выносила в сутки сотни приговоров. Приговор, как правило, выносился заочно.

Так как статей уголовного кодекса союзных республик я не помню, то привожу статьи уголовного кодекса Украинской республики. Применялась статья № 33 УК УССР. Эшелоны за эшелонами отправлялись в далекие места Советского Союза. Сроки от 3-х до 5-ти лет. Но бывали случаи, когда за одно неуместное слово давали 10 лет, а иногда и расстрел. Сталинская кампания по вылавливанию крестьянства была закончена. Кто выживал, отбыв срок ссылки, возвращался на прежнее место жительства, но с паспортом, выданным так называемыми «ИТК» (исправительно-трудовая колония) и «ИТЛ» (исправительно-трудовой лагерь).

В 1936 году, с приближением срока обмена паспортов, вышло постановление СНК № 861 (в дополнение к пост. № 1441). Весь Советский Союз был разделен на режимные зоны и категории. Особая категория — пограничная стокилометровая полоса. Режимная местность 1-й категории — Москва, Ленинград и стокилометровая полоса вокруг этих городов, 2-я категория — республиканские центры и вокруг них пятидесятикилометровая полоса (например, город Киев и его пятидесятикилометровая полоса). К этой категории подходили крупные промышленные центры. Например, город Харьков. 3-я категория — областные центры и прилегающие к ним районы и т. д.

СРЫВ

В декабре появился вдруг мой дядя, родной брат моего отца, который был раскулачен и скитался последние восемь лет по советским тюрьмам и ссылкам. Теперь у него был собственный паспорт с пометкой «ИТЛ пол. о пасп. ст. 38». Объяснил ему, что это означает. Мы составили легенду о том, что он когда-то проживал в данном городе, на такой-то улице, а последние 10 лет проживал в городе Ташкенте и вот теперь опять вернулся на прежнее местожительство, в Харьков. Долго мне пришлось работать с ним, пока, наконец, он отвык называть чиновников «гражданин начальник». Заключенному обращение «товарищ начальник» было запрещено, и органы НКВД и милиции на этом часто бывших осужденных ловили. Мы подыскали квартиру, и дядя пошел в отделение милиции с заявлением о том, что по дороге у него был похищен бумажник вместе с паспортом. Фамилию, конечно, пришлось изменить. Как и следовало ожидать, начальник паспортного стола дал ему подписать постановление СНК о выезде из Харькова в течение 24 часов, но и мы тоже действовали.

— Разрешите обжаловать в область, товарищ начальник?

— Да, можете.

Не теряя времени, дядя обратился ко мне. Я пишу на заявлении резолюцию: «Начальнику паспортного стола такого-то района РК милиции. Выдать временное удостоверение и прописать на жительство в Харькове сроком на один месяц».

На работу устроить было легче всего. Достаточно мне было назвать свой чин и сказать, откуда звоню, начальник отдела кадров нашел работу.

Временное удостоверение, сроком на один месяц, было получено. Запрос из Ташкента через месяц получить было невозможно, да еще со специально запутанным адресом. Срок действия временного удостоверения истекал.

Через неделю мне удалось достать паспорт и выписать его дяде на другое имя. Еще два-три дня, и я с ним расстался. Начальник паспортного стола донес, конечно, по начальству. Следствие велось втихомолку. Хотели схватить дядю, но его след простыл. Объявили всесоюзный розыск, но ищите в поле ветра! Фамилия другая. 28-го февраля мне предоставили очередной отпуск. 3-го марта я сдал дела. За мной следили, конечно, со всех сторон. На работе перекопали все, но следы я успел замести. Они, очевидно, ожидали, что, может быть, я еще раз попытаюсь встретиться с дядей, но кое-что от их выучки осталось и у меня.

28 марта я прибыл в управление, чтобы приступить к работе, но мне предложили отгулять еще три дня, в зачет времени, когда я передавал дела. Очевидно, решался вопрос, допускать или нет. 3 апреля я прибыл в управление. Начальник ПРО сказал, что меня просил зайти начальник СПО. Являюсь.

— Ах, это вы прибыли, товарищ Бражнев? Я вас давно ожидаю, — с ехидной улыбкой говорил начальник СПО.

— Слушаю, товарищ начальник.

— А что же у вас кобура грязная? Наверно, и пистолет такой же? А нуте-ка, дайте, я посмотрю…

Я снял и положил на стол.

— Ну вот, а теперь подпишите подписку о невыезде. С работы вы временно сняты. По первому требованию вы обязаны явиться к особому уполномоченному.

— За что, товарищ начальник?

— Узнаете немного позже. Все. Можете идти.

ПОД СЛЕДСТВИЕМ

17 апреля меня вызвал к себе по телефону особый уполномоченный НКВД, в комнату 221. Предъявив удостоверение личности, я зашел в управление и направился в назначенную комнату. В коридоре встречаю чекиста в чине лейтенанта государственной безопасности. Он остановил меня:

— Вы ко мне, товарищ Бражнев?

«Ого! — промелькнула мысль, — и тут установлена слежка!»

— Не знаю, товарищ начальник. Я в комнату 221.

— Будем знакомы. Особый уполномоченный Яржевский. Идемте.

Мы зашли в кабинет.

— Садитесь, товарищ Бражнев.

— Спасибо.

— Хорошо или плохо?

— Что именно?.. Вы мне лучше скажите, товарищ начальник, за что я сюда попал?

— А вот вы мне лучше расскажите. Нате-ка вам протокол допроса и напишите, как и что произошло. Если одного бланка будет мало, я вам дам еще один, а если двух мало, дам третий.

— Я ничего не понимаю, товарищ начальник. В чем вы меня обвиняете?

— Подумайте и напишите.

— Да о чем?

— Вы сами прекрасно знаете.

— О чем же я могу писать?

— Ах, не знаете? Ну идите домой. Вы где живете?

— Поселок Немышля, направление ХТЗ (Харьковский тракторный завод).

— Далековато. Это, наверно, километров десять будет?

— Да, не меньше, товарищ начальник.

— Ну хорошо. Идите. Только — домой, потому что мы можем вас вызвать в любую минуту. Сколько надо вам времени идти пешком?

— Я не могу точно знать, но примерно, три — три с половиной часа.

— Ну хорошо, потом посмотрим.

Я вышел и сразу же попал на попутный мне трамвай № 20. Домой я прибыл ровно через 50 минут. С каждой минутой надо считаться и рационально распределить время на еду и отдых.

Ровно через полтора часа — телефон. Я снял трубку.

— У телефона сержант государственной безопасности

Бражнев.

— Говорит особый уполномоченный лейтенант государственной безопасности Яржевский. Будьте добры явиться ко мне в 14.00, в комнату 221.

— Есть товарищ начальник.

И начал одеваться. Ровно в 14.00 я прибыл.

— Ну как теперь? Напишете?

— Не знаю о чем, товарищ начальник.

— Ну, раз не знаете, идите домой.

Ровно в 16.00 звонит телефон. Я обязан явиться в 18.00. Явился.

— Надумали, товарищ Бражнев?

— Ставьте вопрос прямо, товарищ начальник. В чем вы меня обвиняете?

— Ну идите домой.

— К каким часам явиться, товарищ начальник?

— Мы скажем.

Не успел зайти в квартиру, телефон.

— К каким часам явиться, товарищ начальник?

— Ах, вы уже знаете, товарищ Бражнев!.. К 22.00.

Являюсь.

— Сержант государственной безопасности Бражнев прибыл по вашему вызову.

— Дисциплина у вас хорошая. Садитесь. Еще не вспомнили?

Молчу.

Ухожу. Добираюсь домой последним трамваем.

В час ночи телефон.

— Это вы, товарищ Бражнев?

— Да, я.

— Будьте добры, придите ко мне к 4.00.

Так продолжалось до 15 мая: трое суток вызовы, а на четвертые — дома, без вызова. Зная, что четвертый день свободный, я отправился с жалобой к прокурору войск НКВД по Харьковской области, но получил ответ: «У меня вашего дела нет. Я думаю, особый уполномоченный еще его не закончил».

— Товарищ прокурор! — взываю я. — До сих пор не знаю, в чем меня обвиняют!..

— Хорошо, я поговорю.

Три дня меня не трогают. 19 мая опять вызов. Являюсь. За столом особого уполномоченного сидит читателю уже известный младший лейтенант государственной безопасности Яневич.

— А! Кажется, уже знакомы?

— Садитесь и рассказывайте правду. Я вам, товарищ Бражнев, о прошлом напоминать не буду. Практику вы, наверно, помните?

— Да, помню.

— Ну вот, теперь мы с вами вдвоем. Курсантов ваших с вами нет, и я думаю, что на меня никто не набросится. Вы обвиняетесь… — он сделал паузу, — вы знаете, в чем вы обвиняетесь?

— Нет.

— В связи с контрреволюционером. Вы помогли ему — прямо или косвенно. Вы выдали паспорт, кому?

— О ком вы говорите, товарищ младший лейтенант?

— Вы знаете, о ком… И мы его нашли.

«Врешь, — думаю, — подлец! По глазам вижу…»

— На каком основании вы дали распоряжение прописать его, а потом выдать пятилетний паспорт? — называет фамилию дяди.

— На том основании, что у человека были похищены документы в дороге и отказать ему — это значит послать на преступление. В советском кодексе говорится: «Не тот преступник, кто сделал преступление, а тот, кто толкнул его на путь преступления».

— Да, я знаю, что вы грамотны, но ваш номер не пройдет, и вы ответите по всей строгости революционного закона… Так вы не хотите признаться?

ВОЕННЫЙ ТРИБУНАЛ

На 2 июня, в 9.00, мне назначен суд. Прибыл. Примерно через час суд сделал перерыв. Все выходят во двор. Впереди идет председатель суда Мироненко, за ним заседатель из работников НКВД, потом второй заседатель с прокурором. Я плетусь за прокурором и вдруг слышу разговор. Прокурор говорит заседателю: «Надо припаять хорошенько»… Услышав эти слова, я останавливаю их и говорю: «Как же так? Вы же знаете, товарищ прокурор, что по советским законам суд подчиняется только закону. Какое же вы имеете право влиять на заседателя военного трибунала? Я не доверяю данному составу военного трибунала, так как вы, государственный обвинитель, влияете на судей».

— Ах, вы столь грамотны? Хорошо, поговорим позже.

После перерыва прокурор просит слово.

— Я получил дополнительные материалы по обвинению Бражнева, — заявляет он, хотя никаких дополнительных материалов не было. — Прошу суд отложить и, чтобы не помешать ходу следствия, Бражнева необходимо изолировать.

Трибунал согласился. Я был арестован и «черным вороном» доставлен в харьковскую тюрьму, находящуюся на Холодной Горе.

Ровно в половине двенадцатого меня завели в так называемую этапку. Поставив меня лицом к стене, начальник конвоя доложил обо мне начальнику этапа.

— Ага, значит наш бывший? — говорит начальник этапки.

Он подходит ко мне, берет меня за плечи и поворачивает:

— Ну, что же ты?.. Тебе форму доверили, а ты опозорил ее, да и не только опозорил, а смазал честь чекиста. С врагами спутался. Они нашу кровь сосут, а ты им задумал помогать. Да что тебя агитировать? Подними руки вверх. Дай-ка я тебе сделаю шмон.

Перещупав до единого рубца мою одежду, он взялся за туфли.

— Туфли-то хорошие, но им сейчас хана.

Он возвратил мне туфли с оторванными подошвами и без каблуков.

— На тебе твои туфли, да тут тебе ходить некуда. Хорош будешь и в этих. Отведите его, — обратился он к рядовому.

Солдат меня повел по коридору.

— Куда же теперь, гражданин начальник? — спросил я солдата.

— В общую этапную.

Я вошел в общую этапную комнату. На полу, у стен, сидело человек 40 арестованных, середина комнаты была свободна от

людей, завалена мусором и оплевана сплошь. Несколько человек поднялись. Подошли ко мне.

— Ну, за что попал, браток?

— За халатность. Кобылу украл, а кнут забыл. Догнали проклятые.

— Свой в доску. Закурить есть?

* * *

9 июня, в 7 часов вечера, меня вызвали на допрос и «черным вороном» привезли в управление НКВД, в ту же самую комнату № 221. За столом сидел Яржевский, недалеко от стола, пересматривая мое дело, Яневич.

— Садитесь, товарищ сержант государственной безопасности, — с ехидной усмешкой обратился ко мне Яржевский.

— Благодарю вас, гражданин начальник.

— Ах, вы уже привыкли называть «гражданин начальник». Ну, как дела?

— Спасибо. Хорошо.

— Но мы постараемся сделать похуже, если вам и в тюрьме хорошо.

— Дело ваше.

— Молчать! — крикнул Яржевский. — Ну, что там, товарищ Яневич?

Яневич пододвинул стул к столу.

— Ну, что теперь?.. Будешь сознаваться? Контра, которой ты помог, уже поймана, — начал Яневич.

— Я никаких контр не знаю.

— Ну, если не знаешь, то мы попробуем заставить тебя знать. На всю жизнь. Курсантов здесь нет. Защищать тебя некому. Встать! Руки вверх! — заорал Яневич и начал надевать мне на ноги путы. — Вытянуть руки вперед! — надел на руки браслеты.

На полу лежал ковер, длина его метра два с половиной и ширина в один метр. Меня поставили спиной к стене. Расстояние между мной и стеной было около 70–80 сантиметров.

— Становись, сволочь, на конец ковра! — крикнул Яржевский. Яневич дернул ковер за противоположный конец. Со всей высоты своего роста я сел на пол, а головой ударился о стену. Опоры не было, так как руки, скованные браслетами, были впереди.

— Поднимайсь! — командует Яржевский. — Будешь, гадюка, признаваться?

Молчу.

— Завязать глаза, — говорит Яржевский Яневичу.

— Есть, товарищ начальник.

Меня посадили еще раз пятнадцать, с завязанными глазами. Кровь хлынула изо рта. Яневич дал холодной воды.

— Ну как, теперь хорошо? — ехидничал Яржевский. — Выносишь, гадюка?.. Ладно, мы не таких ломали. Я думаю, сломим и тебя.

В поясной части позвоночника я почувствовал невыносимую боль. Ноги подкосились. Упал.

— А, придуриваешься, гадина? — подскочил Яневич и стал снимать с меня туфли. Яржевский подошел со столовой металлической ложкой. Начали меня бить по пяткам. Я потерял сознание.

Не знаю, через сколько времени я очнулся. Открываю глаза. Я сижу в кресле, передо мной стоит Яневич. Яржевского в комнате нет.

— Вы, может быть, сознаетесь, товарищ Бражнев, а то вам будет очень плохо!..

— Вы мне не товарищ, палач Яневич, — вырвалось у меня.

— Ах, так…

В комнату вошел Яржевский.

— Встать, гадина! — завопил он не своим голосом.

Яневич поднял меня с кресла и отошел.

— Не признаешься, гадина? — Яржевский сжал кулаки и стал бить меня по лицу: справа и слева… Если я падаю влево, он ударяет правой, а если вправо — левой.

Но палачам показалось, что этого эксперимента недостаточно. Яневич ударил меня рукоятью пистолета в нижнюю челюсть, под передние зубы. Во рту осталось четыре зуба. Яржевский, очевидно целясь ударить рукояткой пистолета в диафрагму, попал немного выше и правей. Затрещали ребра, и я потерял сознание.

Очнулся я, лежа на койке тюремной больницы. Выбито четыре зуба, сломаны два ребра и вывихнут девятый позвонок.

В час ночи 22.06.1941 военный трибунал войск НКВД по Харьковской области приговорил меня, за связь с контрреволюционным элементом, к 7-ми годам заключения в отдаленных лагерях Советского Союза без права переписки и к 5-ти годам лишения политических и гражданских прав после отбытия семилетнего наказания.

...Я знаю человека в себе, стараюсь быть искренним,
собирая расширенные образы, на скрытые недра чело-
вечества и вера в грядущее обновление: я хочу бороться,
чтобы не стихли жизнь и борьба за мечту.
Анатолий Брежнев

notes

Примечания

1

Григорий Федорович Корнеев помог молодому Бражневу обустроиться в Харькове по приезде из Екатеринослава и был посвящен во все тайны его прошлой жизни.

2

Имеется ввиду «История ВКП(б). Под редакцией Е. М. Ярославского».

3

Коверкот — плотная шерстяная или полушерстяная ткань.

4

Клакер — человек, которого нанимают для того, чтобы аплодировать артисту, создавая впечатление успеха.

5

Пауперизм — массовая нищета.

6

Эрнст Тельман (1886–1944) — лидер немецких коммунистов. После прихода Гитлера к власти был арестован (1933 г.). Советское руководство обещало позаботиться об освобождении Тельмана, но так и не сделало этого. В августе 1944 г. в концлагере Бухенвальд Э. Тельман был расстрелян.

7

Джамбул Джамбаев (1846–1945) — казахский народный певец, лауреат Сталинской премии. В своих песнях прославлял жизнь в СССР и его руководителей (Ленина, Сталина, Калинина, Ежова и др.).

8

Лютер Бербанк (1849–1926) — известный американский натуралист и селекционер. Работал над выведением новых сортов деревьев, картофеля, цветов. Бербанк прославился оригинальными идеями в области селекции растений.

9

Кацетник — заключенный.

10

Там, где в партийных организациях нет трех членов партии, а кандидатов может быть много, секретарь не избирается, а назначается политотделом или райкомом партии парторг. (Примеч. авт.)

11

Статья 70 Уголовного кодекса СССР — кража. (Примеч. авт.)

12

Мешок, сумка с вещами. (Примеч. авт.)

13

Осоавиахим СССР — добровольная общественная организация в СССР в кон. 1920-х — 1940-х гг. Сокращенная форма от полного названия — «Союз Обществ содействия обороне и авиационно-химическому строительству СССР».

14

МОПР — Международная организация помощи борцам революции.

15

Большевики ввели коммерческие цены на промтовары и магазины для их продажи. Кроме того, имелись магазины с нормальными ценами на товары, но товаров в этих магазинах почти никогда не было. (Примеч. авт.)

16

Осадники — польские военные переселенцы-колонисты в Западной Украине и Западной Белоруссии. Лесники — служащие лесной охраны.

17

ПРО УРКМ — Паспортно-регистрационный отдел управления рабоче-крестьянской милиции. (Примеч. авт.)

18

Военно-учетный стол. (Примеч. авт.)